К. Н. ХАРТЛИНГ

НА СТРАЖѢ РОДИНЫ

СОБЫТІЯ ВО ВЛАДИВОСТОКѢ

КОНЕЦ 1919 г. — НАЧАЛО 1920 г.

«Терпи и надѣйся на Бога,
Как не было-б тяжко тебѣ
Борись до послѣдней минуты,
Мужайся и крѣпни в борьбѣ!»...

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Армія сражалась с врагом на Уралѣ. Плохо-снабженные, но сильные духом полки ея, проявляя предѣл напряженія, выполняли свой долг. В это время в тылу ея, лишенныя творческаго размаха руководящія группы бѣлых, не понимая выставляемых ходом событій требованій, занимались возстановленіем мертвых форм знакомаго и милаго им прошлаго. Толчея на мѣстѣ, с опредѣленной тягой к старым формам взаимоотношеній классов и групп населенія, губила всѣ начинанія власти. Народныя массы, и даже средніе классы, все больше и больше отходили из-под вліянія верхов.

Эс-эры, ушедшие послѣ переворота 18-го ноября в подпольѣ, имѣя за собою благожелательство и негласную поддержку руководителей чехо-словаков, уже с первых мѣсяцев этого, столь много обѣщавшаго вначалѣ и оказавшагося столь трагичным для бѣлых в своем концѣ, 1919 года, упорно вели свою работу по разложенію основ, на которых должна была держаться Всероссійская Національная Власть.

Неудачи на фронтѣ, влекшія за собой откат все дальше и дальше на восток линіи фронта, конечно, не способствовали укрѣпленію престижа Правительства, как среди иноземцев, так и своих собственных граждан. Время шло и с каждым днем число врагов Бѣлой Власти росло.

Наступил ноябрь мѣсяц. Пал Омск. Армія отступала вглубь Сибири. Тревога за самое ближайшее будущее охватила, как представителей Бѣлой Власти, так точно и „союзников"— интервентов и обывателей.

С каждым днем, с каждым часом тревога росла. Враги Правительства ее раздували, это было в их интересах. Наконец, вдруг всюду и вездѣ, в тылу Дѣйствующей Арміи, появились бунтари: анти-правительственные элементы пошли на штурм Омской Государственности.

Застрѣльщиками были эс-эры — областники.

Сигнал к борьбѣ был дан из Владивостока, гдѣ Гайда — герой былых побѣд, смѣнившій тропу полководца на скользскій путь интриг и авантюр, поднял возстаніе. Горстью вѣрных Долгу и Родинѣ его силы были раздавлены на другой день, но это был только временный успѣх для Омскаго Правительства. Дальнѣйшее отступленіе Арміи, разлад, раздоры и непрекращающіяся интриги в окруженіи Адмирала, растерянность, бездѣйствіе, предательство и измѣна ряда представителей Бѣлой Власти на мѣстах, паника в средѣ интервентов — все это только способствовало успѣху дѣла переворотчиков.

Бунт в Ново-Николаевскѣ, возстаніе в Иркутскѣ, измѣна в Красноярскѣ, переворот во Владивостокѣ...

Эс-эры старались захватить в свои руки бразды правленія, но из этого ничего не получалось. Их роль оказалась ничтожной и жалкой. Всюду, гдѣ не взвивалось красное знамя, подымаемое эс-эрами, там через нѣсколько дней уже торжествовал большевизм.

В своей книгѣ Полковник Хартлинг повѣствует о тѣх испытаніях и той борьбѣ, которые пришлось выдержать и перенести воинским чинам, находившимся в рядах частей Владивостокскаго гарнизона. Их служба Родинѣ в этом большом портовом городѣ была нелегкая. Им приходилось не только бороться с

врагом внутренним, но и имѣть дѣло с обнаглѣвшими „союзниками“. Дерзость послѣдних переходила всѣ границы. Этому во многом содѣйствовал русскій „обычай“ втягивать в свои внутренніе споры иноземцев. При таких условіях охрана чести и достоинства Великой Россійской Державы была исключительно трудна и тяжела.

„Свои“ в рядах врага, „враги“ в своих рядах, героизм отдѣльных бойцов, бездѣйствіе и бюрократизм верхов, граничащіе с предательством, равнодушіе обывателя, психологія рядового воина, юнкера и офицера — все это приковывает к себѣ вниманіе, заставляет вдуматься и уяснить тѣ причины развала многих частей Молодой Арміи, перехода их в ряды врага. То, что произошло во Владивостокѣ с Учебной Инструкторской Школой и другими частями, точно то же имѣло мѣсто с другими частями в других мѣстах, как то: Иркутскѣ, Красноярскѣ, Ново-Николаевскѣ......

Внимательно читая книгу Полковника Хартлинга, вдумываясь в даваемые им облики войсковых начальников и рядовых воинов, в рисуемыя им картины жизни воинской части и военно-учебнаго заведенія, мы получаем отвѣты, что и как нужно дѣлать, как не должно поступать, дабы сохранить вѣрность и боеспособность части. Психологія бойца весьма многогранна и не только его дѣеспособность, но даже вѣрность его всему дѣлу зависит от правильнаго подхода к нему и умѣлаго обращенія с ним его начальника.

Б. Филимонов.

28-го января 1935 года.
г. Шанхай.

ОТ АВТОРА.

От прошлаго нас отдѣляет всего каких-нибудь пятнадцать лѣт. Уроки этого прошлаго не должны пройти даром. Оно должно быть изучено и полученный опыт должен быть полностью использован.

Находясь за рубежом нашей Родины, всѣ мы отвлечены добыванiем куска хлѣба насущнаго, что не дает возможности работать в том направленiи, каком хотѣлось-бы и как-то было-бы полезно для нашей Родины.

Живя вдали от каких-либо архивов, не имѣя достаточных средств на выписку нужных книг и, наконец, не имѣя просто даже возможности обмѣняться мнѣнiем с русским человѣком, так-как на всю среднюю Яву я являюсь единственным русским, я не беру на себя труд составленiя болѣе или менѣе полнаго описанiя Владивостокских событiй 1919—1920 г.

В данной книгѣ я постараюсь изложить, возможно правдиво и полно, гайдовское возстанiе, затѣм опишу подавленiе бунта личнаго конвоя Генерала Розанова и, наконец, разскажу о переворотѣ, приведшим к поднятiю краснаго флага над Владивостоком.

Мое повѣствованiе, главным образом, основывается на личных впечатлѣнiях и переживанiях. Частично оно пополнено свѣдѣнiями, полученными от ограниченнаго круга лиц и подкрѣплено немногими документами. Наконец, отредактировано оно Б. Б. Филимоновым.

В заключенiе выражу надежду, что в моем описанiи участники событiй не найдут грубых ошибок и читающие примут благосклонно мой труд.

К. Хартлинг.

23-го января 1935.
о. Ява.

ПОЛКОВНИК Б. И. РУБЕЦ-МОСАЛЬСКІЙ.

Начиная с Сучанскаго похода Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ в апрѣлѣ 1919 года и кончая усмиреніем Розановских егерей в январѣ 1920 года, на Полковника Рубца выпала исключительная доля — силою оружія поддерживать порядок во Владивостокѣ и его окрестностях.

Я не был участником побѣдоноснаго шествія на Сучан, а потому мои записки обнимают лишь событія во Владивостокѣ с осени 1919 года до паденія власти Верховнаго Правителя. В событіях этих главную роль играл Полковник Рубец. Поэтому пусть книга эта, если когда-либо мои записки будут отпечатаны ввидѣ отдѣльной книжки, явится свѣтлой памятью об ушедшем от нас в лучшій мір нашем любимом начальникѣ.

Біографія Бориса Ивановича Рубца проста и вполнѣ обычна для десятка тысяч офицеров Россійской Императорской Арміи. Единицы из них уцѣлѣли, остальные жизнью своей запечатлѣли подвиги русскаго на фронтах Великой войны и в братоубійственной бойнѣ.

Борис Иванович окончил Первый Кадетскій Корпус. Затѣм послѣдовало Павловское Военное училище, кратковременное пребываніе в рядах „Желѣзной" стрѣлковой бригады, Китайскій поход в дни усмиренія Боксерскаго возстанія и Японская война в рядах 36-го Восточно-Сибирскаго полка. Борис Иванович, между прочим, был участником боя под „сопкой с деревом",

получившей впослѣдствіе наименованіе „Путиловской сопки". Этот бой, как извѣстно, был единственной побѣдой Русской Арміи в Японскую войну.

С 1905 года и по выход на фронт в 1914 году, Борис Иванович был Начальником Учебной команды 36-го Сибирскаго стр. полка. Рѣдкій стаж! Вѣроятно на этой должности и закалился окончательно его характер: он шел открыто к цѣли, энергично отстаивая свои требованія.

Міровая война к двум серебряным полоскам на лѣвом рукавѣ добавила еще три золотых. Пять эвакуацій за раненіем! В послѣдній раз его привезли с фронта в Москву тяжело раненым в голову. С этого времени у него и появилась привычка браться обѣими руками за виски, когда обстановка требовала глубоко вникнуть в происходящія событія.

Едва подлечившись в Москвѣ от послѣдняго раненія, Борис Иванович получает в командованіе 20-й Запасный Сибирскій стрѣлковый полк, квартировавшій в Омскѣ.

Грянула революція. Телеграммы из Петрограда сообщали невѣроятныя событія. Полковник Рубец не повѣрил „провокаціонным извѣстіям из Петрограда" и приказал в раіонѣ полка не опубликовывать их. И в то время, как в Омскѣ уже шли митинги и манифестаціи „освобожденнаго народа" 20-й Запасный полк жил своею обычной жизнью. А через день сосѣдній полк арестовал Командира и офицеров 20-го Запаснаго Сибирскаго стрѣлковаго полка.

С начала 1918 года Полковник Рубец принял дѣятельное участіе в подготовкѣ сверженія больше-

ников во Владивостокѣ. Осенью того-же года ему пришлось пережить горькую обиду от союзников, разоруживших 1-й Сибирскій стрѣлковый полк Правительства Приморской области. Далѣе послѣдовала служба в Учебной Инструкторской Школѣ на Русском Островѣ, закончившаяся арестом 28-го января 1920 года и заключеніем в большевитскую тюрьму.

5-го апрѣля 1920 г. японцы освободили Бориса Ивановича из Хабаровской тюрьмы. Нѣкоторое время он укрывался от преслѣдованія „товарищей" в окрестностях Владивостока, а затѣм навсегда перебрался в Маньчжурію.

Большая часть его эмигрантской жизни прошла в службѣ ночным сторожем. Здоровье разстроилось и 21-го декабря 1933 года в тяжелых муках, от язвы в желудкѣ, он скончался в г. Харбинѣ, окруженный заботами своих боевых товарищей — родных в Харбинѣ у него не было.

СХЕМА № 1. — Раіон Владивосток — Никольск-Уссурійскій.

I. ТРЕХЦВѢТНЫЙ ФЛАГ НА БЕРЕГАХ ВОСТОЧНАГО БОСФОРА.

1. Семьдесят пять лѣт тому назад. 2. Владивосток до Великой войны, в дни ея и в первый год революціи. 3. Лига благоустройства Владивостока. 4. Созданіе Генералом Сахаровым Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ. 5. Первый выпуск Школы. 6. Генерал Сахаров и Комендант Крѣпости. 7. Новый Начальник У. И. Ш. на Р. О. 8. Мое прибытіе в Школу и впечатлѣнія.

„Там, гдѣ раз поднят русскій флаг, он не может быть спущен", — такія слова были выбиты на памятникѣ Адмиралу Г. Ив. Невельскому, поставленном во Владивостокѣ, в центрѣ города, над бухтой „Золотой Рог".

Эти мудрыя и великія слова приписываются Императору Николаю Первому, сказавшему их по поводу поднятія Г. Ив. Невельским, тогда еще Лейтенантом, русскаго флага в устьях рѣки Амура у селенія Николаевки и послѣдовавшаго за сим протеста представителей Поднебесной Имперіи, предъявившей притязанія на этот край.

Г. Ив. Невельской, присоединившій к Россіи всю нынѣшнюю Приморскую область, доказал, что всѣ

трактаты с Китаем очень смутно упоминают об этом краѣ и он, собственно говоря, являлся до того времени ничьим, ибо ни русскіе, ни китайцы о нем не имѣли никакого представленія. Напр., на картах того времени остров Сахалин изображался полуостровом.

На мѣстѣ Владивостока в тѣ времена существовала маленькая, туземная, рыбацкая деревушка, налогов никому, никогда, никаких не платившая... Но вот в 1858 г. первые русскіе появились в краѣ, на том мѣстѣ, гдѣ теперь стоит город Хабровск, а через два года, т. е. в 1860 г. всѣ земли по рѣкѣ Уссури или Усурѣ, как прозвали ее русскіе переселенцы, по нижнему Амуру и все побережье до границ Кореи присоеденены были уже к Россіи. В этом-же году был и основан город Владивосток.

∴

Террасами красиво раскинулся Владивосток по гористому сѣверному берегу бухты „Золотой Рог", что находится на южной оконечности полуострова Муравьева-Амурскаго. Превосходное мѣстоположеніе оказало благотворное вліяніе на быстрый рост молодого городка. Он стал также крѣпостью. Это русское окно в бассейн Великаго Океана! Это жемчужина Русскаго Дальняго Востока!...

Если Владивосток рос в мирное время, то за время Великой войны он пріобрѣл огромное значеніе, ибо через него, главным образом, происходил ввоз товаров в Россію из заграницы. В Гражданскую-же войну снабженіе товарами и оружіем Бѣлой Сибири происходило почти исключительно через него. В 1919 году это был уже крупный портовый город с населе-

щий нѣсколько сот тысяч жителей. Главная улица города — Свѣтланская, проходящая параллельно бухтѣ Золотой Рог, протянулась на шесть с лишним верст. Под прямым углом ее пересекает другая большая улица — Алеутская. От Свѣтланки-же исходит и третья большая улица — Китайская, пересѣкающая линію гор, и ведущая в предмѣстье Владивостока — Первую Рѣчку, сливающагося со слѣдующим предмѣстьем — Второй Рѣчкой. Далѣе на сѣвер вдоль по западному побережью Муравьев-Амурскаго полуострова тянутся уже дачная мѣста: Седанка, 18-ая верста, Океанская, 26-ая верста. По другую-же сторону города, самая южная часть оконечности полуострова изрѣзана бухтами, значительно меньшими по сравненію с Золотым Рогом, но карсивыми и удобными. Это бухты: Діомид, Улисс и Патрокол. Еще далѣе на юг, за проливом Босфором Восточным, тянется обширный Русскій Остров, в сѣверной части своей раздѣленный глубокой бухтой Новик. По площади своей Русскій Остров равен приблизительно 120 квадратным верстам. До революціи 1917 г. доступ на Русскій Остров был обставлен очень большими трудностями — без пропуска Коменданта Крѣпости туда никого не пропускали, въѣзд-же иностранцам туда был совершенно запрещен.

Но вот пришла ,,великая и безкровная"...... Без окон, печей и дверей стояли огромныя зданія казарм. Владивосток был скоро наводнен иностранными десантами. Какіе только флаги не развивались в русском городѣ и какіе только иноземцы не бродили по русским фортам... На Русскій-же Остров ѣхал и селился

на нем всякій, кто хотѣл. Там образовались даже притоны преступников...

* * *

Весной 1918 года я стоял во главѣ сторожевого отдѣла „Лиги благоустройства Владивостока". Под этим неуклюжим названіем скрывалась организація, которую хотѣли реорганизовать в международную полицію, если-б удалось Владивосток превратить в международный город. Моим помощником был Полковник Борис Иванович Рубец. Большинство сторожей были офицеры и солдаты, невоспринявшіе большевизма. Среди сторожей был даже один Генерал— Генерал-маіор Иванов-Мумжіев. Очень короткое время сторожем состоял Полковник Сотников, позднѣе доблестно командовавшій стрѣлковым полком на Уральском фронтѣ, потом в Забайкальѣ и, наконец, в Приморьѣ во время Хабаровскаго похода. В число сторожей попал так-же и Штабс-Капитан Нельсон-Гирст, командовавшій позднѣе полком в Народно-Революціонной Арміи Дальне-Восточной Республики. За время службы в сторожевом отдѣлѣ лиги, Штабс-Капитан Нельсон-Гирст производил очень хорошее впечатлѣніе своей дисциплинированностью и на меня и на Полковника Рубца.

* * *

Полковник К. В. Сахаров, объѣзжавшій в октябрѣ 1918 года вмѣстѣ с британским Генералом Ноксом Уральскій бѣлый фронт, по своем возвращеніи в Омск получил назначеніе во Владивосток, дабы там, на Русском Островѣ, собрав 500 офицеров и 1000 солдат, подготовить из них кадр для будущаго армей-

скаго корпуса. Генерал Нокс при этом обѣщал от имени британскаго военнаго командованія всевозможную помощь.

2-го ноября 1918 г. Сахаров вмѣстѣ с Генералами Ноксом и Степановым выѣхал из Омска, а в концѣ этого-же мѣсяца был уже во Владивостокѣ.

На первый курс „Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ", как офиціально была названа вновь образуемая Школа*), Сахаров набрал до 500 офицеров и около 800 солдат. В теченіе двух-трех мѣсяцев в полуразвращенных революціей воинских чинов нужно было вдохнуть здоровый дух, показать им всѣ преимущества крѣпкой дисциплины и слить их в дружную семью. Времени было мало. Этого нельзя выпускать из виду. Но нужно так-же отмѣтить, что и обязанности младшаго офицера регулярной арміи в сущности не так уж сложны: он должен во-первых очень отчетливо знать все то, что должен дѣлать солдат, затѣм он обязан не растеряться, не промѣшкать и быстро рѣшить в полѣ любую задачу в рамках взвода или роты. Такую задачу ставил себѣ и своей Школѣ ея Начальник, как об этом повѣствует Генерал Сахаров в своей книгѣ „Бѣлая Сибирь". Поэтому курс был составлен самый простой, почти примѣнительно к учебной командѣ и школѣ подпрапорщиков мирнаго времени. Упорным трудом и регулярностью казарменной жизни предполагалось снять с проходящих курс революціонный

*) Я хочу здѣсь отмѣтить, что именно такое названіе носила Школа и никакого иного у нея не было, хотя нѣкоторые лица ее и называли „Школой Нокса", но завѣряю, что подобнаго наименованія ни офиціально, ни полуофиціально Школа не носила.

налет. Проходящіе курс весь день проводили строго по расписанію. Порядок жизни — строго по уставу внутренней службы. С 7 часов утра начинались занятія. Занятія в полѣ чередовались с лекціями. Кончались они в 7 часов вечера. Отпуск в город полагался только раз в недѣлю — в воскресенье. На островѣ-же Генерал Сахаров постарался предоставить чинам Школы весь возможный комфорт.

Учебная Инструкторская Школа была помѣщена на Русском Островѣ. Для нея были отведены казармы 36-го Сибирскаго полка и 3-го Владивостокскаго крѣпостного артиллерійскаго полка Старой Арміи, находившихся в глубинѣ бухты „Новик", на южном ея берегу. На сѣверном берегу „Новика", кажется в казармах 35-го Сибирскаго стр. полка, размѣщены были гардемарины, переведенные позднѣе в самый город Владивосток.

Проходящіе курс Школы были разбиты на три батальона. 1-й батальон был укомплектован офицерами, два других подготовляли унтер-офицеров. В 1-м батальонѣ в каждой из четырех рот изучались весьма основательно одна из слѣдующих спеціальностей: в 1-й ротѣ — пулеметное дѣло, во 2-й ротѣ — саперное дѣло, в 3-й ротѣ — служба связи, в 4-й ротѣ — автомобильное дѣло. Командиром 1-го батальона оказался Полковник Б. И. Рубец, о котором уже говорилось выше.

Первыя двѣ недѣли прохожденія курса были всѣм очень тяжелы, но постепенно всѣ втянулись и через мѣсяц на лицо было уже разительная перемѣна: из безпорядочной толпы образовалась стройная воин-

ская часть. Такіе результаты появились во всѣх трех батальонах. Послѣ-же трех мѣсяцев работы строевая и полевая подготовка унтер-офицерских батальонов, не говоря уже о 1-м — офицерском батальонѣ, по собственному признанію Ген. Сахарова не оставляла желать ничего лучшаго.

Генерал Нокс от имени Британской Арміи преподнес Школѣ подарок: знамя, представлявшее собою соединеніе Русскаго Національнаго и Андреевскаго флагов с образом св. Георгія Побѣдоносца и с надписью „За Вѣру и Спасеніе Родины". 1-го января 1919 года состоялось освященіе этого знамени в военной церкви Школы и парад.

К февралю 1919 года были уже разработаны всѣ подробности плана разворачиванія трех батальонов Школы в двѣ стрѣлковыя бригады с оставленіем небольшого кадра на Русском Островѣ, долженствовавшаго подготовлять укомплектованія этим бригадам. Совсѣм неожиданно Главный Штаб и Военное Министерство перерѣшили. Отчего и почему — этого Генерал Сахаров так никогда и не смог разузнать. Во всяком случаѣ нѣсколько раз мѣнялись предположенія и, наконец, офицеры и унтер-офицеры, прошедшіе курс школы, были отправлены на укомплектованія трех сибирских дивизій: 12-й, 13-й и 14-й (Омск, Ново-Николаевск и Томск), гдѣ они и распылились.

Наладив дѣло с новым набором в Школу офицеров и солдат для прохожденія курса, Генерал Сахаров в серединѣ марта 1919 года отправился вслѣд за первым выпуском в Омск.

* * *

Здѣсь не лишне будет разсказать об одном, правда незначительном, но довольно характерном случаѣ. С одной стороны, этот случай ярко характеризует Генерала Сахарова — его рѣшительность, а с другой, он не лишень будет впослѣдствіи при разборѣ почти аналогичнаго случая с замѣстителем Генерала Сахарова — Полковником Плѣшковым.

За время бѣлой борьбы Владивосток был невѣроятно переполнен и всякое вновь появляющееся в городѣ лицо обречено было или остаться без номера в гостиницѣ или-же платить бѣшенныя деньги за свое болѣе чѣм, скромное помѣщеніе.

В январѣ 1919 года Генералу К. В. Сахарову надо было нѣсколько дней пробыть по дѣлам в городѣ. Он телефонировал с Русскаго Острова Коменданту Крѣпости, Полковнику Бутенко, чтоб для него и его адъютанта были-бы освобождены два номера в какой-либо гостиницѣ и чтобы от Штаба Крѣпости к приходу парохода был-бы прислан офицер с докладом в какую гостиницу надо ѣхать Генералу Сахарову.

Генерал Сахаров прибыл в город и так-как на пристани не оказалось офицера и вообще Штаб Крѣпости никаких распоряженій не сдѣлал относительно гостиницы, то Генерал Сахаров с адъютантом и чемоданами въѣхал в квартиру Коменданта Крѣпости, гдѣ и провел нѣсколько дней. Такая рѣшительность Генерала Сахарова очень многим понравилась и об этом не мало говорили в городѣ.

* * *

На мѣсто Генерала Сахарова, ввиду его отъѣзда, Начальником Школы был назначен Полковник Михаил Михайлович Плѣшков. В выдвиженіи Полковника

Плѣшкова на пост Начальника Школы вѣроятно сыграло то обстоятельство, что послѣдній был из гвардейской кавалеріи, да к тому же спортсмен с міровой славой. Назначеніе Полковника Плѣшкова на пост Начальника Школы должно считать неудачным, тѣм болѣе, что слѣдующій за ним по старшинству в чинѣ Полковника — Полковник Рубец был совсѣм немного моложе его в этом чинѣ, по выпуску-же из военнаго училища Полк. Рубец был старше Полк. Плѣшкова на цѣлых восемь лѣт; наконец, и что самое главное, Полковник Плѣшков по характеру своему был мягким, миролюбивым, склонным проводить время в кругу своей семьи, в то время, как Полковник Рубец был властный, безпокойный, ушедшій полностью в борьбу с красными и стремившійся захватить всѣх работой над усовершенствованіем себя.

• • •

В первом-же выпускѣ, в числѣ отлично окончивших Школу, был Штабс-Капитан Нельсон-Гирст. Он был поэтому оставлен при Школѣ с зачисленіем в постоянный состав школы на должность младшаго офицера 3-й роты.

В дальнѣйшем 1-й батальон укомплектовывался уже не офицерами, повторяющими курс и возстанавливающих в себѣ дух и облик офицера Старой Арміи, но молодежью — юнкерами, кои по прохожденіи четырех-мѣсячнаго курса, должны были выпускаться в воинскія части портупей-юнкерами и здѣсь, по прошествіи двух-трех мѣсяцев службы, войсковые начальники могли представить их к производству в Подпоручики.

В іюнѣ 1919 года, когда я прибыл на службу в Школу, хотя я много и слышал хорошаго о Генералѣ Сахаровѣ, но никогда я и не подозрѣвал, что это тот самый Сахаров, что когда-то учился вмѣстѣ со мною в Инженерном Училищѣ, считался там за юнкера неспокойнаго нрава, а позднѣе, когда я состоял в Офицерской Электро-Технической Школѣ, — был слушателем Военной Академіи. Только много спустя, Полковник Рубец мнѣ сказал: „Да Вы-же, вѣроятно, хорошо знаете Сахарова по Инженерному Училищу?" Только тогда я узнал, кто был основателем и первым начальником Школы, в которой мнѣ пришлось служить.

В Школѣ я принял в командованіе 3-ю роту. Нельсон-Гирст командовал у меня в ротѣ 3-м взводом и я считал его образцовым офицером. Осенью 1919 года из разговоров с ним я чувствовал, что он начинает разочаровываться в правленіи Адмирала Колчака. считая Адмирала слишком мягким. Взгляд его на Школу тоже был такой, что при мягком характерѣ Начальника Школы, Полковника Плѣшкова, Школа постепенно распускается. Он неоднократно говорил: „То-ли было при Генералѣ Сахаровѣ — он умѣл держать в руках Школу, а теперь только Полковник Рубец пытается держать свой батальон в ежевых рукавицах, но, при наличіи мягкаго Начальника Школы, это, конечно, удается слабо". Приблизительно в это-же время Нельсон-Гирст налег на изученіе англійскаго языка и не скрывал, что остается одно — „покинуть Родину".

II. НАЧАЛЬНИК КРАЯ И ОПАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛ.

1. Обстановка во Владивостокѣ. 2. Появленіе Розанова и Гайды во Владивостокѣ. 3. Контр-развѣдка У.И.Ш. на Р.О. 4. Первый поход Школы против Гайдовцев. 5. Смерть юнкера Соколова.

Лѣтом 1919 года Бѣлый Уральскій фронт стал откатываться на восток. Неудачи на фронтѣ отразились в тылу тѣм, что цѣна Сибирских денег стала сильно падать. Во Владивостокѣ, этом основном питательном пунктѣ всей Бѣлой Сибири, в связи с неустойчивостью курса сибирских денег, с одной стороны, и с забитостью товарами, с другой стороны, развилась невѣроятная спекуляція. Товары, которыми был завален Владивосток, предназначались для Сибири, но провозоспособность Сибирской магистрали далеко не удовлетворяла потребность Сибири и фронта. Спекулянты наживали колоссальныя состоянія в то время, как правительстеенные служащіе получали крохотные оклады.

Ненормальность положенія стала толкать многих правительственных служащих на мелкую спекуляцію и взяточничество. Еще больщій развал вносили чехи, занявшіеся распродажей в тылу того, что ими было

позахвачено в Поволжьѣ и в Сибири*). При таких обстоятельствах для наведенія порядка в Приамурьѣ нужна была сильная власть.

* *
*

Когда пришло извѣстіе, что Начальником Приамурскаго Края назначен Генерал Лейтенант Розанов, незадолго до этого проявившій себя, как суровый усмиритель возстаній в Енисейской губерніи, то многіе Владивостокцы, надѣясь на установленіе порядка в краѣ, обрадовались этому.

Велико, однако, было разочарованіе, когда опредѣлилось, что, по прибытіи своем во Владивосток, Генерал Розанов себя ничѣм не проявляет. Даже по отношенію к экс-Генералу Гайда, Генералом Розановым никаких мѣр принято не было. Гайда, прибывшій во Владивосток в своем шикарном, отдѣльном поѣздѣ, продолжал в нем жить. Этот поѣзд занял один из запасных путей станціи Владивосток. Как извѣстно Гайда, бывшій Командующій Сибирской Арміей, был отстранен от командованія и даже лишен всѣх русских чинов и орденов, послѣ того, как аппетиты этого честолюбца перешли границы всего возможнаго. Однако во Владивостокѣ он продолжал носить неположенную ему теперь форму и отличія. Вокруг него стали группироваться всѣ элементы, недовольные правленіем Адмирала Колчака. В эшелонѣ Гайды имѣлось нѣсколько русских офицеров,

---

*) Документальныя данныя о дѣяніях чехов в Сибири собраны Генераллейтенантом Сахаровым. Многое обнародовано им в его книгѣ „Чешскіе легіоны в Сибири". Эта книга выпущена на нѣмецком языкѣ вторым изданіем, очень попозвенным.

отставленных Верховным Правителем от должности по различным причинам. У него-же в эшелонѣ находили пріют и застревали офицеры и солдаты, предназначенные Владивостокским Воинским Начальником к отправкѣ в Омск на главный сибирскій фронт.

Допустимо, что Генерал Розанов и предполагал вначалѣ принять тѣ или иныя мѣры против этого отставного и разжалованнаго Генерала, но... Во Владивостокѣ русскія власти в то время уже были стѣснены в своих дѣйствіях присутствіем интервентов — чехов и американцев. И тѣ и другіе болѣе сочувствовали русским соціалистам, а так-как соціалисты опредѣленно дѣйствовали во вред Адмиралу Колчаку, то и дѣятельность чехов и американцев являлась для нас вредной.

Не имѣя возможности обезвредить Гайду, разогнав всѣх его приверженцев, Штаб Генерала Розанова все-же вел наблюденіе за вагонами Гайды и всѣми там живущими. В это время во Владивостокѣ, собственно говоря, не имѣлось ни одной строевой части, которая могла-бы ликвидировать гайдовцев. Это дѣло можно было поручить лишь военно-учебным заведеніям: Учебной Инструкторской Школѣ на Русском Островѣ или Морскому Училищу, возродившемуся здѣсь из Гардемаринских Классов *).

* * *

С августа мѣсяца, когда по Владивостоку поползли слухи, что Гайда пріѣхал не зря и, что он совмѣстно с Якушевым, затѣвает политическое выступленіе,

*) Во главѣ этих классов, позднѣе Морского Училища, стоял Кап. 1-го ранга Китицын.

Офицерам Учебной Инстурктерской Школы становилось все болѣе и болѣе непонятным, почему Начальчальник Края, Генерал Розанов, терпит такое положеніе — спокойное проживаніе Гайды, окруженнаго подозрительными элементами, продолжающими накапливаться и явно подготовляющимся к выступленію. Невольно закрадывалось подозрѣніе. К контр-развѣдкѣ Штаба Округа офицеры Школы относились с большими недовѣріем, а потому, с разрѣшенія Начальника Школы, Поручик Суражкевич организовал в Школѣ свою контр-развѣдку.

Поручик Суражкевич, взялся провѣрятя слухи о положеніи докладывал Полковнику Рубцу. Между прочим, я и подавляющее число остальных чинов Школы, считали, что всей контр-развѣдкой Школы руководит Поручик Суражкевич. В дѣйствительности это было не совсѣм так: Поручик Суражкевич был выполнителем предначертаній Полковника Рубца, который, как властный человѣк, руководил дѣятельностью юнаго Поручика.

Получая доклады Поручика Суражкевича о положеніи, настроеніи и дѣйствіях оппозиціонеров в городѣ, Половник Рубец высказал как-то раз Поручику Суражкевичу слѣдующее: „Пусть они там занимаются своей политикой сколько им влѣзет, но надо полагать, что дѣло без столкновенія не обойдется. Тогда это уже касается нас. А раз так, то срочно узнайте принимаю-ли они перебѣжчиков из Правительственных войск и если да, то просуньте им побольше вѣрных людей, а потом я скажу что дѣлать“.

* * *

5-го сентября 1919 г. Начальник Школы Полковник Плѣшков, получил приказаніе двинуть во Влади-

восток полтора батальона Школы, так-как по свѣдѣніям контр-развѣдки в ночь с 5-го на 6-ое сентября ожидается выступленіе Гайды.

Под командой Командира 1-го батальона, Полковника Рубца, с Русскаго Острова в город были перевезены полностью 1-й батальон и двѣ роты от 3-го батальона. Этот отряд был размѣщен на огромном пароходѣ Добровольнаго флота „Печенга". Слѣдует отмѣтить, что пароход этот нѣсколько лѣт уже не совершал плаваній и представлял собою скорѣе плавучую базу. В каютах 1-го и 2-го класса жило нѣсколько семейств, имѣвших отношеніе к Добровольному флоту, так например: там жил с семьей Генерал Манакин, бывшій губернатор. Юнкерам и стрѣлкам Инструкторской Школы были отведены помѣщенія 3-го класса.

Первую ночь мы имѣли нѣкоторую боевую готовность.

Появленіе в городѣ полуторых батальонов Школы заставило, повидимому, Гайду отложить с выступленіем.

Второй вечер на „Печенгѣ" прошел совсѣм мирно: юнкера устроили что-то в родѣ концерта, воспользовавшись, находившимся на кораблѣ, піанино; вечер закончился танцами, так-как среди обитательниц „Печенги" нашлось нѣсколько дѣвушек и молодых дам, видѣвших в офицерах и юнкерах скорѣе кавалеров, чѣм бойцов.

На третій день отряд Полковника Рубца вернулся назад на Русскій Остров. Гайда-же попрежнему продолжал жить в вагонах.

* * *

Юнкеру 3-й роты Соколову была поставлена задача: заручившись довѣріем гайдовцев, войти в их оргранизацію, дабы своевременно информировать школу о всем происходящем в вагонах Гайды.

В своей брошюрѣ Полковник Солодовников (гайдовец) пишет, что у них были свои агенты во всѣх ротах Школы и только в 3-й ротѣ не было таковых. Поэтому они с удовольствіем приняли к себѣ Соколова, но вскорѣ они заподозрили его в двойной игрѣ и убили в одном из своих вагонов.

Мы торжественно похоронили Соколова, но недоумѣвали почему убійцы его остались ненаказанными.

Злоба в Школѣ против гайдовцев наростала.

III. КОНФЛИКТ ИНТЕРВЕНТОВ С РОССІЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ.

1. Два инцидента. 2. Письмо Председателя Междусоюзной Комиссіи Генералу Розанову. 3 Настроеніе русских войск. 4. Телеграмма Верховнаго Правителя. 5. Разрешеніе вопроса. 6. Еще один инцидент.

В первых числах сентября мѣсяца во Владивостокѣ произошли слѣдующія событія.

На перронѣ Владивостокскаго вокзала пьяный офицер Конно-Егерскаго полка*) зарубил шашкой солдата-чеха, а через день почти на том-же мѣстѣ пьяный американскій солдат ударил по лицу Коменданта станціи Подполковника Шарапова. Шарапов застрѣлил американца.

Двѣ эти смерти вызвали в средѣ чехов и американцев цѣлую бурю. Взаимоотношенія русских и интервентов обострились до крайности.

14-го сентября Военно-окружной суд вынес постановленіе по обоим этим дѣлам: Офицер Конно-Егерскаго полка был лишен воинскаго званія и осужден

---

*) Конно-Егерскій полк Полковника Враштеля квартировал в Никольск-Уссурійском и считался одной из наиболѣе надежных частей. Упомянутый офицер находился во Владивостокѣ в кратковременном отпуску.

на десять лѣт каторожных работ; Подполковник Шарапов по суду был оправдан.

Такое постановленіе суда очень не понравилось американцам и чехам. Консульскій корпус и войсковые начальники иностранных сил, возбуждаемые чехами и американцами, предъявили Генералу Розанову требованіе о выводѣ из Владивостока всѣх русских воинских частей. Вот дословный текст этого предложенія:

Письмо Предсѣдателя Междусоюзной Комиссіи Генерала Инагаки Командующему русскими войсками Приамурскаго военнаго округа, Генералу Розанову.

26-го сентября 1919 года № 183.

,,Мой Генерал.

За послѣдніе дни во Владивостокѣ послѣдовательно произошло нѣсколько печальных инцидентов. Во время этих инцидентов приходится оплакивать смерть военных—союзных и русских. Междусоюзный Комитет военных представителей считает, что присутствіе русских отрядов, недавно присланных во Владивосток и его ближайшія окрестности является одной из главных причин указанных инцидентов. В виду того, что эти русскіе отряды не должны были быть доставлены во Владивосток без разрѣшенія старшаго из командующих союзных войск и просьба уже посланная представителем комитета Генералу Розанову, удалить эти войска не была исполнена, комитет принимает слѣдующее рѣшеніе: к Генералу Розанову обратился с просьбой старшій из военных командующих союзников, Генерал Оой, немедленно удалить за предѣлы крѣпости (т. е. за Угольную), разные русскіе отряды, бронированные поѣзда и проч., доставленные во Владивосток или ближайшія окрестности его за послѣдній мѣсяц, то передвиженіе должно быть полностью закончено до 12 часов понедѣльника 29-го сентября. Генералу Розанову будет предложено в будущем не приводить во Владивосток еще другія войска без предварительнаго запроса старшаго командующаго союзных войск. Он

будет увѣдомлен послѣдним, что в случаѣ, если Генерал Розанов не пойдет навстрѣчу предложенію удалить до 12 часов 29-го сентября означенныя русскія войска, командующіе союзными войсками примут всѣ мѣры, чтобы его принудить, в случаѣ необходимости, вооруженной силой к выполненію этой мѣры. Командующій союзными войсками принимает отвѣтственность за обезпеченіе общественнаго порядка во Владивостокѣ. Примите, Генерал, увѣреніе в моем совершенном почтеніи".

С. Инагаки.

Дивизіонный генерал, предсѣдатель междусоюзной комиссіи военных представителей".

„Поясненіе штаба: Требованіе междусоюзнаго комитета о выводѣ русских войск относится к войскам, расположенным на Второй Рѣчкѣ".

* * *

Генерал Розанов растерялся и отдал приказ о выводѣ всѣх войсковых частей из Владивостока *).

Не знаю какое впечатлѣніе произвел этот приказ в других частях, но в Учебной Инструкторской Школѣ на Русском Островѣ царило настроеніе враждебное и к интервентам и к Генералу Розанову, рискнувшему приказать русским войскам покинуть коренной русскій город Владивосток.

*) Эта фраза Полк. Хартлинга требует осторожнаго с ней отношенія. Она свидѣтельствует о том, как понимали дѣйствія Ген. Розанова войска. Допустимо, что Ген. Розанов в дѣйствительности приказа о выводѣ войск не отдавал, но только склонялся к принятію требованія „союзников" и, возможно, отдал войскам только предварительныя распоряженія в связи с их выводом. В таком случаѣ, конечно, разница получается по существу небольшая, но желаніе дать в этой книгѣ провѣренныя данныя понуждает нас поставить это примѣчаніе. (Редак.)

Командир 1-го батальона Школы Полк. Рубец, приказал раздать в роты по 150 патронов на человѣка. Были так-же выданы на руки и ручныя гранаты. Два имѣвшихся при Школѣ орудія были поставлены на позицію и у них назначен дежурный взвод из людей, обученых Подполковником артиллеріи Алексѣевым.

Всѣ эти распоряженія не скрывались от британских офицеров—наших сослуживцев по Школѣ, которые вполнѣ раздѣляли наш взгляд на недопустимость вывода русских войск из Владивостока.

Какіе-бы событія разыгрались-бы во Владивостокѣ в результатѣ стихійнаго озлобленія русских против иностранцев—гадать не будем. Твердость и рѣшительность Верховнаго Правителя спасли положеніе, выведя с честью хозяев страны из тяжелаго положенія:

29-го сентября Верховный Правитель Адмирал Колчак телеграммой повелѣл оставить русскія войска в русской крѣпости и оградить суверенныя права Россіи от посягательств. Вот дословный текст телеграммы:

Телеграмма Верховнаго Правителя Адмирала Колчака Командующему русскими войсками Приамурскаго военнаго округа Генералу Розанову.

29-го сентября 1919 г. № 118.

„Повелѣваю Вам оставить русскія войска во Владивостокѣ и без моего повелѣнія их оттуда не выводить. Интересы государственнаго спокойствія требуют присутствія во Владивостокѣ русских войск. Требованіе о выводѣ их, есть посягательство на суверенныя права Россійскаго Правительства.

Сообщите союзному командованію, что Владивосток есть русская крѣпость, в которой русскія войска подчинены мнѣ и ничьих распоряженій, кромѣ моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелѣваю Вам оградить от всяких посягательств суверенныя права Россiи на территорiи крѣпости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случаѣ, ни перед чѣм. Об этом моем повелѣнiи увѣдомьте также союзное командованiе.

Адмирал Колчак."

. . .

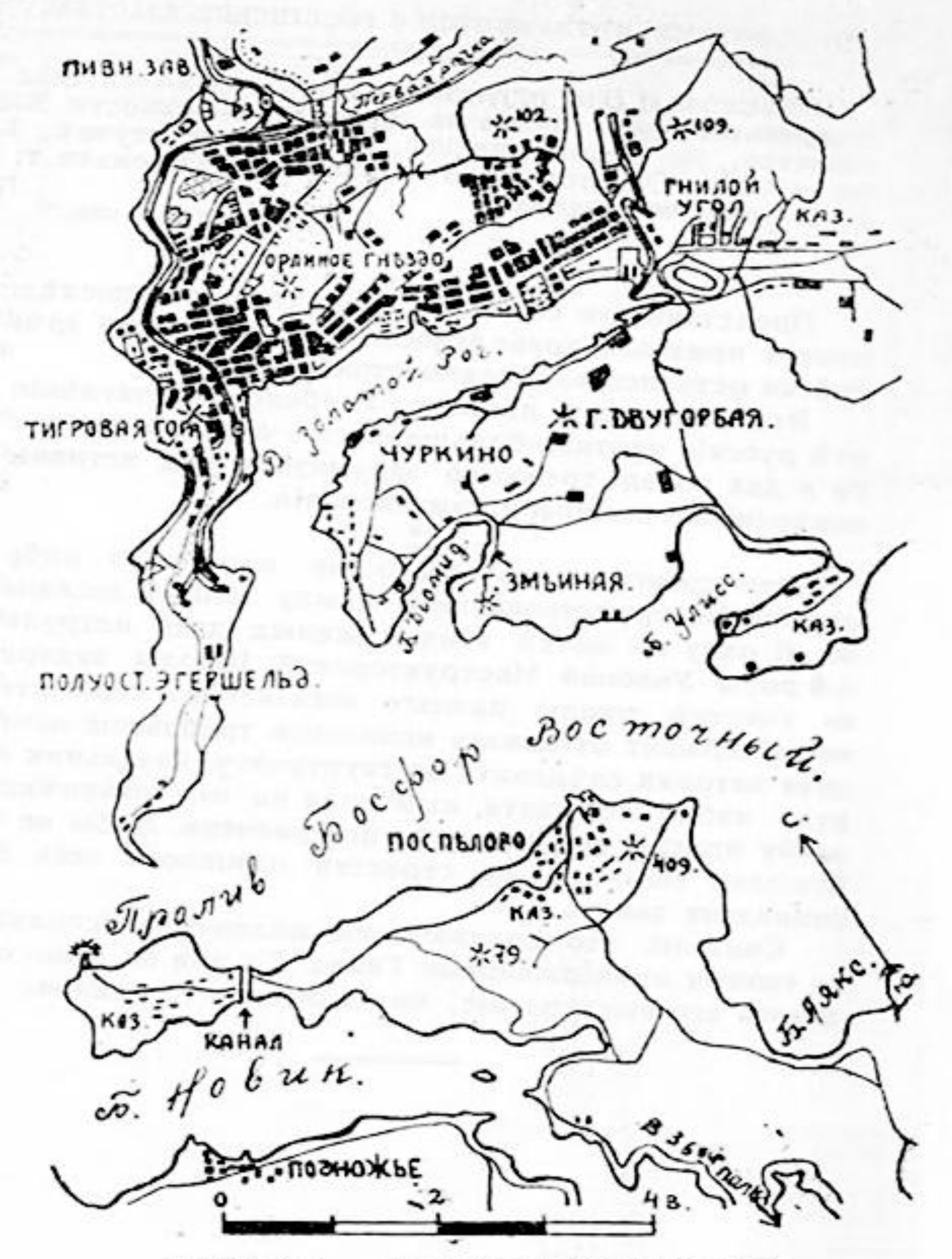
Представители союзнаго командованiя в послѣднiй момент признали правильность русской точки зрѣнiя. Войска остались во Владивостокѣ.

Этот инцидент произвел глубокое впечатлѣнiе на всѣ русскiе противо-большевитскiе общественные круги и дал повод тревожно задуматься над истинными намѣренiями союзнаго командованiя.

. . .

Это событiе чуть было не испортило добрых отношенiй, существовавших между нами и англичанами. В одну из ночей этих тяжелых дней патруль от 1-й роты Учебной Инструкторской Школы задержал на участкѣ школы пьянаго англiйскаго сержанта, и когда сержант отказался исполнить требованiе начальника патруля слѣдовать на гауптвахту, начальник патруля избил сержанта, вымѣщая на нем накипѣвшую злобу против, вообще, всѣх интервентов. Дабы не возбуждать еще больше страстей пришлось весь этот инцидент замять.

Считали, что создавшееся положенiе использует со своими приверженцами Гайда. Со дня на день ожидалось его выступленiе, но он почему-то медлил.

КАРТА № 2. — Владивосток и его окрестности.
(Пересняято с карты Военно-Топографическаго Отдѣла Упр. В. Вѣд., составленной в 1914 г.)

IV. НАКАНУНѢ ВЫСТУПЛЕНІЯ ГАЙДЫ.

1. Исчезновеніе рот Крѣпостного артил. батальона. 2. Прибытіе отряда У. И. Ш. на Р. О. в город и его размѣщеніе на п/х Печенга. 3. Батальон морских стрѣлков на ст. Океанская. 4. Войсковыя части, вѣрныя Правительству. 5. Обстановка в ночь на 17-ое ноября. 6. Отряд Школы в ловушкѣ на Печенгѣ. 7. Переброска отряда Школы в район Штаба Крѣпости. 8. Полковник Рубец, Штаб Округа и Генерал Розанов.

15-го ноября, по случаю годовщины организаціи Добровольческой Арміи, во Владивостокѣ состоялся парад. Полной увѣренности в том, что во время этого парада не произойдет каких-либо анти-правительственных выступленій, у властей не было, а потому чины войсковых частей, прибывших на парад, имѣли на руках боевые патроны. Однако, парад прошел гладко.

Вечером того-же 15-го ноября в Учебной Инструкторской Школѣ состоялись проводы анлійских офицеров, состоявших в теченіе ряда мѣсяцев при Школѣ и теперь отозванных своим Правительством домой.

Утром 16-го ноября по Школѣ пролетѣла вѣсть, что в только-что истекшую ночь учебная команда и 2-ая рота Крѣпостного артиллерійскаго батальона исчезли с Русскаго Острова—были украдены гайдовцами. Послѣ этого остальныя роты батальона

по приказу Начальника Русско-островскаго гарнизона, Полк. Плѣшкова, тотчас-же были разоружены 11-ой ротой Школы.

Здѣсь можно указать, что Крѣпостной артиллерійскій батальон был укомплектован преимущественно чинами, всячески ловчившими от боевых фронтов. Поэтому самозванному Капитану Троецкому (в дѣйствительности он был Прапорщиком запаса) совмѣстно с какими-то типами, одѣтыми в форму офицеров чехо-словацких войск, удалось увести вышеуказанную 2-ую роту Школы и по дорогѣ прихватить учебную команду. Кромѣ того выяснилось, что и от склада с винтовками и патронами безслѣдно исчез караул в полном составѣ, а самый склад оказался дочиста разграбленным.

* * *

16-го ноября, в воскресенье, только-что были уволены юнкера в отпуск, как в Школѣ было получено извѣстіе, что в городѣ не все спокойно, а потому туда вызываются полтора батальона Школы.

К отправкѣ в город Полк. Плѣшков приказал приготовиться трем ротам 1-го батальона *) и двум ротам 3-го батальона. Этот отряд по только-что указанной причинѣ (нахожденіе в отпуску ряда юнкеров) оказался очень малочисленным—нас набралось всего: 280 юнкеров и стрѣлков при 26 офицерах и 6 пулеметах.

Пароходы, долженствовавшіе доставить отряд Школы в город, почему-то запоздали и наш отряд прибыл во Владивосток перед наступленіем сумерек 16-го ноября.

---

*) 4-ая рота в поход назначена не была, так-как она была только-что укомплектована новым составом, курса стрѣльбы еще не проходившим. 3-ая рота так-же далеко еще не закончила курса стрѣльбы.

Нас опять размѣстили на „Печенгѣ" несмотря на то, что Полков. Рубцом был уже сдѣлан подробный доклад о преступности размѣщенія на „Печенгѣ" войск, вызванных на случай безпорядков. Нужно сказать, что „Печенга" соединялась с берегом шатким десятисаженным мостиком, размѣщенным на каких-то плавучих понтонах. Самый выход с корабля по длинному желѣзному трапу был также крайне неудобен и, при выходѣ батальона, повстанцы с берега могли-бы всѣх нас по-одному разстрѣлять. В общем, размѣщеніе войск на „Печенгѣ" равносильно было загону их в ловушку.

Такая обстановка понудила Полковника Рубца приказать Командиру 2-й роты выставить сторожевое охраненіе на берегу. Сам-же Полковник, вызванный Комендантом Крѣпости, Полковником Томилко, пошел в Штаб крѣпости, оставив меня за старшаго. Вмѣстѣ с Полковником в Штаб крѣпости ушли: адъютант 1-го батальона, Поручик Суражкевич, и горнист.

* * *

С вечерним поѣздом, группа юнкеров 1-го Артиллерійскаго Училища, возвращалась послѣ короткаго воскреснаго отпуска из Владивостока домой — в Раздольное.

Было около 10 час. вечера, когда, миновав Седанку и 18-ую версту, поѣзд подошел к ст. Океанская. Здѣсь покой дремавшей публики был неожиданно нарушен нѣсколькими, пробѣжавшими по вагонам, офицерами, вызывавшими всѣх военных выйти из вагонов на станцію.

Через нѣсколько минут всѣ юнкера 1-го Артил. Училища, а было их всего, примѣрно, человѣк 15, и

нѣсколько офицеров и солдат различных частей собрались в маленьком зальцѣ 1-го класса.

Два-три офицера кавказскаго типа и один офицер в формѣ батальона Морских стрѣлков, без шапки и оружія, быстро и взволнованно объясняли вышедшим из поѣзда о том, что всего-каких-нибудь пол или три-четверти часа тому назад батальон Морских стрѣлков, расквартированный в казармах на Черной рѣчкѣ, (что всего в двух-трех верстах от ст. Океанская), вышел из повиновенія своих офицеров. Дежурный офицер, вошедшій в казарму, убит. Что случилось с другими офицерами и их семьями, никто не знал. Во всяком случаѣ их постигла, видимо, таже судьба, что и дежурнаго офицера. Возможно, что кое-кто бѣжал из своих квартир и сейчас скрывается, гдѣ-либо в сопках. Возможно, что кое-кто забаррикадировался в своих квартирах и еще отбивается от взбунтовавшейся солдатни...

Выслушав весь этот доклад, Подпоручик Любарскій, передал всѣх юнкеров своего училища кавказскому офицеру, принадлежавшему к чинам отряда Полк. Патейшвилли, а сам, в сопровожденіи одного юнкера, рѣшил слѣдовать с поѣздом дальше, дабы доложить об обстановкѣ Начальнику Училища.

Поѣзд ушел. Новообразованный отряд, неимѣвшій на своих руках никакого оружія, кромѣ холоднаго, протоптался на ст. Океанской минут 20-30, пока ,,кавказскіе люди" не притащили откуда-то потребнаго числа винтовок. Но какія это были винтовки! Трехлинеек — ни одной. Вмѣсто них имѣлись: берданы, японскія и какія-то совсѣм доисторическія ,,мексиканскія" карабины. Вооружившись отряд выступил со станціи.

По узкой улочкѣ, между дачь, подымался в горы отряд. Вот первая большая поперечная улица. Отряд свернул вправо. Его вел один из офицеров-кавказцев. По его словам на этой улицѣ, у какой-то лавки, отряд должен соединиться с отрядом коннаго дивизона Полк. Патейшвилли, двигающимся со стороны 18-ой версты.

Стараясь возможно меньше производить шума, отряд слѣдует по большой улицѣ вправо. Луны нѣт, ее закрывают облака. Вдруг, чу! За горой, на востокѣ слышен шум двигающейся колонны. Это они — взбунтовавшіеся стрѣлки. Слышен топот ног, говор людей, позвякиваніе походной кухни и шум повозок. Куда они идут? Отряд Правительственных воинов на минуту застыл на мѣстѣ, но кавказец-офицер в полголоса говорит: „Они далеко, это только эхо в горах". И снова движеніе, быстрое и возможно безшумное.

На углу, у лавки соединились с всадниками Полк. Патейшвилли. Их как-будто совсѣм мало, да кромѣ того всѣ они пѣшіе.

По тропѣ, в крутую гору, среди лѣса, шел Правительственный отряд навстрѣчу мятежникам, шум колонны которых становится все явственнѣе... У бойцов напрягаются нервы: в незнакомой мѣстности, под командой неизвѣстных офицеров, с допотопными винтовками, с которыми не знаешь, как даже обращаться. Но вот шум колонны вдруг, почему-то стал болѣе глух. С каждой минутой он становится все менѣе ясным. Почему? В чем дѣло? Кавказец разъясняет: „Они свернули на дорогу ведущую горами ко Второй Рѣчкѣ. Теперь их не догонишь". Нѣкоторое разочарованіе закрадывается в душу, но все-же, как и раньше шагаешь неутомимо вперед:

скорѣй дойти до казарм, скорѣй узнать, что случилось с несчастными офицерами батальона и их семьями...

Дорога ведет, теперь, уж вниз. Отряд останавливается. Разбивается на нѣсколько групп и онѣ, теперь уж медленно, спускаются к казармам батальона с разных сторон: быть может кое-кто из мятежников там еще и остался?

На тропѣ фигура в офицерском пальто мирнаго времени. За ним другая и двѣ-три женщины. Первый из них — штаб-офицер, далеко немолодой. Он взволнован, подавлен, и вмѣстѣ с тѣм радостен, что Правительственный отряд прибыл на выручку их..

Полковник в полном здоровьѣ и его спутники, так-же видимо не пострадавшіе от мятежников, вызывают нѣкоторую „неувязку" в умах чинов Правительственнаго отряда. Вопросы, отвѣты... И что-же выясняется: Да, батальон взбунтовался, дежурный офицер чуть-чуть не был убит, но слава Богу все обошлось без крови: бунтовщики не тронули своих офицеров, не ограбили ни квартир, ни цейхгаузов. Свои собственные фельдфебеля, унтер-офицеры и какіе-то люди с бѣло-зелеными ленточками держали бунтовщиков в полном порядкѣ. Быстро собравшись, построившись, погрузив нужное оружіе, огнеприпасы и обмундированіе, они в порядкѣ покинули казармы, уйдя неизвѣстно куда и силой прихватив с собой одного из офицеров батальона (чуть-ли не дежурнаго по батальону), дабы воспользоваться им, как спеціалистом......

Дозорами пройден весь раіон казарм. Никого из мятежников нѣт, они всѣ ушли. Всѣ офицеры и их семьи цѣлехоньки. Выставлены посты, остальные собрались в офицерском собраніи батальона и обмѣни-

лись своими догадками и разгадками о странном поведеніе мятежников, не сорвавших с себя даже погон, их цѣлях и задачах, мирно чаевали в обществѣ нѣсколькихх офицеров ушедшаго батальона и членов их семейств...

Поздно ночью, часа в два или три, в расположеніе казарм на Черной Рѣчкѣ прибыла броневая машина — она была послана навстрѣчу мятежникам, но разъѣхалась с ними, двигаясь не той дорогой, по кой ушел взбунтовавшийся батальон.

* * *

Прибыв в Штаб Крѣпости Полк. Рубец заявил Коменданту Крѣпости, Полк. Томилко, на недопустимость пребыванія отряда на ,,Печенгѣ". Полковник Томилко вполнѣ согласился с доводами Полк. Рубца и приказал перевести отряд с ,,Печенги" в зданія Штаба Крѣпости, Окружного Суда и на вокзал. Всѣ эти три зданія находятся на разных сторонах вокзальной площади. Кромѣ того, одна рота должна была занять зданіе Штаба Округа (на Алеутской Улицѣ в разстояніи пяти - шести минут ходьбы от вокзала).

Полковник Томилко передал в распоряженіе Полковника Рубца слѣдующія части:

1) полуроту 35-го стрѣлковаго полка при офицерѣ,

2) батальон Егерей (Капитан Пономарев) — личная охрана Начальника Края, Генерала Розанова,

3) взвод русских легіонеров, недавно прибывших из Франціи,

4) броневой поѣзд ,,Калмыковец".

Казалось-бы — войск достаточно для разгрома бунтовщиков, но, когда Полковник Рубец обратился к находившимся тут-же начальникам, то выяснилось:

1) Командир полуроты 35-го полка указал, что его люди измотались и поэтому он на них не надѣется.

2) Капитан Пономарев заявил, что положиться можно только на его 1-ую роту. Остальныя роты не надежны, да и на 1-ую роту он не вполнѣ надѣется.

3) Командир „Калмыковца" отвѣтил, что у него 60 бойцов, но так-как поѣзд находится в тупикѣ и за гайдовскими вагонами, то положеніе его тяжелое. Гайдовцы ему объявили, что, если его люди будут участвовать в борьбѣ против них, то всѣ они будут ими, гайдовцами истреблены. Все-же этот офицер обѣщал, выйдя из затруднительнаго положенія, помочь Полковнику Рубцу. Начальник бронепоѣзда произвел очень хорошее впечатлѣніе на Полковника Рубца и во время боя вполнѣ оправдал его предчувствіе, несмотря на то, что гайдовцы свели его броневой поѣзд с рельс.

4) Из легіонеров в Штабѣ Крѣпости никого не было и только перед окончаніем боя Начальник легіонеров — Штабс-Капитан (нынѣ Полковник) Хапков, явился со своими 38 бойцами к Полковнику Рубцу.

Послѣ вышеуказанных заявленій Полковник Рубец рѣшил, что разсчитывать он может только на своих „школьников", но прежде всего ему надо было изъять свой отряд из западни.

* * *

Полковник Рубец послал ко мнѣ Поручика Суражкевича с горнистом, передавая через них приказаніе о выводѣ отряда в раіон Вокзальной площади, рѣшив встрѣтить нас у вокзала.

Время до подхода Школы, Рубец потратил на выясненіе всей обстановки через Полковника Томилко и находившагося тут-же его Начальника Штаба — Подполковника Кононова.

Полковник Рубец узнал, что:

1) расквартированный на Черной Рѣчкѣ (близ станціи Океанская) батальон Морских стрѣлков вышел из повиновенія офицеров. Один из офицеров там был убит солдатами. Этот батальон намѣревается идти в город на помощь к гайдовцам, но

2) против этого батальона из города выслан броневой автомобиль.

3) по нѣкоторым данным среди гайдовцев находится артиллеристы, уведенные накануне с Русскаго Острова,

4) есть данныя, что днем 17-го ноября к гайдовцам присоединятся портовые рабочіе, рабочіе Дальне-Восточнаго казеннаго завода и грузчики — краса и гордость Владивостокскаго пролетаріата.

5) Союз моряков торговаго флота на митингѣ, состоявшемся 16-го ноября, была вынесена резолюція о неподдержкѣ Верховнаго Правителя и всяческом содѣйствіи Гайдѣ и эс-эерам. С этим союзом моряков все время поддерживают тѣсную связь чины Крѣпостной флотиліи, а потому надѣяться на нее нельзя.

6) кромѣ того не вполнѣ надежны слѣдующія войсковыя части: Мѣстный батальон (на Русском Островѣ), Основная жел.-дор. база (около 200 — 300 шт.) и Автомобильная команда (бронемашина, ходившая навстрѣчу Морским стрѣлкам, как раз была из этой команды).

7) таким образом полагаться вполнѣ во Владивостокѣ можно на Учебно-Инструкторскую Школу и на гардемаринов Морского Училища.

8) отношеніе к нам чехов и американцев подозрительное; остальные-же интервенты подтвердили,

что кто первый начнет военныя дѣйствія, тот будет разоружен.

* * *

Только что ушел с „Печенги" Полк. Рубец, как Командир 2-й роты, Капитан Волкович, донес мнѣ, что его сторожевые посты вошли в соприкосновеніе с постами гайдовцев, что гайдовцы передают пачки своих воззваній юнкерам, в вагонах гайдовцев замѣтно движеніе, а на путях они установили против нас пулеметы.

Прибыл Поручик Суражкевич и доложил, что Полковник Рубец требует немедленно покинуть „Печенгу", но... В это время мы со всѣх сторон были уже окружены гайдовцами.

Зная требованіе начальства: „ни в коем случаѣ не ввязываться в бой первыми", я был в нерѣшительности как, поступить. Приказал Штабс-Капитану Щедринскому попробовать со взводом пройти через двор Добровольнаго флота, но Штабс-Капитан Щедринскій был остановлен гайдовцами и вернулся назад.

Суражкевич упорно настаивал, чтоб с боем пробраться к вокзалу.

Юнкер 3-й роты Шнейдер заявил, что он переодѣнется в костюм кочегара и доставит Коменданту Крѣпости доклад о создавшемся положеніи.

До выполненія этого, я, по совѣту Управляющаго Добровольным флотом г-на Кузьменко, сдѣлал попытку захватить параход „Діомид", чтоб на нем перевезти постепенно наш отряд. Попытка эта не увѣнчалась успѣхом.

В это время мы увидѣли, что к нам подходит Полк. Рубец, который, не дождавшись нас у вокзала, удачно прошел через посты гайдовцев, выдав себя за одного из постоянных жителей „Печенги".

Часа через полтора Шнейдер возвратился из Штаба и доложил, что в два часа ночи за нами прибудут пароходы.

* * *

По прибытіи к нам катеров „Стрѣлок" и „Форт", мы, возможно тихо, погрузились, сняли в послѣдній момент сторожевое охраненіе и без отличительных огней отошли вглубь бухты „Золотой Рог".

„Стрѣлок" и „Форт" пристали у Клубной пристани. Быстро поднявшись по крутому откосу, отряд Учебной Инструкторской Школы выбрался на главную улицу — Свѣтланскую.

Мѣрно отбивая шаг, Школа шла по мертвому городу: ни прохожих, ни проѣзжих. На Свѣтланкѣ, много валялось прокломацій гайдовцев, призывающих свергнуть иго „колчаковцев".

На пути к вокзалу, 2-ая рота отдѣлилась для занятія Штаба Округа.

По прибытіи на Вокзальную площадь Полковник Рубец приказал:

1. 3-ей ротѣ (Подполковник Хартлинг), с двумя пулеметами 1-ой роты, занять Штаб Крѣпости,

2. 9-ой ротѣ (Капитан Зайченко), с тремя пулеметами 1-ой роты, занять воказал,

3. 10-ой ротѣ (Штабс-Капитан Швейниц), с одним пулеметом 1-ой роты, занять Окружной Суд.

* * *

По распредѣленіи своих рот приблизительно, около 5 часов утра 17-го ноября Полковник Рубец имѣл послѣдній разговор с Комендантом Крѣпости — Полковником Томилко.

На стр. 13-ой своих записок Полковник Рубец пишет:

„С этого момента я не получал никаких распоряженій и указаній от кого-либо из чинов Штаба Крѣпости и Штаба Округа, вплоть до атаки вокзала. По телефону я не мог добиться узнать мѣстопребыванія Генерала Розанова, его Начальника Штаба и Коменданта Крѣпости. Всѣ мои письменныя донесенія остались без отвѣта. Моя личная явка в Штаб для доклада то-же осталась без результата так-как мѣстопребываніе указанных лиц никто мнѣ не мог сообщить".

Между тѣм, событія в день 17-го ноября развивались с невѣроятной быстротой и, понятно, в такое время высшая военная власть в городѣ должна была-бы поддерживать непрерывную связь с лицом, которому подчинены были всѣ Правительственные войсковыя части, дѣйствовавшія против мятежников на важнѣйшем участкѣ.

Интересно было-бы выяснить, что происходило в это время в Штабѣ Округа? — Вѣдь за два дня до описываемых событій Начальником Штаба Округа был Полковник Сыромятников. В ночь-же с 17-го на 18-ое ноября, часа через два-три послѣ того, как наши 9-ая и 10-ая роты, под давленіем гайдовцев покинули вокзал и мы готовились сдѣлать контратаку, вдруг неожиданно зазвонил телефон. Я подошел к телефону вмѣсто Полковника Рубца, так-как по-

сѣдній находился в это время в цѣпи стрѣлков 9-ой и 10-ой рот. Я отлично помню и так занесено мною в моих записках — звонил Генеральнаго Штаба Подполковник Смирнов заявив, что он Начальник Штаба Округа. Полковник Рубец в своих записках назвал звонившаго Полковником Сыромятниковым, но я увѣрен, что это ошибка*), и что в это время Начальником Штаба Округа Полковник Сыромятников не был. Моя увѣренность основывается еще на том, что под конец боя (18-го ноября) я встрѣтил у вокзала Генерал-лейтенанта барона Будберга, котораго я хорошо знал по службѣ во Владивостокѣ еще до начала Великой войны. Мы разговорились и барон мнѣ сообщил, что ему вчера (т. е. 17-го ноября) предлагали пост Начальника Штаба Округа, но что он от него отказался. Таким образом получается, что 17-го ноября, т. е. в самый критическій момент, Начальника Штаба Округа вообще не существовало.

А гдѣ был в это время Генерал Розанов? По нѣкоторым свѣдѣніям со своим Штабом Ген. Розанов находился в эшалонѣ не то на Первой, не то на Второй Рѣчкѣ, откуда и руководил подавленіем мятежа. По этим-же свѣдѣніям при Розановѣ находились бронепоѣзда и кой-какія надежныя части. Насколько это показаніе соотвѣтствует дѣйствительности — провѣрить мнѣ не удалось.

---

*) Я не мог спутать Полковника Сыромятникова с Подполковником Смирновым, так-как перваго я никогда не видѣл и с ним никогда не разговаривал. Подполковник-же Смирнов — мой соратник по „Гродековскому Противобольшевитскому Фронту" 1918 года. Там он был Начальником Штаба в отрядѣ Генерал-маіора Маковкина, я-же объединял там всѣ инженерныя войска.

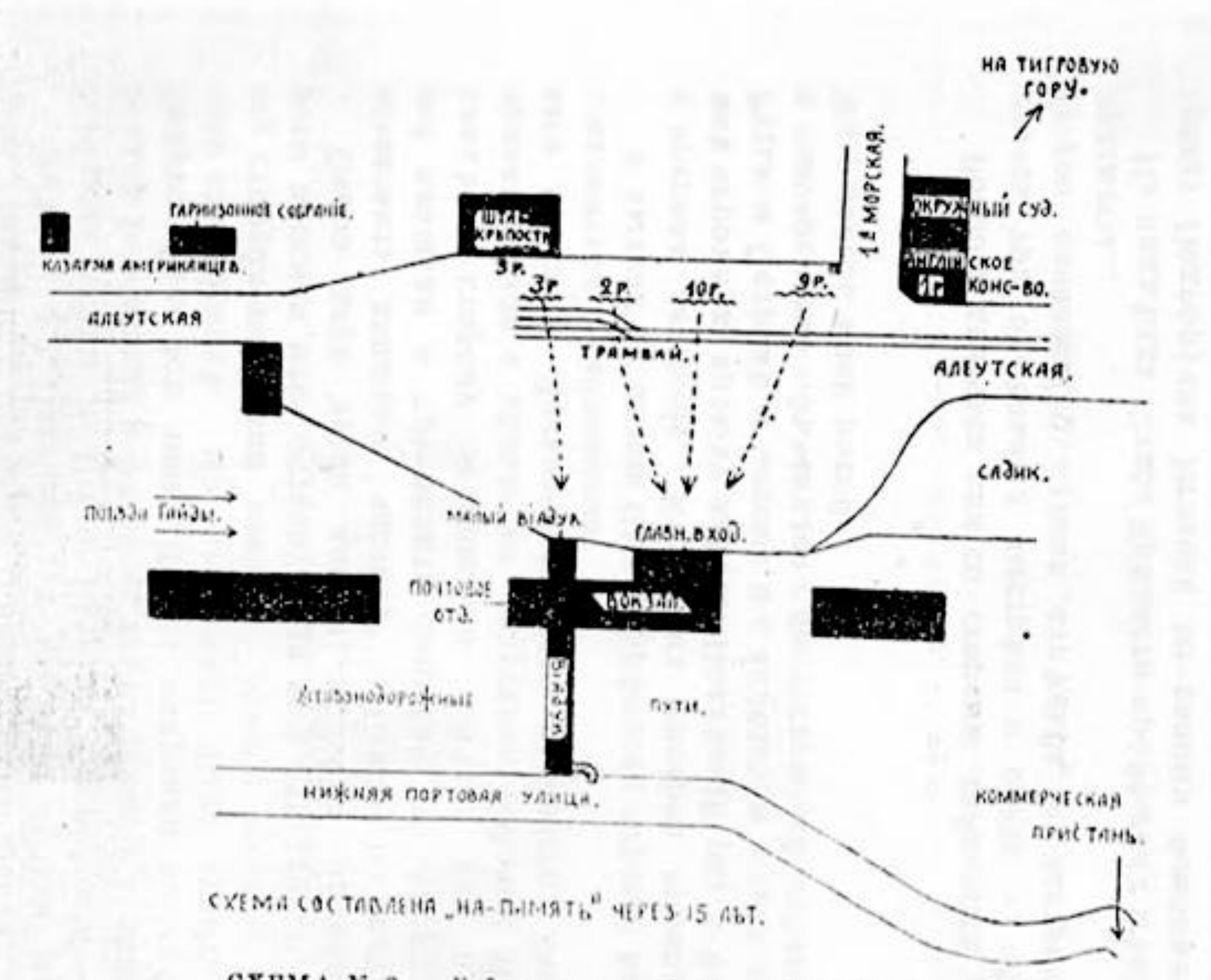

СХЕМА № 3. — Бой у вокзала 17-го — 18-го ноября.

V. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МЯТЕЖА.

1. Праздношатающіеся вооруженные солдаты. 2. Морскіе стрѣлки прибывают на вокзал. 3. Мятежники приступают к активным дѣйствіям. 4. Начало боя. 5. Японцы и борющіяся стороны. 6. Теченіе боя. 7. Телефонные звонки из Штаба Округа. 8. Соглядатаи Штаба Округа у Полк. Рубца. 9. Работа частей, присланных на усиленіе отряда Школы.

С ранняго утра 17-го ноября чины нашей Школы стали доставлять в Штаб Крѣпости, гдѣ расположился Полковник Рубец, солдат праздно шатавшихся по городу. Многіе из них были вооружены винтовками при большом количествѣ патронов.

Один из офицеров Штаба Крѣпости предложил обыскать всѣх задержанных и затѣм под конвоем отправить их в Штаб Округа. Этот-же офицер, взяв лист бумаги, стал записывать фамиліи арестованных с помѣткою сколько денег было у кого отобрано. К великому нашему удивленію на руках у этих нижних чинов оказывались довольно-таки порядочныя суммы.

Вскорѣ послѣ того, как я отправил партію задержанных, человѣк в двадцать, в Штаб Округа, они были возвращены мнѣ оттуда обратно с сылкой на то, что не было никаких распоряженій на пересылку

арестованных в Штаб Округа. Полковник Рубец тут вспылил; он не мог добиться, гдѣ в настоящее время обрѣтаются Комендант Крѣпости и Начальник Края, а между тѣм у Полковника Рубца возникла масса вопросов, которые он сам не считал возможным разрѣшить. Полковник Рубец приказал мнѣ вновь отправить партію задержанных в Штаб Округа и добавил, что он сам пройдет в Штаб, чтобы лично повидать Генерала Розанова.

* * *

Только ушел Полковник Рубец, как Капитан Зайченко донес мнѣ, что вдоль желѣзно-дорожнаго пути и по Нижней Портовой улицѣ в безпорядкѣ идут Морскіе стрѣлки и на подводах везут винтовки, пулеметы и патроны.

Капитан Зайченко просил меня разрѣшить ему преградить путь Морским стрѣлкам и не допустить их к гайдовцам. Я ему отвѣтил, что, если он найдет какую-либо уловку что-бы не допустить Морских стрѣлков к гайдовцам, то было-бы очень хорошо, но нам строжайше запрещено первыми начинать дѣйстовать оружіем.

Полковник Рубец в своих записках пишет, что с вокзала он сам наблюдал шествіе Морских стрѣлков. Очевидно это шествіе совпало с тѣм временем, когда он направлялся в Штаб Округа и, отвлеченный Морскими стрѣлками, зашел на вокзал.

Вскорѣ с віадука можно было наблюдать, как гайдовцы разбирали с подвод винтовки и патроны.

* * *

Незадолго до обѣденнаго времени выяснилось, что гайдовцы захватили „Печенгу“, „Свирь“ и другія суда, стоявшія у причалов Добровольнаго флота.

Вмѣстѣ с „Печенгой“ в их руки попали наши походныя кухни и Штабс-Капитан Скороходов (командир 1-го взвода моей роты, завѣдывавшій кухнями). Вмѣсто обѣда всѣ чины Школы получили по сибирской сторублевкѣ. Но, что можно было купить на эту сторублевку близ вокзала? Многіе юнкера моей роты просили меня оставить при мнѣ эти деньги.

Около двух часов дня я получил приказаніе остановить движеніе частной публики по вокзальной площади и преградить движеніе по Алеутской улицѣ в сторону Эгершельда. Мѣры эти предприняты были с цѣлью не допустить рабочих Военнаго порта и Дальне-Восточнаго Казеннаго Завода соединиться с гайдовцами.

Я вызвал из зданія Штаба Крѣпости первый взвод и прервал движеніе. Кто-то из юнкеров преподнес мнѣ огромную краюху хлѣба. Послѣдній раз я ѣл на Русском Островѣ и потому я с аппетитом жевал хлѣб и одновременно объяснялся с протестующей публикой, задержанной моей ротой.

* * *

Ровно в два часа дня со стороны гайдовцев раздались три отдѣльных выстрѣла и сразу с обѣих сторон началась ружейная стрѣльба и застрочили пулеметы...

Из подъѣзда Штаба Крѣпости пробѣжал с мѣшком гранат Подпоручик Игначак со своими бомбометчиками. С віадука они стали швырять гранаты в поѣзда

с гайдовцами, подходившие в это время под віадук — к вокзалу.

Одним из первых выстрѣлов был убит юнкер-пулеметчик. Его смѣнил Поручик Антохин, в свою очередь раненый в голову, и, хотя по его щекѣ текли струи крови, он спокойно продолжал стрѣлять из пулемета. Кровь мѣшала ему цѣлиться, он отряхивал ее пальцами и вновь стрѣлял. К нему подбѣжал Полковник Рубец, приказал уйти перевязаться. Антохин приказанія Полковника Рубца не исполнил и продолжал отстрѣливаться пока не ослабѣл от потери крови. В это время он был уже ранен дважды. Мужество Поручика Антохина в самом началѣ боя и на виду у всѣх произвело отличное впечатлѣніе на юнкеров.

2-ой и 3-ій взводы моей роты выбили стекла в окнах Штаба Крѣпости и открыли стрѣльбу по товарному двору и по подступам гайдовцев.

Я с 1-ым взводом отстрѣливался от гайдовцев, наступавших по Алеутской со стороны казармы, занятой американцами. Эти гайдовцы залегли на возвышеніи, что было против Гарнизоннаго Собранія и дальше им продвинуться не удалось. Они нас осыпали градом пуль, но потерь, даже ранеными, у нас не было. Юнкер Шлыков, лежавшій близ меня на мостовой, один из первых открывшій стрѣльбу, пятью первыми патронами уложил на-мѣстѣ четырех гайдовцев. Это так-же подняло настроеніе юнкеров.

Стрѣльба слышна была положительно со всѣх сторон и надо полагать, что не случайно начался бой, а точно было назначено время и к этому сроку (2 часа) гайдовцы заняли исходное положеніе.

• • •

1. Памятник адмиралу Невельскому во Владивостокѣ. За ним Успенский собор, а далѣе гора „Орлиное Гнѣздо". Снимок сдѣлан снизу вверх, с откоса, ведущаго к бухтѣ „Золотой Рог".

2. Вокзал жел. дор. ст. Владивосток, главный подъѣзд. Снимок сдѣлан с вокзальной площади.

Пробѣжала вдоль передняго фасада Штаба Крѣпости рота японцев.

Офицер-японец подбѣжал ко мнѣ и спросил: кто с кѣм перестрѣливается: русскіе с чехами или русскіе с русскими. Я отвѣтил: „Рус-Рус" и выразительно показал руками. Японец кивнул головой, улыбнулся, сказал: „Холосе, холосе" и побѣжал за своей ротой в сторону Эгершельда.

Здѣсь считаю нужным высказать свой взгляд на создавшееся положеніе:

В два часа дня, когда началась перестрѣлка между нами и гайдовцами, японцы рѣшили ограничить район боевых дѣйствій и отрѣзали нас от всего города, окружив нас и мятежников своими войсками. В данном случаѣ японцы преслѣдовали одну вполнѣ опредѣленную задачу: не допустить боевых столкновеній в самом городѣ. Получился-же такой курьез: гайдовцы увѣряли, что японцы помогали нам; мы-же проклинали японцев так-как считали, что они наш малочисленный отряд предоставили на истребленіе гайдовцам, которые, послѣ присоединенія к ним батальона Морских стрѣлков, набралось до 2,000 человѣк.

* * *

Очевидцы разсказывают, что когда у вокзала началась пальба, отряд американских войск был направлен туда. На нѣскольких грузовиках ѣхали американцы к мѣсту боя.

Стоя на своих грузовиках, они размахивали карабинами и кричали „коман", „коман"... Что у них произошло неизвѣстно, но через нѣсколько минут послѣ того, как они попали в сферу огня, они летѣли на своих

грузовиках назад по Свѣтланкѣ, направляясь в сторону Гнилого Угла. Этим эпизодом и закончилась вся „боевая" работа американских войск в дни гайдовскаго возстанія.

Их ближайшіе друзья—чехи выглядѣли нѣсколько иначе: всѣ они были озабочены и серьезно-дѣловиты. В полной боевой готовности они держались в кулакѣ, будучи сосредоточенными у Штаба Чехо-войск (бывшій дом губернатора на Свѣтланкѣ).

По этим-же свѣдѣніям исключительно красочную картину представляли собою гардемарины, когда они тѣсным строем, в своих черных шинелях с бѣлыми погонами с развернутым знаменем, под огнем противника шли по Алеутской, направляясь в раіон вокзала.

* * *

Начался дождь. Я увел взвод в подъѣзд Штаба Крѣпости, оставив пару юнкеров перед подъѣздом в сточной канавѣ. Они из этой канавы стрѣляли по всѣм двигавшимся с запада по Алеутской, а мы были готовы во всякую минуту их поддержать.

Перед сумерками ко мнѣ подбѣжал с вокзала Полковник Рубец и сказал, что он рѣшил вокзал оставить. 9-ая и 10-ая роты отойдут в зданіе Окружного Суда.

—„А кто это у вас там из сточной канавы палит?" указал он мнѣ на юнкера. „Он-же весь промок, смѣните его другим". Я отвѣтил, что это юнкер Дымченко, но он упорно отказывается от смѣны. (Этот юнкер Дымченко позднѣе, во время атаки вокзала на разсвѣтѣ 18-го ноября, первым вбѣжал на вокзал со стороны почтоваго отдѣленія и был убит).

С наступленіем сумерок 9-ая и 10-ая роты оставили вокзал. Восторженный крик „ура" со стороны вокзала

[illegible] нам знать, что наши враги захватили, оставленный нами вокзал.

Я был одним и немногих, знавших, что никто из высшего начальства нами не интересуется—связи у Полковника Рубца со Штабом Округа все еще не было. Поэтому в эти минуты мое настроеніе было крайне подавлено. Полковник Рубец был также молчалив и угрюм. Под проливным дождем он выбѣжал из подъѣзда Штаба Крѣпости, сказав мнѣ, что хочет в Окружном Судѣ повидать 9-ую и 10-ую роты и узнать каково настроеніе стрѣлков.

Когда Полковник Рубец вновь вернулся к нам, то сказал, что на разсвѣтѣ он рѣшил атаковать вокзал и что настоит на том, чтоб в его распоряженіе была дана хотя бы одна пушка:—„Достаточно по вокзалу дать всего пару выстрѣлов, что-бы подавить настроеніе мятежников" — добавил он.

* * *

Не помню, в котором приблизительно часу, но вдруг зазвонил телефон из Штаба Округа. — Наконец-то !!..

Подполковник Смирнов вызывал к телефону Полковника Рубца. Так-как Полковник Рубец был среди стрѣлков 9-й и 10-й рот, то к телефону подошел я. Подполковник Смирнов, исправлявшій в это время обязанности Начальника Штаба Округа*), хотѣл было говорить с Полковником Рубцом, но до прихода послѣдняго он сообщил мнѣ, что Генерал Розанов крайне не доволен тѣм, что вокзал нами оставлен, тѣм болѣе, что Штабу Округа достовѣрно извѣстно, что в настоящее время вокзал никѣм не занят. На

*) Об этом разговорѣ смотри так-же страницу 42-ую и 43-ю.

это я возразил Подполковнику Смирнову, что вѣроятно он слышит в телефон перестрѣлку: это идет перестрѣлка между нами и мятежниками, державшими переднiй фасад Штаба Крѣпости под ружейным и пулеметным огнем. На это Подполковник Смирнов отвѣтил, что в Штаб Округа только-что прибыл Ротмистр Х........ и, так-как он всего нѣсколько минут тому назад был на вокзалѣ, то приходится вѣрить ему, что вокзал не занят мятежниками. В это время подошел, только-что вернувшiйся из цѣпей, Полковник Рубце. и я передал ему трубку.

Подполковник Смирнов не повѣрил и Полковнику Рубцу, что вокзал занят гайдовцами, Подполковник Смирнов угрожал Полковнику Рубцу и мнѣ, что оба мы будем отставлены и командовать нашим отрядом будет вышеупомянутый Ротмистр. Далѣе с Полковником Рубцом говорил по телефону Генерал Розанов. Он требовал занять вновь вокзал.

* * *

Для провѣрки того, что вокзал дѣйствительно занят противником, из Штаба Округа к нам был прислан артиллерiйскiй офицер, который храбро пошел к вокзалу, но был схвачен мятежниками и тотчас-же разстрѣлян *). Затѣм появился в нетрезвом видѣ офицер, назвавшiй себя личным ординарцем Генерала Розанова. По его словам, он послан был из Штаба, чтобы лично на мѣстѣ убѣдиться в правильности донесенiй Полковника Рубца.

---

*) Этот эпизод мнѣ не был извѣстен. Узнал об этом из записок Полковника Рубца. Может-быть это и был Штабс-Капитан Рейман?

[illegible] 23-ей своих записок Полковник Рубец [illegible] об этом ординарцѣ: ,,Послѣ нѣскольких, [illegible] с вокзала пуль, он удостовѣрился и, на мое [illegible] подойти поближе, отказался и быстро [illegible]. Все это было оскорбительно и обидно. К [illegible] времени в Штаб Крѣпости явился Под- [illegible] Кононов и сообщил мнѣ, что он назначен [illegible] Начальником Штаба. Странно: 280 юнкеров и [illegible] ...Начальник Штаба! Но, гдѣ-же подчинен- [illegible] Комендантом Крѣпости остальныя части? [illegible] полурота 35-го полка была здѣсь, но Командир [illegible] батальона так и не мог попасть к своей [illegible], просидѣв в Штабѣ до конца. Гдѣ была его [illegible] — я до сих пор так и не знаю, да и не интере- [illegible] ею послѣ заявленія самаго Командира, что [illegible] ненадежна. Броневик ,,Калмыковец" со своей [illegible] был изолирован, но бравый офицер прибыл [illegible] для полученія приказаній. В дальнѣйшем эти [illegible] принесли существенную пользу своими дѣй- [illegible]"

[illegible] поясненіе этих строк из записок Полковника [illegible], считаю нужным добавить: В то время, как [illegible] Пономарев был в Штабѣ Крѣпости, его [illegible] был по ту сторону японскаго кордона [illegible] на одной из Морских улиц *). Лично мнѣ [illegible] Пономарев сказал, что он хотѣл пройти к [illegible] батальону, но японцы его не пустили. Слышал [illegible] офицеров контр-развѣдки, что и их с удостовѣре- [illegible] от Штаба Округа неохотно пропускали японцы,

*) Не смѣшивать с Матросскими улицами, находящимися на [illegible] концѣ города.

преградив на улицѣ сообщеніе между Штабом Округа и нами. Задержали так-же японцы и полуроту нашей 2-ой роты, шедшую из Штаба Округа к нам и только вмѣшательство Подполковника Кононова дало возможность этой полуротѣ во время присоединиться к нам. Во всяком случаѣ и Полковник Рубец и я подозрительно посматривали на сидѣвшаго в бездѣйствіи на диванѣ Командира Егерскаго батальона Капитана Пономарева: мы предполагали, что Кап. Пономарев ждет на чьей сторонѣ будет перевѣс и к той сторонѣ он и присоединится со своим батальоном. Численный состав этого батальона мнѣ извѣстен не был.

* * *

Ночью, уже перед самым разсвѣтом, незадолго до атаки вокзала, Полк. Рубец узнал, что с Русскаго острова прибыл 2-й батальон Школы. Этот батальон, совмѣстно с гардемаринами Морского Училища, занял боевой участок восточнѣе отряда Полк. Рубца. Объединены они были командой Полковника Добровольскаго (Командир 2-го батальона У.И.Ш. на Р.О.). Штаб Округа и ему прислал Начальника Штаба — Подполковника Топоркова.

Подполковник Кононов, по своем прибытіи в Штаб Крѣпости, доложил Полковнику Рубцу, что он — Полковник Рубец назначается Командующим всѣми Правительственными войсковыми частями, назначенными на подавленіе мятежа.

Ночью-же к Полковнику Рубецу прибыло одно орудіе под командой Штабс-Капитана Реймана (Убит перед атакой вокзала). Получить это орудіе Полк. Рубцу стоило больших хлопот и трудов.

VI. РАЗГРОМ МЯТЕЖНИКОВ.

1. План атаки вокзала. 2. Вмѣшательство Маіора Джонсона. 3. Провокаціонная выходка Шт.-Кап. Чувихина и Прапор. Андреева. 4. Атака вокзала частями Полковн. Рубца. 5. Дѣйствія 3-ей роты У. И. Ш. на Рус. Остр. 6. О пулеметѣ, стрѣлявшем с Тигровой горы. 7. Приказ Командующаго войсками № 208. 8. Отвѣт на обвиненія Полк. Солодовникова. 9. Плѣненіе Гайды. 10. Отряд 1-го Артил. Училища на ст. Океанская.

Атака вокзала по первоначальному плану Полк. Рубца была такова:

Боевая часть: 9-ая и 10-ая роты Учебной Инструкторской Школы.

Резерв: 3-ья и 1-ая роты Учебной Инструкторской Школы.

Перед атакой орудіе должно было выпустить шесть снарядов и в то-же время на десять минут должен был открыться пулеметный огонь. Затѣм атака.

Я был назначен Начальником резерва и Замѣстителем Полковника Рубца, так как в то время нам еще не было извѣстно о нахожденіи в городѣ отряда Полковника Добровольскаго.

* * *

Мы вполнѣ были готовы к атакѣ, как вдруг прозвонил звонок и из Штаба Крѣпости нам было при-

казано повременить с атакой: по сообщенію Начальника Международной полиціи, Маіора Джонсона, на вокзалѣ находились люди, к возстанію непричастные.

Стоя в дверях Штаба Крѣпости, я наблюдал, как к вокзалу подъѣхали автомобили. Было темно и нельзя было разобрать, что там у вокзала дѣлалось. Во всяком случаѣ, Маіор Джонсон оказал своим единомышленникам (он был русским эмигрантом, времен первой революціи и, по принятіи американскаго гражданства, превратился в Джонсона) скверную услугу, ибо, когда нам пришлось расправляться с противником, во много раз численно нас превышавшим, то многіе наши бойцы особой пощады врагу не давали, разсуждая, что, благодаря Джонсону, на вокзалѣ остались лишь люди, активно примкнувшіе к мятежникам.

* * *

Послѣ отъѣзда Джонсона, на вокзальной площади появился броневой автомобиль, сдѣлал нѣсколько выстрѣлов из пулемета и скрылся.

Это была провокаторская выходка Штабс-Капитана Чунихина и Прапорщика Андреева *). Чунихин должен был наканунѣ задержать движеніе Морских стрѣлков, шедших со станціи Океанская к гайдовцам. Он этого не сдѣлал, доложив, что его броне-автомобиль неисправен. Теперь-же он вновь не выполнил приказанія—вступить в распоряженіе Полковника Рубца, таккак, по его словам, его пулемет „заѣло".

* * *

*) Смотри страницу 57-ую брошюры Солодовникова „Сибирская Авантюра".

Перед самой атакой вокзала Полковник Рубец приказал усилить правый фланг цѣпи. Я выслал для этого полуроту 2-ой роты, недавно прибывшую из Штаба Округа, и третій взвод (Штабс-Капитан Нельгирст) моей роты.

Стрѣлки 9-ой и 10-ой рот, от долгаго лежанія на мостовой под дождем, промокли и закоченѣли. Помню, Штабс-Капитану Швейницу не легко было поднять свою цѣпь для атаки. В это время из моего резерва с гранатами в руках выскочил юнкер Слѣпухин, неистово завопил „ура"... В своем порывѣ он увлек весь 3-ій взвод. Кое-кто выбѣжал из моего резерва, промелькнула фигура Штабс-Капитана Трофименко с полуротой 2-ой роты, заодно поднялись 9-ая и 10-ая роты...

2-ая, 10-ая и 9-ая роты бросились к главному подъѣзду вокзала. 4-ый взвод моей роты побѣжал к лѣвому віадуку (гдѣ находилась почтовая контора). Часть верхняго этажа вокзала немедленно перешла в наши руки *).

Ко мнѣ подбѣжал Полковник Рубец и сказал: „Назначаю Вас Начальником боевого участка „Вокзал" — очищайте его от мятежников. Я бѣгу вправо, хочу распространиться по путям в направленіи Эгершельда. Молодцы „Калмыковцы" — во время поддержали"...

Дѣйствительно, в момент, когда орудіе начало стрѣлять, Калмыковцы взяли под обстрѣл гайдовскій поѣзд. Кромѣ того, какой-то миноносец поддержал

*) Владивостокскій вокзал двухэтажный. Второй этаж находится на высотѣ Алеутской улицы и Вокзальной площади, всѣ-же желѣзнодорожные пути расположены внизу — на высотѣ Нижней Портовой Улицы и нижняго этажа вокзала.

нас огнем со стороны бухты „Золотой Рог“. Зато японскій крейсер, освѣщая своим прожектором вокзал и зданіе Штаба Крѣпости, не только слѣпил, но и, ставил нас под обстрѣл гайдовцев. 2-ой батальон Учебной Инструкторской Школы и гардемарины в этот момент находились в раіонѣ Городского Сада. Когда под нашим натиском толпы мятежников, ища спасенія, кинулись по Нижней Портовой улицѣ, гардемарины встрѣтили их стрѣльбой пачками. Под вечер 18-го ноября я видѣл груду тѣл на Нижней Портовой — результат работы гардемарин.

* * *

Получив приказаніе от Полковника Рубца, я, с оставшимися при мнѣ шестью юнкерами 1-го взвода, побѣжал к главному подъѣзду вокзала. Кое-гдѣ горѣли огарки стеариновых свѣчей и при их свѣтѣ я увидѣл Капитана Морозова, прикладом винтовки выбивавшаго феленки двери в уборную 1-го класса.

Капитанам Зайченко и Швейницу я сказал, что прежде всего займемся очисткой всего верхняго этажа вокзала, предложил им идти на соединеніе с 3-ей ротой, находившейся у малаго, праваго, подъѣзда.

Собрав юнкеров 3-ей роты, находившихся на участкѣ 9-ой и 10-ой рот, я с ними выбѣжал через главный подъѣзд с вокзала и бросился к Почтовому отдѣленію. Тут был мой 3-ій взвод. Мы двинулись было по главному віадку, но он был под сильным обстрѣлом мятежников. Пришлось задержаться и прежде всего проникнуть в Почтовое отдѣленіе и затѣм соединиться со Швейницем, т. е. выбить дверь в коридор, идущій к главному зданію.

* * *

Вот выписка из „Описанія военных дѣйствій 3-ей роты У.И.Ш.“, представленнаго мною начальству послѣ возвращенія нашего отряда на Русскій Остров:

„Часть людей взвода (3-го) бросилась дальше по ...ому віадуку, но там попала под пулеметный огонь и понесла слѣдующія потери: юнкер Дымченко — убит, взводный портупей юнкер Дьяченко — смертельно ранен, Подпоручик Игначак, чиновник военного времени Мальберг и юнкер Яковлев — всѣ трое ранены в лѣвыя ноги (двум послѣдним ноги отняты по колѣно), юнкера Радецкій-Микулич и Ломакин — легко ранены и остались в строю“... Во время атаки вокзала люди взводов по собственной иниціативѣ побѣгали из Штаба Крѣпости для бросанія бомб (юнкера Гущин и Смирнов), оказанія помощи стонавшим в темнотѣ раненым и пять юнкеров бросились на пулемет, стоявшій на подъѣздѣ вокзала и захватили его (Панов, Маевскій, Гущин, Захарьин, Нейерди). Юнкер Яблонскій с юнкерами 2-ой роты в залѣ 3-го класса захватил пулемет“.

* * *

Послѣ подавленія возстанія во Владивостокѣ много говорили, что во время атаки нами вокзала нам содѣйствовал японскій пулемет, поставленный на Тигровой горѣ. Об этом даже упоминается в офиціальном докладѣ Крашенинникова. Я категорически отрицаю это и полагаю, что такое мнѣніе получилось в результатѣ слѣдующаго обстоятельства:

Перед началом атаки Полковник Рубец приказал нам пулемет установить на крышѣ Окружного Суда.

Во исполненіе этого приказанія юнкера 1-ой роты забрались на крышу Окружного Суда и хотѣли там

поставить пулемет, но так-как крыша Великобританскаго консульства стѣсняла им кругозор, то они перебрались на эту крышу и установили пулемет близ флагштока, т. е. под самым англійским флагом.

Когда этот пулемет заработал и когда консул узнал, что на его крышѣ стоит дѣйствующій пулемет, то его возмущенію не было предѣла.

По его требованію для объясненія к нему явился Капитан Щедринскій — инструктор пулеметнаго дѣла Школы. Консул потребовал от Капитана Щедринскаго, чтобы пулемет немедленно был-бы убран с крыши консульства. На это Капитан Щедринскій, желая выиграть время, заявил, что он, конечно, понимает всю неловкость создавшагося положенія, но вмѣстѣ с тѣм без разрѣшенія Полковника Рубца сам он ничего не может предпринять, а потому он может сдѣлать и сдѣлает только одно: пойдет и доложит Полковнику Рубцу. Консул должен был с этим согласиться.

Конечно, Капитан Щедринскій не особенно старался встрѣтиться, как можно скорѣе, с Полковником Рубцом, а пулемет тѣм временем наносил вред мятежникам и так как направленіе на Тигровую гору совпадало с направленіем на англійскій флагшток, то у большинства и получилось впечатлѣніе, что какой-то пулемет с Тигровой горы обстрѣливал вокзал.

* * *

Наши враги обвиняют нас в жестокой распрaвѣ с побѣжденными. На это отвѣчу: убитых и разстрѣлянных дѣйствительно было много и на вокзалѣ и близ него. Особенно много убитых было на лѣстницѣ ведущей в 3-ій класс. Нам приходилось подчас расправляться довольно сурово, ибо нас была горсточка

[illegible] массы и все-же мы находили возможным цѣлыя партіи сдавшихся отсылать в зданіе Штаба Крѣпости и даже в Штаб Округа, выдѣляя юнкеров и стрѣлков из боевой линіи (резерва-то у нас, вѣдь не было) для сопровожденія этих партій.

* * *

В тот момент, когда я с юнкерами моей роты перебѣгал с главнаго подъѣзда вокзала к віадуку на присоединеніе к моему 3-му взводу, я увидѣл на площади офицера, раздававшаго какія-то газеты. Это был экстренный выпуск газеты „Новый Путь" помѣченный „Вторник, 18-го ноября 1919 г. гор. Владивосток" (номера газеты нѣт).

Этот экстренный выпуск начинался приказом Генерала Розанова такого содержанія:

ПРИКАЗ

Командующаго Войсками Приамурскаго Военнаго Округа и Главнаго Начальника Приамурскаго Края

№ 203.

гор. Владивосток 17-ое ноября 1919 года.

Переживаемыя минуты таковы, что всякій вред приносимый Правительству, как преступной агитаціей, так и попытками остановить работу Государственнаго механизма путем забастовок и демонстрацій — есть измѣна дѣлу РОДИНЫ.

ПРЕДУПРЕЖДАЮ: всякія попытки подобнаго рода будут с полной безпощадностью подавляться оружіем. Захваченных с оружіем ПРИКАЗЫВАЮ разстрѣливать на мѣстѣ без суда. Зачинщиков предавать полевому суду.

Генеральнаго Штаба

Генерал-Лейтенант Розанов.

Прочитав на ходу приказ № 203, я был и обрадован и удивлен. Обрадовался тому, что теперь наши руки развязались, а удивился оттого, что Генерал Розанов вдруг вновь оказался грозным начальником, каковым прослыл за дѣла в Енисейской губерніи. А только, вѣдь, вчера он проявлял полное бездѣйствіе власти!

* * *

Полковник Солодовников в своей брошюрѣ бросает „шикарным юнкерам" обвиненіе в мародерствѣ. Я был в бою и не замѣтил юнкеров-мародеров. Солодовников-же, бѣжав из поѣзда Гайды вначалѣ боя, все же считает для себя возможным бросить нам обвиненіе в мародерствѣ.

На самом дѣлѣ было слѣдующее: всѣ мы были голодны и поэтому, когда юнкер моей роты Мещеряков выбил дверь, ведущую от почтоваго отдѣленія в коридор, соединяющій почтовое отдѣленіе с главным зданіем вокзала, то он наскочил на чей-то продуктовый склад. Прежде всего на него посыпались макароны и вермишель. Мы были так голодны, что я и бывшіе тут юнкера разобрали по карманам макароны и стали их тут-же жевать. Когда-же нами был очищен нижній этаж вокзала и в наши руки попался буфет 3-го класса, я приказал находившимся там бойцам ѣсть все, что хочешь, но ничего „про-запас" не брать. Все съѣдобное, что было там найдено, немедленно нами было уничтожено. Наконец, во время боя в раіонѣ желѣзнодорожных путей, ко мнѣ подбѣжал юнкер Зубарев и доложил: „Наши ребята (т. е. тот-же мой 3-ій взвод) захватили вагон с обмундированіем и просят Вашего разрѣшенія переобуться в гайдовскіе сапоги". Зная, что всѣ „ребята" в ботинках и обмотках, промокших

[illegible] во время вчерашняго дождя и понимая, что каждому из бойцов лестно, вмѣсто ботинок с обмотками, имѣть на ногах „гайдовскіе сапоги", я разрѣшил переобуться.

* * *

Когда весь вокзал уже был в наших руках, бой постепенно уже затихал и только со стороны Эгершельда слышна была рѣдкая стрѣльба, к Полковнику Рубцу, стоявшему посреди вокзальной площади, подошел бравый Штабс-Капитан в пальто мирнаго времени и доложил, что он прибыл в распоряженіе Полковника Рубца с одним офицером и 38 бойцами „Русскаго легіона во Франціи". На это Полковник Рубец отвѣтил, что бой уже окончен, но так-как в эти самыя минуты вновь послышались выстрѣли со стороны Эгершельда, то Полковник Рубец предложил Штабс-Капитану Ханкову, (так звали вновь прибывшаго), двинуться по желѣзно-дорожным путям в направленіи на Эгершельд. Штабс-Капитан Ханков со своим отрядом направился туда......

Послѣ этого прошло нѣсколько минут. Мои офицера наскочили на Генерала Гайду, который будучи ранен в ногу, переходил желѣзно-дорожные пути, направляясь, повидимому, к американской казармѣ, в которую уже успѣл скрыться революціонный Подполковник Краковецкій. Гайда был в растегнутом генеральском пальто мирнаго времени с двумя Георгіями и лентой через плечо, но на пальто, вмѣсто погон, у него были нашиты поперек плеч двѣ бѣло-зеленых ленточки. На френчѣ-же, как говорили потом, у него имѣлись золотые Генерал-Лейтенантскіе погоны.

Двигаясь по путям, Штабс-Капитан Ханков замѣтил группу из столпившихся юнкеров. Он подошел к ней и, увидя Гайду, окруженнаго юнкерами, вмѣшался в это дѣло, приказав юнкерам Гайду и его Начальника Штаба, Подполковника Чечек, направить в Штаб Округа. Не вмѣшайся-же Ханков, так Гайду, вѣроятно, постигла-бы участь наиболѣе рьяных его приверженцев, т. е. он был-бы разстрѣлен на мѣстѣ захвата.

* * *

Утром 17-го ноября, обычный ход занятій в 1-м Артиллерійском Училищѣ, был нарушен. Начальник Училища, Полк. Герцо-Виноградскій, получив приказ о высылкѣ части юнкеров его Училища в раіон Владивостока, собрал батареи и вызвал желающих. Так-как желающими оказались всѣ юнкера обѣих батарей, то Полк. Герцо-Виноградскій приказал Комбату 1-ой, Подполк. Теляковскому, сформировать сводный отряд от обѣих батарей в 150 юнкеров.

С наступленіем темноты этот отряд оказался на ст. Океанская, прибыв туда на товарном составѣ, шедшим из Никольск-Уссурійскаго по расписанію. Здѣсь отряд был остановлен и, совмѣстно с всадниками отряда Полк. Патейшвилли, юнкера Артиллеристы несли охранную службу, арестовывая всѣх подозрительных.

Утром 19-го ноября отряд Подполк. Теляковскаго вернулся назад в Раздольное. Вмѣстѣ с ним возвратились домой в Училище и тѣ юнкера, что в ночь на 17-ое были сняты с поѣзда и участвовали в движеніи Правительственнаго отряда на покинутые Морскими стрѣлками казармы на Черной Рѣчкѣ (см. стр. 33-ую).

VII. ПОБѢДИТЕЛИ, ПОБѢЖДЕННЫЕ И ПОСРЕДНИКИ.

1. Полковник Рубец и два офицера, доставившіе записку Гайды. 2. Разоруженіе 3-й роты У. И. Ш. на Р. О. 3. Посѣщеніе вокзала союзным генералом. 4. Американцы берут на себя охрану вокзала. 5. По улицам Владивостока. 6. Инспектор артиллеріи Округа у Полк. Рубца. 7. Юнкер Куриленко. 8. Об убитых с вывороченными карманами. 9. Судьба Гайды. 10. Погребеніе героев, павших в бою.

Вѣсть о захватѣ в плен главаря возстанія быстро распространилась среди нас. Я еще продолжал стоять посреди вокзальной площади, как ко мнѣ подъѣхал автомобиль с огромным бѣлым флагом и из него вышли два офицера: один—русскій, другой—чех.

Русскій офицер доложил мнѣ, что он прислан из Штаба Округа. Так как в это время к нам приближался Полковник Рубец, то я указал офицерам на него, как на старшаго здѣсь начальника.

Оба офицера одновременно стали докладывать Полковнику Рубцу, что прибыли для прекращенія дальнѣйшаго кровопролитія. В руках у них была записка приблизительно такого содержанія: ,,Во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія приказываю борцам еще не сдавшимся прекратить борьбу". И далѣе слѣдовала вѣрная подпись: ,,Генерал-лейтенант Гайда".

По-видимому оба офицера были очень польщены, выпавшей на них миссіей, и имѣли вид весьма самодовольный.

Полковник Рубец, прочитав записку, сразу нахмурился и, приняв очень свирѣпый вид, обратился к чеху с вопросом: ,,Вы—гайдовец?"

Сказано это было так холодно, что у обоих офицеров сразу настроеніе измѣнилось настолько, что теперь оба они представляли вид довольно жалкій.

Чех вытянулся, приложил руку к головному убору и с сильным чешским акцентом пролепетал: ,,Никак нѣт, господин Полковник".

Тогда Полковник Рубец, повернувшись в сторону русскаго офицера, промолвил: ,,Так, вы—гайдовец?"

И в свою очередь русскій офицер заикаясь отвѣтил: ,,Никак нѣт, господин Полковник".

—,,Какими-же судьбами в Ваших руках, господа, оказался этот приказ главаря возстанія?"

Тут оба офицера стали докладывать, что Гайда в настоящее время находится в Штабѣ Округа и написал эту записку с разрѣшенія Генерала Розанова.

Полковник Рубец развел руками и сказал: ,,Ничего не понимаю! Неужели Начальник Края, Генерал Розанов, вмѣсто того, что-бы приказать немедленно разстрѣлять главнаго бунтаря, как мы разстрѣляли сотню его единомышленников, он, Генерал Розанов, вступил в разговоры с главарем возстанія! Ничего не понимаю!"—Сдѣлав паузу, Полковник Рубец продолжал: —,,Господа, Вы поздно прибыли, бой уже закончен, хотя там, на Эгершельдѣ, все еще слышны рѣдкіе выстрѣлы. Идите туда".

Возмущенный до глубины души, Полковник Рубец отошел от нас, группы офицеров, желая, повидимому, наединѣ пережить свое возмущеніе против своего начальника, котораго со вчерашняго дня он не только не уважал, но ненавидѣл.

* * *

Штабс-Капитан Нельсон-Гирст доложил мнѣ, что весь его взвод (3-ій) уже перевооружился, т. е. всѣ раздобыли себѣ винтовки Ижевскаго завода и побросали винтовки завода Ремингтон, качество которых было много ниже. Дѣло в том, что русское правительство во время Великой войны заказало в Америкѣ, на заводѣ Ремингтон русскія 3-х линейныя винтовки. В 1919 году всѣ Владивостокскія воинскія части были вооружены этими американскаго изготовленія винтовками. У этих винтовок почему-то очень часто патроны заклинивались в затворѣ. Кромѣ того и приклады у них не были столь прочны, как наши, русскіе, березовые. Солдаты не любили „ремингтоновки". Гайда-же откуда-то раздобыл для себя наши извѣстныя винтовки Ижевскаго завода.

Послѣ того, как 3-ій взвод перевооружился, я приказал тут-же перевооружиться и остальным взводам моей роты и вслѣд затѣм приняться за уборку на вокзалѣ разбросанных винтовок и патронов.

* * *

В то время, как мои люди занимались сбором винтовок и патронов, на вокзал со своим Штабом прибыл Главнокомандующій Японскими Экспедиціонными силами — Генерал Оой... Я сопровождал Генерала во время обхода им вокзала и вот, когда мы приблизились к лѣстницѣ 3-го класса, намѣреваясь подняться по ней, нашим глазам представилась ужасная картина:

Вся лѣстница была завалена трупами и их было так много, что нам невольно приходилось иногда ступать по ним. На площадкѣ, между этажами, один умирающій слегка приподнялся и стал умолять добить его, так-как „сил нѣт терпѣть боль". Мы прошли мимо него, но когда мы поднялись во второй этаж, один молодой японскій офицер отдѣлился от нас. Через нѣсколько мгновеній раздался выстрѣл. Повидимому японец исполнил просьбу несчастнаго.

* * *

Посреди багажнаго отдѣленія высилась огромная куча винтовок, нѣсколько кулей патронов розсыпью и 105 ящиков патронов в упаковкѣ. Отобрав от побѣжденных столько оружія и огнеприпасов, мы удивлялись откуда у них все это понабралось. (Я не знал еще тогда, что наканунѣ боя безслѣдно пропал караул у одного из артиллерійских складов, а самый склад оказался начисто разграбленным).

Только поспѣл я выбрать лично для себя драгунскую винтовку Ижевскаго завода и приладить ее себѣ для носки через плечо „на ремень", как к вокзалу подкатил легковой автомобиль под американским флагом. Вслѣд за легковым автомобилем к вокзалу подошло нѣсколько грузовых, повидимому с какой-то хозяйственной кладью вояк-американцев. Это еще что за новость?

Из легкового автомобиля вышел американец — Капитан и с ним переводчик. Увидя меня, переводчик подошел ко мнѣ и заявил: „Так-как вокзал и желѣзнодорожные пути находятся в зонѣ американскаго вліянія, то Капитан предлагает Вам передать вокзал ему. Американскіе войска сейчас сюда прибудут".

Я отвѣтил, прося переводчика передать Капитану, что я, юнкера и солдаты, здѣсь находящіеся, являемся Правительственными войсками, только-что отобравшими вокзал от бунтовщиков. Никаких „зон вліянія" я не знаю. Над собой имѣю начальников: 1) Полковника Рубца и 2) Генерала Розанова, а потому, пока я не получу приказанія от вышеупомянутых лиц, я охрану вокзала не передам.

Капитан, замѣтив мое возбужденное настроеніе, передал через переводчика, что „он, конечно, вполнѣ со мною согласен".

Со своей стороны я заявил, что если будет приказаніе свыше о передачѣ вокзала, я это исполню, но винтовки патроны, взятые в бою, я ни в коем случаѣ американцам не передам и при них оставлю пару часовых.

Капитан отвѣтил, что ни патронов, ни винтовок ему не надо.

Через четверть часа от Полковника Рубца я получил приказаніе сдать вокзал американцам. Немедленно из грузовых автомобилей были сгружены походныя кровати со всѣми принадлежностями и, вскорѣ, зал 1-го класса превратился в дортуар американских солдат, которые, кстати, еще и не прибыли к вокзалу. Я же получил приказаніе собрать свою роту и отвести ее на обѣд в ресторан Шуина, что в городском саду.

Комфорт американских солдат меня и моих сослуживцев удивлял. Невольно поднимался вопрос: „Боеспособна-ли такая „комфортабельная" армія?"

* * *

Юнкера подтянулись и, оставив вокзал, с пѣснями двинулись вдоль по Алеутской улицѣ. По лицам про-

хожих и знакомых было видно, что многіе владивостокцы были рады нашей побѣдѣ. Кое-гдѣ в толпѣ дамы махали платочками. Настроеніе стало бодрым. Все тяжелое, пережитое так недавно, временно улетучилось из памяти. И погода была в согласіи с нашим настроеніем — ярко свѣтило владивостокское ноябрское солнце.

В ресторанѣ старик Шуин, знавшій меня еще в до-военное время, сердечно поздравил меня с побѣдой, пожав мою руку обѣими своими. Долго-ли мы утоляли свой аппетит, я не помню, но когда я с ротой вышел из ресторана, начиналась настоящая дальневосточная пурга.

* * *

Из ресторана Шуина я с ротой прошел в угол Коммерческой пристани, предполагая погрузиться на параход для слѣдованія на Русскій Остров, но в будкѣ 9-ой дивизіи (телефон у пристани) мнѣ сообщили, что, ввиду наступившей пурги, рейс отмѣнен, и дѣйствительно, — парахода „Инженер" видно не было.

На берегу, на том мѣстѣ, к которому подходит обычно „Инженер", на мостовой, лежал труп юнкера Дымченко. Это его земляки притащили тѣло сюда, желая отвезти его на Русскій Остров.

На мѣстѣ, гдѣ Нижняя Портовая улица сливается с набережной, был завал трупов. Стоявшій тут-же гардемарин, с винтовкой за спиной, объяснил мнѣ, что это они, гардемарины встрѣтили залпами гайдовцев, когда тѣ по захватѣ вокзала Школой бросились по Нижней Портовой.

Так-как гардемарин сказал мнѣ, что их пост на этом мѣстѣ будет стоять до утра слѣдующаго дня, то

я просил его принять во вниманіе, что у пристани лежит труп моего юнкера и, если в этом раіонѣ будут убирать трупы, то что-бы труп юнкера не убирали — мы заберем его завтра на Русскій Остров.

* * *

Прибыл посыльный от Полковника Рубца, и сообщил мнѣ, что до завтра моей ротѣ назначен отдых в зданіи Окружнаго Суда.

В одной из комнат зданія Окружнаго Суда расположилась моя рота. Утомленные боем и безсонной ночью, а теперь насытившіеся обильной пищей ресторана Шуина, мы рано в этот вечер завалились спать, но, конечно не имѣли того комфорта, как то было с американцами на нашем злополучном вокзалѣ — и я, Штаб-офицер, отдавшій Родинѣ двадцать лѣт службы в строю, подложив под голову шинель, завалился просто на паркетном полу.

2-ая рота, менѣе других утомленная, охраняла наш покой.

* * *

На слѣдующій день, 19-го ноября была чудная погода. Ярко свѣтило солнце и выпавшій вчера снѣг слѣпит глаза и под лучами солнца быстро тает. В кабинетѣ прокурора Окружнаго Суда, гдѣ расположился Полковник Рубец, собрались всѣ ротные командиры, отдавая отчет своему начальнику о всѣх подробностях вчерашних дѣйствій. Составляются списки особо-отличившимся.

Работа эта была нарушена докладом вошедшаго юнкера о том, что на вокзал прибыл какой-то артиллерійскій Полковник, который требует немедленно сдать ему всѣ винтовки и патроны, забранные вчера

ротами Полковника Рубца у мятежников. На отказ караульнаго начальника в этом Полковник приказал позвать к нему Начальника отряда, т. е. Полковника Рубца.

Полковник Рубец, выслушав доклад юнкера, приказал ему вернуться на вокзал и доложить артиллерійскому Полковнику, что Начальника отряда Правительственных войск артиллерійскій Полковник может застать в зданіи Окружнаго суда, а что он, Полковник Рубец, не имѣет времени бѣгать по всяким пустякам на вокзал.

Мы возобновили прерванную работу, но вскорѣ к нам вошел артиллерійскій Полковник, который представился Полковнику Рубцу, как Инспектор артиллеріи Округа.

— „Прошу Вас, Полковник, немедленно сдѣлать распоряженіе о сдачѣ мнѣ всего оружія забраннаго Вами от мятежников", — таковы были слова новоявившагося.

Эти слова не по вкусу пришлись здѣсь присутствующим ротным командирам. Четыре дня тому назад снабженіе Школы, положительно всѣм нам необходимым, англичанами прекратилось. Наступал період „самоснабженія". Поэтому понятно с какой заинтересованностью ждали ротные командиры отвѣта Полковника Рубца.

Полковник Рубец поинтересовался от кого исходит распоряженіе о передачѣ оружія в артиллерійские склады и, получив отвѣт, что такое распоряженіе исходит от Штаба Округа, хотѣл было уже сдаться на доводы артиллерійскаго Полковника. Но в это

[illegible] вмѣшался Командир 1-ой роты, Капитан Горно-Богоявленскій, который своим громким басом стал докладывать Полк. Рубцу:

„Если-бы мы (ротные командиры) были-бы увѣрены в том, что сданное нами оружіе в артиллерійскіе склады добросовѣстно там будет храниться и по мѣрѣ надобности будет опять поступать к нам, то, конечно, и разговора никакого на эту тему не должно быть. Но к сожалѣнію, все это оружіе, с бою нами у мятежников отбитое, еще на-днях лежало в артиллерійских складах и оттуда перешло в руки мятежников и было направлено против нас. Повтореніе подобной исторіи никто из чинов Школы не хочет, а потому желательно, чтоб оружіе не попало-бы в ненадежные руки".

Подобые слова Капитана Горно-Богоявленскаго смутили артиллерійскаго Полковника. Из дальнѣйшего разговора выяснилось, что Инспектор артиллеріи округа только три дня тому назад впервые прибыл из Хабаровска и совершенно не в курсѣ мѣстных дѣл. Тогда Капитан Горно-Богоявленскій возобновил свою рѣчь и разсказал Инспектору артиллеріи о том, как исчез караул от складов, как исчезли роты крѣпостного артиллерійскаго батальона и что из всего этого получилось.

— „И так Вы, господин Полковник, теперь требуете, что-бы мы отдали оружіе части, которая с нашей стороны не пользуется ни малѣйшим довѣріем? Среди гайдовцев было много солдат той исчезнувшей с Русскаго Острова роты и с ними мы расправлялись довольно-таки безпощадно. Поэтому в руки их единомышленников мы оружія совсѣм не хотим передавать" — закончил Горно-Богоявленскій.

Инспектор артиллеріи стоял пораженный, не зная, что предпринять. Горно-Богоявленскій тогда еще добавил: — „В здѣшнем управленіи артиллеріи немало офицеров и чиновников, постоянно занимающих одни и тѣ-же мѣста, какіе-бы перевороты в городѣ не происходили-бы. Они одинаково ревностно служат и бѣлым и красным. Вот напримѣр чиновник Зинченко. По своим убѣжденіям он, вѣроятно, большевик, а занимает отвѣтственное мѣсто!“...

Полковник Рубец рѣшил придти к какому-нибудь компромиссу и предложил Инспектору артиллеріи такой выход: „Всѣ исправныя винтовки, а так-же всѣ патроны, мы забираем к себѣ на Русскій Остров и в Управленіе артиллеріи дадим о них точный отчет. Все-же неисправное оружіе мы немедленно передадим в мѣстные склады для приведенія его в порядок в мастерских крѣпостной артиллеріи“.

Артиллерійскій Полковник с этим согласился и я отправился на вокзал для приведенія в исполненіе даннаго рѣшенія.

* * *

Только вышел я из Окружнаго Суда, как встрѣтил Начальника Школы, Полковника Плѣшкова. Он поздравил меня с побѣдой и спросил каковы потери в бою моей роты. Я перечислил убитых и раненых, а затѣм добавил: — „Со времени нашего выступленія с Русскаго Острова я ничего не знаю о юнкерѣ Антонѣ Курилко“. На это мнѣ Полковник Плѣшков отвѣтил:

— „Как, развѣ Вам не извѣстно, что Курилко разстрѣлян?“

— „Кѣм?“

— „Розановской контр-развѣдкой за то, что ...рилко, оказывается, работал на два фронта и в ...у пользу и в пользу гайдовцев“.

Я так был поражен этим извѣстіем, что ничего ...же не мог отвѣтить, а Полковник Плѣшков, по-...видимому, куда-то спѣшил и потому попрощавшись ...со мной пошел дальше...

Извѣстіе о разстрѣлѣ юнкера Курилко чинами ...контр-развѣдки Штаба Округа меня ошеломило. Вѣдь ...наша школьная контр-развѣдка была сформирована ...Поручиком Суражкевичем потому, что мы не довѣряли ...контр-развѣдкѣ Штаба Округа. Поручик Суражкевич ...из моей роты сам выбрал юнкеров Соколова и Курилко ...и отзывался похвально о работѣ их обоих. Первый ...из них вѣрность службы нашему Бѣлому дѣлу запе-...чатлѣл своей собственной гибелью. Может и Курилко ...напал на такой слѣд Розановской контр-развѣдки, ...что ей оставалось одно — прикончить с юнкером?

Со времени описываемых мною событій прошло ...уже пятнадцать лѣт и до сих пор я предполагаю, что ...в гибели юнкера Курилко таится преступленіе.

Антон Курилко происходил из крестьян Примор-...ской области. В январѣ 1918 года в Харбинѣ сфор-...мировался отряд Полковника Орлова. В этом отрядѣ Антон Курилко был фельдфебелем одной из рот. Осенью 1919 года Курилко был зачислен в мою юнкер-...скую роту. Он был первым, на ком при формирова-...нии контр-развѣдки остановил свой выбор, Поручик Суражкевич...

Через два дня, т. е. 21-го ноября, мнѣ пришлось ...пережить очень тяжелую сцену свиданія с его

родителями, стариками крестьянами села *) Полтавки. Горько плача, они просили меня, отца-командира их Антоши, сказать правду об их сынкѣ. Я не имѣл права сказать им то, что думал, а потому мнѣ было еще тяжелѣе. Старик поднял свою „старуху", плакавшую на колѣнях передо мною, и сказал твердым голосом:

— „Пойдем, старуха, здѣсь нѣт правды".

Думаю, что Курилко-отец был прав.

* * *

Но вернусь к прерванному разсказу:

Когда я пришел на вокзал, то там было большое оживленіе: Послѣ двухдневнаго перерыва поѣзда отходили сегодня по расписанію.

Один из чинов караула при винтовкѣ и патронах мнѣ сказал, что, когда вчера караул вступил на службу, то здѣсь в раіонѣ вокзала у всѣх трупов были выворочены карманы. Видно послѣ нашего ухода с вокзала какая-то шайка, несмотря на присутствіе американских войск, занималась грабежом. Впослѣдствіи в одной из японских фотографій можно было купить снимки убитых с вывороченными карманами и со снятыми сапогами.

На брошенное Полковником Солодовниковым юнкерам Школы обвиненіе в мародерствѣ я уже отчасти отвѣтил (смотри стр. 62). Теперь-же, относительно вывороченных карманов, мнѣ остается только засвидѣтельствовать, что в тот момент, когда я 18-го ноября строил свою роту, дабы вести ее на обѣд, вывороченных карманов я не видѣл.

* * *

*) Надо полагать казаками станицы Полтавки (Редак.)

Узнав о возстаніи во Владивостокѣ, Верховный Правитель, Адмирал Колчак по телеграфу отдал приказ: „всѣх измѣнников судить военно-полевым судом, причем, в случаѣ присужденія кого-либо из мятежников к каторожным работам он, Верховный Правитель повышает всѣм наказаніе до разстрѣла“.

Важно отмѣтить, что разгрому мятежников населеніе Владивостока в своей подавляющей массѣ было чрезвычайно радо. „Четвертовать его“ — таково было общее пожеланіе населенія, относившееся к главарю возстанія. И большинство, огромное большинство населенія с мало скрываемой радостью ожидало, что бывшій кумир и любимец Бѣлой Сибири, а нынѣ [illegible] экс-генерал, будет всенародно казнен [illegible] давно отошедших времен, ибо так велика была [illegible] и возмущеніе русских жителей Владивостока [illegible]нностью и наглостью „союзников“. Самое интересное и характерное в данном положеніи было [illegible] что возставшіе не имѣли сочувствія среди населенія [illegible] образом из-за того, что во главѣ них стоял [illegible]земец. Вѣдь возстаніе было дѣлом рук эс-эров, [illegible] Гайда только случайно возглавил мятеж, так-как [illegible] кандидат эс-эров — бывшій Главковерх и член Директоріи, Болдырев, — уклонился от возглавленія мятежа, считая эту „работу“ слишком мелкой для [illegible] персоны *). Между тѣм с перваго дня и по сіе

*) Болдырев, хотя и не прочь был свергнуть Адмирала Колчака, [illegible] его мѣсто, но свое появленіе на одном из самых главных и [illegible]дящих мѣст будущаго Правительства, он мыслил не иначе, как в [illegible]ьтатѣ призванія его, приглашенія его общественностью и народом, [illegible] в коем случаѣ он не хотѣл и не собирался рисковать своим [illegible], связывая его с руководством повстанцами, которые могут [illegible], при случаѣ, и разбитыми! (Смотри книгу Болдырева „Директо[illegible], Колчак, Интервенты“).

время выступленіе этих дней во Владивостокѣ извѣстно всѣм и каждому, как „Гайдовское возстаніе" и только „Гайдовское".

Однако, ожиданія населенія не оправдались. Успѣл только Гайда попасть в Штаб Розанова, как его „почтенной" фигурой заинтересовались всѣ „дорогіе союзнички". Проявил-ли Розанов излишнюю и непонятную мягкость к главарю возстанія, испугался-ли он возможности новаго осложненія с интервентами, но так или иначе, приказа Верховнаго Правителя он не выполнил, донеся ему, что еще до полученія приказа Адмирала, он должен был Гайду и других видных арестованных мятежников передать по требованію союзных миссій чехам. Согласно достигнутаго соглашенія Гайда и его ближайшіе и видные помощники сохранили свою жизнь, но должны были немедленно выѣхать заграницу. До отхода парахода, на котором они должны были выѣхать, они должны были находиться под арестом. Караул должен был быть русским, но, с другой стороны, караул этот с арестованными должен был находиться в средѣ союзных войск.

Между прочим, караул к Гайдѣ был назначен от нашей Школы. Штабом Округа был вызван Штабс-Капитан Нельсон - Гирст с шестью юнкерами его взвода. Надо полагать, что это послѣдовало именно оттого, что юнкера взвода Нельсон-Гирста плѣнили Гайду (смотри стр. 63).

Нельсон-Гирст, как ему то было приказано, отвез Гайду на Русскій Острова на „Подножье", гдѣ находились казармы чехов. Утром 20-го ноября он вызвал меня к телефону и доложил, что караул, охраняющій Гайду и других арестованных, постав-

мы в невозможныя условія: Гайда находится среди чехо-словацких войск. Солдаты-чехи глумятся над Штабс-Капитаном Нельсон-Гирстом и он не берет на себя отвѣтственность, что он и юнкера, выведенные из терпѣнія, не перестрѣляют нахалов. Нельсон-Гирст просил меня убѣдить начальство или перевести Гайду в расположеніе Учебной Инструкторской Школы или передать проклятаго повстанца под охрану кого либо иного.

Я немедленно передал содержаніе доклада Штабс-Капитана Нельсон-Гирста Полковнику Рубцу.

Вечером того-же дня Штабс-Капитан Нельсон-Гирст с шестью юнкерами возвратился в казармы, а охрана Гайды перешла к чехам.

* * *

К обѣду 19-го ноября весь наш отряд возвратился домой на Русскій Остров.

Когда я доложил Полковнику Рубцу, что тѣло юнкера Дымченко потерялось, Полковник очень разсердился. Свое объясненіе со мною по этому поводу он закончил словами: ,,Труп героя потеряли! Найти!"

Это было сказано очень внушительно и я не нашел иного плана дѣйствій, как так-же внушительно потребовать от юнкеров розыскать тѣло Дымченко. На практикѣ выполнить это было невозможно, так-как весь день 19-го ноября тѣла убитых убирались американцами и были ими куда-то свезены. Посланные мною в город на розыски тѣла Дымченко три юнкера вернулись с послѣдним параходом и доложили, что тѣло Дымченко найдено, уложено в гроб и находится вмѣстѣ с остальными тѣлами в Успенском Соборѣ.

Не помню теперь уже когда, кажется 21-го ноября, состоялось погребеніе жертв авантюры Гайды.

Парадом войск, прибывших для отданія почестей погибшим героям, командовал Полковник Плѣшков. Здѣсь, среди войск, стянутых во Владивосток из всего Южно-Уссурійскаго раіона, я увидѣл впервые возродившихся Приморских драгун и недавно появившееся у нас в Приморьѣ 1-ое Артиллерійское Училище *).

Войдя в собор, я увидѣл, что двѣнадцать гробов с останками юнкеров и солдат нашей Школы стоят отдѣльно от других. В ближайшем от меня гробу я увидѣл труп портупей-юнкера Дьяченко. Рядом с ним был труп, изуродованный до неузнаваемости. Я понял, что это мои юнкера, не найдя тѣла Дымченко, замѣнили его другим, быть может даже нашим врагом. Их тайну я не выдал и таким образом в братской могилѣ ,,колчаковцев" оказалось тѣло посторонняго.

Похороны состоялись на Эгершельдском военном кладбищѣ. Перед открытой могилой говорились рѣчи. Помню, что из всѣх рѣчей, мнѣ больше всего понравилось слово Николая Діонисьевича Меркулова. Он говорил с большим подъемом..

---

*) Не смѣшивать со 2-м Артиллерійским Техническим Училищем. (Редак.).

VIII. БЕЗВѢСТНЫЕ ГЕРОИ.

1. Контр-развѣдка У.И.Ш. на Р.О. 2. Заданія агентам, данныя Полковник. Рубцом. 3. Выполненіе агентами поставленных им заданій.

Описав событія в таком видѣ, как они представлялись рядовому бойцу Правительственных войск, считаю нужным дополнить это описаніе повѣствованіем о, так сказать, внутреннем механизмѣ борьбы:

Как о том было сказано выше (смотри стр. 22) Поручик Суражкевич получил от Полковника Рубца приказаніе протолкнуть к Гайдѣ побольше вѣрных людей. Поручик Суражкевич приказаніе выполнил. К гайдовцам пролѣзли юнкера Соколов, Курилко, Потерня, Пашкѣев, Ковалев, Смирнов, Пасѣчников и нѣсколько других, всего восемнадцать человѣк, из них шесть юнкеров и двѣнадцать из унтер-офицерских батальонов (2-го и 3-го) пройдя к Гайдѣ, как нежелающіе служить у Колчака и как вѣрные идеям Сиболдумовцев (Якушев в это время распространял массу прокламацій).

Здѣсь я считаю своим долгом отмѣтить, что юнкер Пашкѣев был из моей роты и до полученія письма Поручика Суражкевича в январѣ 1935 года, я не знал

истиннаго положенія вещей с побѣгом означеннаго юнкера; я считал, что Пашкѣев предатель. Дѣло в том, что Поручик Суражкевич с моего вѣдома выбрал только двух юнкеров из моей роты: Соколова и Курилко. Относительно-же Пашкѣева он тогда мнѣ сказал, что это крайне ненадежный человѣк. Пашкѣев вскорѣ бѣжал из роты. С описываемых событій прошло пятнадцать с лишним лѣт и только сейчас, благодаря письму Поручика Суражкевича, я узнал, что Пашкѣев был вѣрным человѣком и, что мнѣ была дана умышленно ложная его характеристика и само бѣгство его было подстроено Суражкевичем с вѣдома Полковника Рубца.

Когда наступило начало ноября мѣсяца, Полковник Рубец получал полныя свѣдѣнія о всѣх дѣлах Гайды. Соколов был убит в поѣздѣ Гайдовцев потому, что его выдал предатель — юнкер Потерня, а знал он Соколова оттого, что был связан с ним: Полковник Рубец установил такой порядок, что один связывался только с одним. Отправив к Гайдѣ восемнадцать человѣк, Полковник Рубец и Поручик Суражкевич расчитывали, что из 18 человѣк трое будут провокаторами, и полагали, что трое агентов погибнут от рук Гайдовцев и еще трое других погибнут от рук Розановской контр-развѣдки. Но среди агентов оказался только один провокатор — вышеупомянутый юнкер Потерня.

* * *

В первых числах ноября, когда всѣ свѣдѣнія говорили за то, что возстаніе будет вскорѣ, Полковник Рубец дал Поручику Суражкевичу слѣдующую задачу. Всѣх агентов оставить у Гайды, но их роли распредѣлить таким порядком, что-бы:

1) Первый перебѣжчик вернулся к нам и явился-бы прямо к Поручику Суражкевичу за 20 часов до боя.

2) Второй перебѣжчик продѣлал-бы тоже самое за 12 часов до боя.

3) Третій — за 6 часов до боя.

4) Четвертый — за полчаса до боя.

5) Пятый — через 1 час послѣ начала боя,

6) Шестой — через 3 часа послѣ начала боя,

7) Седьмой — через 6 часов послѣ начала боя.

8) Восьмой через 12 часов послѣ начала боя.

9) Девятый через 24 часа послѣ начала боя.

10) Десятый через 2 суток послѣ боя.

11) Одиннадцатый — через 3 суток послѣ боя.

12) Двѣнадцатый — через 4 суток послѣ боя.

Таков был расчет, произведенный на 12 человѣк. При этом люди до боя не мѣнялись, люди-же назначенные к перебѣгу во время и послѣ боя были назначены парные, т. е., если чины Правительственных войск одного убьют, то к нам идет его замѣститель.

Об этом планѣ можно сказать только одно: — „Что и говорить, план — смѣлый“.

* * *

К началу ноябрьских событій у Гайды имѣлось 23 Правительственных агента, из них 17 человѣк были от Учебной Инструкторской Школы, 3 человѣка — от Крѣпостной роты, остальные 3 человѣка — от других частей Правительственных войск.

Наканунѣ боя к Поручику Суражкевичу явился первый перебѣжчик. Послѣ этого послѣдовала погрузка батальона Школы и отбытіе его в город.

18-го ноября перебѣжчики являлись аккуратно. Был только один несчастный случай: чинами Правительственных войск был убит агент восьмой очереди —

юнкер Курилко, перебѣжавшій через 12 часов послѣ начала боя. Замѣнен он никѣм не был, так-как его пара была убита, как потом выяснилось, нами-же (чинами Правительственных войск), в рядах Гайды.

Во время боя то и дѣло раздавалось по Штабу Крѣпости: „Поручика Суражкевича требует вниз перебѣжавшій какой-то гайдовец". Вспоминая это, Поручик Суражкевич заявляет: „Крыли мы тогда гайдовцев, как хотѣли, потому что знали все. Вот поэтому-то весь бой Полковник Рубец провел, как по написанному и вот почему не удалась провокація Сыромятникова, когда он увѣрял нас, что вокзал не занят никѣм и слал нас на гайдовскіе пулеметы, но мы-то знали все!"

Относительно приведенной дословно оцѣнки обстановки сдѣланной Поручиком Суражкевичем и самаго хода боя, я будучи вполнѣ согласен с Б. Е. Суражкевичем, что Полковник Рубец „всѣ контр-развѣдки за пояс заткнул", все-же не согласен, что „бой он вел как по писанному". Были и у нас тяжелыя минуты, которыя Поручик Суражкевич, как оптимист, быстро забыл. Счастливой случайностью было и то, что Правительственными войсками командовал Полковник Рубец — организатор контр-развѣдки. Если-бы на его мѣстѣ оказался-бы кто-либо другой, хотя-бы Полковник Добровольскій, то результат мог получиться совсѣм иной.

Из 18 агентов, высланных Полк. Рубцом к Гайдѣ, погибло — всего семь человѣк: Соколов, Курилко, Пашкѣев, Смирнов, два унтер-офицера (фамиліи их Поручик Суражкевич забыл) и сукин-сын Потерня. Послѣдній был выловлен и убит Поручиком Суражкевичем, который всадил ему в затылок пулю из

[illegible]рейской улицѣ. Остальные одиннадцать человѣк [illegible]решли к нам по взятіи вокзала.

В заключеніе нужно отдать должное Полковнику [illegible]убцу, за его ум и прозорливость. Да это был не [illegible]лько прекрасный строевой начальник, но и выдаю[illegible]ійся организатор контр-развѣдки, чины которой [illegible]ужили и гибли преданные идеѣ, а не работали, [illegible] хорошій оклад жалованья! Нужно также отмѣтить [illegible] умѣніе молчать, как Полковника Рубца, так и Пору[illegible] Суражкевича: о работѣ контр-развѣдки в Школѣ [illegible] знал даже как слѣдует и Начальник Школы — Пол[illegible]ник Плѣшков. Он ахнул только послѣ убійства [illegible]нкера Соколова, когда Начальнику контр-развѣдки Школы пришлось ему кое-что разсказать.

IX. „НА ШИПКѢ ВСЕ СПОКОЙНО“.

1. Владивосток послѣ подавленія гайдовскаго возстанія. 2. Ген. Розанов и награжденіе отличившихся юнкеров. 3. Красные агенты и У.И.Ш. 4. Полк. Плѣшков и Комендант Крѣпости. 5. 4-ая рота. 6. Облавы на „интеллигентов“. 7. Юнкера-дезертиры. 8. Поступок юнкера. 9. Полковник Рубец и Начальник Школы. 10. Событія в Сибири. 11. Свѣдѣнія Поруч. Кузнецова. 12. Утром 22-го января.

Несмотря на то, что Правительственныя войска одержали блестящую побѣду над гайдовцами, особаго удовлетворенія все-же не чувствовалось. Прежде всего, 20-го ноября во Владивостокѣ стало офиціально извѣстно об оставленіи Арміей столицы Бѣлой Сибири — Омска, послѣдовавшаго 14-го ноября, а, во-вторых, жизнь Владивостока продолжала течь по прежнему руслу разложенія и разрушенія. Разнузданность нравов, спекуляція и всѣ прочія прелести тылового города были налицо. В ресторанах по-прежнему пьяные голоса надрывались, вопя на мотив „Шарабана“:

„Погон россійскій,
Мундир англійскій
Сапог японскій —
Правитель Омскій“...

и открыто осуждали всѣ мѣропріятія, исходившія от Верховнаго Правителя и его Министров.

* * *

С побѣдой над Гайдой Верховный Правитель Школу поздравил по телеграфу и произвел всѣх юнкеров, участвовавших в подавленіи возстанія, в портупей-юнкера. Всѣ портупей-юнкера были произведены в Подпоручики. Офицеры-же — представлены к наградам.

Генерал Розанов выразил желаніе посѣтить Школу и лично раздать Георгіевскіе кресты и медали юнкерам, особо-отличившимся в бою 17-го — 18-го ноября.

Однако, Генерал Розанов не находил времени для посѣщенія Школы. Его поѣздка на Русскій Остров все откладывалась и откладывалась. Наконец, было рѣшено, что награжденіе особо-отличившихся состоится на парадѣ 9-го декабря (26-го ноября ст. стиля), т. е. в день Георгіевскаго Орденскаго праздника. Однако, и тут произошло опять недоразумѣніе: Мы долго ждали прибытія ледокола, на котором наш 1-й батальон должен был переотправиться в город. Не дождавшись его, позвонили, наконец, в Штаб Сибирской Флотиліи. Оттуда получили отвѣт, что никаких распоряженій в Штабѣ о высылкѣ ледокола за батальоном Школы не получалось. Тогда послѣдовал ряд переговоров между нами, Штабом Округа и Морским Штабом. Наконец, ледокол „Патрокл“ получил предписаніе идти за нами в бухту Новик. Предшествующая ночь была очень холодная. Вся бухта „Новик“ покрылась довольно толстым слоем льда и потому „Патрокл“ с нами прибыл к Экипажной пристани лишь в первом часу дня. К этому времени

парад в городѣ уже окончился. Генерал Розанов не дожидаясь нас роздал награды гардемаринам... Не солоно нахлебавшись, с сильно павшим настроенiем возвращались назад на Русскiй Остров офицеры и юнкера 1-го батальона Школы. Генерал Розанов вновь обѣщал в один из ближайших дней проѣхать на Русскiй Остров и там раздать награды чинам Школы.

Прошла, однако, еще одна недѣля, а Генерал Розанов все не мог найти времени посѣтить Школу и раздать чинам ея награды. Тогда Полковник Плѣшков рѣшил лично раздать награды 19-го декабря (6-го декабря по ст. стилю).

В этот день в Школѣ состоялся торжественный благодарственный молебен Господу Богу по случаю побѣды над гайдовцами, а кромѣ того была отслужена панихида по звѣрски убiенным Импер. Николаѣ II и его семьѣ. Начальник Школы и протопресвитер сказали соотвѣтствующее слово в сугубо монархическом духѣ. Так впервые в стѣнах Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ наши юнкера услыхали монархическiя рѣчи. До этого времени в Школѣ монархическая пропаганда была воспрещена, хотя большинство офицеров, безусловно, были монархистами.

* * *

По окончанiи парада я зашел в канцелярiю 3-ей роты, дабы подписать текущiя дѣла. Слѣдом за мною в канцелярiю вошел юнкер Поляков и со слезами на глазах доложил мнѣ, что он не получил заслуженной им Георгiевской медали, так-как в Приказѣ по Школѣ его, вѣроятно, по ошибкѣ не помѣстили. Поляков

казался мнѣ крайне разстроенным происшедшим недоразумѣніем. Я его утѣшил, сказав ему, что это дѣло вполнѣ поправимо, так-как в своем рапортѣ я это помѣстил и, вѣроятно, в завтрашнем приказѣ по Школѣ ошибка будет исправлена. Повторяю, Поляков казался очень разстроенным, рукой он вытирал слезы и мнѣ, конечно, и в голову не могло придти, что передо мною стоит красный провокатор - латыш, подосланный к нам, в Школу, в цѣлях освѣдомленія красных. Об этом я узнал лишь в февралѣ 1920 года уже послѣ паденія во Владивостокѣ власти Верховнаго Правителя.

Еще до этой исторіи в моей ротѣ был такой случай. К нам в Школу прибыл новый юнкер, совершенно бѣлобрысый с красным лицом. Его внѣшность была такова, что послѣ перваго с ним свиданія его легко можно было запомнить. И дѣйствительно, стоило только Штабс-Капитану Нельсон-Гирсту взглянуть на вновь прибывшаго, как в нем он узнал краснаго начальника пулеметной команды, набиравшейся во Владивостокѣ в началѣ 1918 года для отправки в распоряженіе товарища Лазо, боровшагося в то время в Забайкальѣ с только-что организовавшимся отрядом Есаула Семенова. В тѣ дни этот, мой новый юнкер, воинственно разъѣзжал по Владивостоку на бѣлом конѣ. Его физіономія с тѣх дней запомнилась и нѣкоторым иным чинам моей роты. Поэтому я о всем доложил по-командѣ. Красный пулеметчик был арестован. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

* * *

Вот еще одна исторія из жизни нашей Школы, но другого рода:

Как-то из города от Полковника Плѣшкова мною было получено приказаніе: „выслать первый взвод 3-й роты с офицером к такой-то гостиницѣ". Если не ошибаюсь, юнкера получили даже по 15 боевых патронов. Взводным командиром был Штабс-Капитан Скороходов, атлетическаго сложенія с восточным лицом — в общем представительный и внушительный мужчина.

По возвращеніи взвода из города, я спросил Скороходова в чем там было дѣло, но симпатичный Штабс-Капитан, мило улыбнувшись, застѣнчиво просил меня не разспрашивать, так-как все дѣло уладилось.

В общем, у Начальника Школы, Полковника Плѣшкова, вышло какое-то недоразумѣніе с одним из адъютантов Коменданта Крѣпости, котораго Плѣшков рѣшил силою оружія выселить из номера гостиницы.

Мнѣ казалось тогда, что Скороходов был больше всего смущен воинственностью нашего Начальника Школы.

Эпизод этот совсѣм не сыграл в пользу Полковника Плѣшкова, хотя подобный-же эпизод с Генералом Сахаровым, описанный на стр. 16, весьма значительно увеличил его популярность.

* * *

Юнкера 4-й роты, не участвовавшие в дѣлѣ вмѣстѣ с остальными ротами, казалось, были огорчены и Командир 4-й роты, Капитан Питалев, выпросил у начальства, чтоб при первом-же вызовѣ на усмиреніе был-бы послан он с его 4-й ротой.

Желаніе Капитана Питалева, сбылось. Случай отличиться 4-й ротѣ представился, вскорѣ ее послали в

бухту Святой Ольги, гдѣ красные партизаны стали слишком дерзки. Однако 4-ая рота вскорѣ возвратилась назад. Из ея состава нѣсколько юнкеров перебѣжало к красным. Надо считать, что причиной тому являлась неудовлетворительность формированія этой роты: часть юнкеров была набрана из Владивостокских интеллигентов, уклонявшихся от отбыванія воинской повинности.

* * *

Относительно только-что затронутаго вопроса, могу сказать слѣдующее: 1-ая, 2-ая и 3-ая роты Школы нѣсколько раз высылались на „облавы интеллигентов“. Для подобных облав выработался даже особый порядок их производства: по понедѣльникам та или иная рота Школы оцѣпляла, прибывающіе на ст. Владивосток, всѣ дачные поѣзда и в них войсковые чины находили богатую добычу — спекулянтов всѣх родов и сортов, весело проводивших свой воскресный отдых в живописных окрестностях Владивостока. Среди этой публики немало было и уклонявшихся от воинской повинности. Таковых мы снимали с поѣздов и их направляли к Воинскому Начальнику, послѣдній-же через день-другой кое-кого из задержанных отсылал к нам-же в Школу на пополненіе наших рѣдѣющих рядов. Иногда облавы производились по ночным кабакам. Помню, как-то моя рота произвела такую облаву. В одиннадцатом часу ночи прибыли мы в город и сразу-же по всѣм кабакам и публичным домам были направлены офицерскіе патрули. Добыча на сей раз была богатая, но... смогли-ли стать хорошими воинами пойманные нами „интеллигенты“?...

* * *

Перед Рождеством в моей ротѣ произошел большой скандал. Дѣло в том, что Полковник Рубец всѣх студентов и сельских учителей (а их было немало в рядах Школы) направлял всегда на пополненіе моей роты, объясняя мнѣ это тѣм, что я, мол, имѣю болѣе спокойный характер и умѣю обращаться с интеллигентами. Поздней осенью, когда в Приморье прибыло 1-ое Артиллерійское Училище, десять юнкеров этого училища были почему-то переведены... к нам в Школу. Полковник Рубец всѣх их передал в мою роту. С перваго дня появленія в ротѣ артиллеристов, они стали оказывать принебрежительное отношеніе к „шагистикѣ" и к стрѣлковому дѣлу. Мои доводы относиться ко всѣм изучаемым предметам одинаково серьезно их мало трогали. И вот, перед самым Рождеством, отпросившись в отпуск всѣ они из него не вернулись больше, а уѣхав в Раздольное, явились вновь в артиллерійское училище, гдѣ бывшее их начальство приняло их.

Полковник Рубец поступком артиллеристов был крайне возмущен и настаивал на преданіи всѣх их суду, но Начальник Перваго Артиллерійскаго Училища, Полковник Герце-Виноградскій, иначе посмотрѣл на это дѣло и рѣшил весь этот эпизод предать забвенію.

В связи с этой исторіей вспоминается мнѣ, что еще лѣтом 1919 года в наш батальон было зачислено нѣсколько гардемарин. Всѣ эти гардемарины окончили нашу Школу и были произведены в портупей-юнкера, а затѣм и в Подпоручики. Невольно напрашивается вопрос: какая цѣль была в этом прикомандированіи к нашей Школѣ сначала группы гардемарин, а потом этих злосчастных десяти артиллеристов?

* * *

Юнкера, послѣ состоявшагося производства в портупей-юнкера, согласно положенію об Учебных Инструкторских Школах, должны были быть отчисленые от Школы и распредѣлены по воинским частям. Однако, ввиду тревожности политическаго положенія, портупей-юнкера от Школы отчислены не были, так-как Школа считалась вполнѣ надежной боевой частью, а с отчисленіем от нея портупей-юнкеров ея боеспособность значительно пала-бы, ибо тогда почти цѣликом разшелся-бы весь 1-й батальон Школы.

Неопредѣленность положенія портупей-юнкеров скверно дѣйствовала на их настроеніе. А тут еще вышел приказ в праздничные дни не увольнять портупей-юнкеров в болѣе, как половинном составѣ, так-как каждую минуту можно было ожидать вызова в город по тревогѣ.

* * *

С января мѣсяца 1920 года, а может-быть даже и еще нѣсколько ранѣе, Полковник Рубец замѣтил, что Начальник Школы — Полк. Плѣшков бросил совершенно интересоваться школьными дѣлами, погрузившись всецѣло в свою семейную жизнь и проводя большую часть времени в городѣ, в компаніи сербских офицеров. Вмѣстѣ с тѣм в Школѣ, благодаря его супругѣ, наступило время вечеринок: офицеры и юнкера занялись всевозможнѣйшими театральными и тому подобными дѣлами.

Что за порядок установился в Школѣ, об этом может свидѣтельствовать, хотя-бы слѣдующій факт. Зайдя однажды, около 9 часов утра, в 1-ую роту, Полковник Рубец застал Подпоручика Богговута (недавно

произведеннаго в офицеры) спящим. На взбѣшенный вопрос Полковника Рубца о причинѣ его спанья, Подпоручик отвѣтил, что репетиція спектакля, производившаяся наканунѣ, затянулась до поздняго времени, а потому Начальник Школы и его супруга разрѣшили встать позже. Кромѣ Подпоручика Богговута в этой же ротѣ, Полковник Рубец улицезрѣл еще нѣсколько офицеров с заспанными и утомленными физіономіями, которые так-же сослались на ту-же репетицію с участіем г-жи Плѣшковой и ея матери. *)

* * *

В это самое время событія в Сибири развивались колоссальным темпом. О всѣх подробностях происходящаго на Дальнем Востокѣ не было извѣстно, так-как свѣдѣнія поступали далеко нерегулярно, но тѣ вѣсти, что приходили, свидѣтельствовали, говоря мягко, о страшных затрудненіях ставших на пути Бѣлой Власти. Оцѣнивая обстановку В. Г. Болдырев, проживавшій в то время в Японіи, пишет: „Игра безнадежна, пожалуй, и широкій творческій размах едва-ли в состояніи исправить положеніе. Осталось только одно: герои будут умирать, обезпечивая бѣгство трусам и дѣльцам". Вот еще нѣсколько кратких выдержек из записок Болдырева:

„8-го декабря. В японских газетах промелькнуло извѣстіе о передачѣ Адмиралом Колчаком власти Атаману Семенову."

---

*) Мать г-жи Плѣшковой, — г-жа Тетюкова, происходила из семьи богатых амурских купцов, которые первыми внесли щедрый дар Атаману Семенову на веденіе борьбы с большевиками. В январѣ 1918 года в Харбинѣ говорили, что Семенов от Тетюковых получил около милліона рублей.

„19-го декабря. По газетам ожидается близкое паденіе Иркутска, а в Харбинѣ формируется дружина с открыто объявленным монархическим названіем“...

„27-го декабря. В Сибири полная безнадежность. Прямое сообщеніе Иркутска с Дальним Востоком прервано. Всей этой сумятицей в полной мѣрѣ пользуются Семенов и большевики. Примолк как-то Розанов“.

„29-го декабря. Иркутск будто-бы без боя передан большевикам. „Политическій центр“ оказался просто передаточной инстанціей“.

„7-го января. Адмирал сам почти в плѣну, в поѣздѣ, гдѣ-то к западу от Иркутска. По слухам Розанов за уступку японцам большоя партіи хлопка, на котором они заработали до 5 милліонов барыша, получил один милліон іен“.

„11-го января. В Сибири Колчак отрѣзан. Жанен и „союзники“ покидают его“.

Таковы в общих чертах тѣ данныя, которые витали в воздухѣ, способствуя развитію хаоса и внося всюду смятеніе и страх надвигающагося мрачнаго неизвѣстнаго.

19-го января Болдырев самовольно вернулся во Владивосток из заграницы. И был принят Розановым.

* * *

Дѣла Школы были заброшены ея Начальником, но чтобы еще болѣе облегчить себя, Полк. Плѣшков назначил Полк. Рубца своим помощником по строевой части, не дав, однако, послѣднему никакой власти. Таким образом Полк. Рубец как-бы исполнял полицейскія обязанности: обходил и объѣзжал раіон Школы. Но когда указывал при своих докладах На-

чальнику Школы о том, что видѣл и что творилось в раіонах 2-го и 3-го батальонов, то отвѣты получал в смѣхотворном духѣ. На доклады-же Полк. Рубца о необходимости самой энергичной работы и желательности инспекторскаго смотра не только Школѣ, но и крѣпостному артиллерійскому и мѣстному батальонам, подчиненных Полк. Плѣшкову, как Начгару Русскаго Острова, послѣдній буквально не обращал никакого вниманія.

Полк. Рубец видѣл, как началось постепенное разложеніе в Школѣ, но он не думал, что конец уже близок.

Своими мѣрами Полк. Рубец вооружил против себя (как то он сам признает в одном из своих писем) нѣкоторых офицеров Школы: Лифанова, Васильева, Боровикова и многих других офицеров 2-го и 3-го батальонов. Поддержки-же никакой со стороны Полк. Плѣшкова он не видѣл.

* * *

Полк. Рубец жил на отшибѣ. Личное безысходное горе его убивало и иногда ему все казалось безразличным, но это были лишь моменты: Полковника все время занимала мысль о необходимости прекратить всѣ эти вечеринки, усилить занятія, заполнить все время, дѣлать обходы раіонов Школы, крѣпостного и мѣстнаго батальонов, принять боевую готовность.

В эти времена к Полк. Рубцу частенько заходил Поручик Кузнецов, брат котораго служил в отдѣлѣ контр-развѣдки Штаба Ген. Розанова. Из разговоров с Поручиком Кузнецовым Полк. Рубец узнавал о том, что творилось в Штабѣ Командующаго войсками. Эти свѣдѣнія были болѣе чѣм тревожны — они указывали

за то, что в Штабѣ Розанова всѣ готовы к бѣгству. Полк. Рубец обычно пытался успокаивать Поручика Кузнецова, говоря, что вряд-ли до этого дойдет дѣло, что положенiе, конечно, напряженное, но все-же оно не выходит из рамок обычнаго тревожнаго настроенiя.

В разговорах с Полк. Плѣшковым Полк. Рубец, однако, нѣсколько раз спрашивал: каково положенiе в городѣ и что ему, вообще, извѣстно из Ставки Верховнаго Правителя и Главнокомандующаго? Дѣл Школы Полк. Рубец, теперь касался осторожно, мягко указывая Полк. Плѣшкову на необходимость принять мѣры против замѣчающагося разложенiя... Полк. Рубец обращал вниманiе Начальника Школы на необходимость установленiя связи с Атаманом Семеновым и со Штабом самаго Адмирала. Полк. Рубец совѣтовал Полк. Плѣшкову командировать офицеров с докладом о настоящем положенiи дѣла в Приморьѣ и о преступной бездѣятельности Розанова, от котораго нельзя ждать хорошаго, развѣ только бѣгства в тяжелую минуту (так собственно говоря и вышло впослѣдствiи).

На все это Полк. Рубец получал от Полк. Плѣшкова отвѣты и завѣренiя в том духѣ, что „все мол спокойно“. При этом у Начальника Школы был всегда самоувѣренный тон. Он особенное значенiе придавал свѣдѣнiям, якобы исходящим от сербских офицеров. В Штаб Округа Полк. Плѣшков не ѣздил, а с Комендантом Крѣпости — семеновским Генералом Вериго он был в отношенiях, ярко обрисованных уже ранѣе на стр. 90 (попытка чуть-ли не силой оружiя выселить из гостиницы одного из адъютантов Ген. Вериго).

Полк. Плѣшков вообще давал Полк. Рубцу понять, что всѣ тревожные слухи о положенiи дѣл в Краѣ и в

Штабѣ Ген. Розанова не основательны. Но во врем[я] этих бесѣд Полк. Рубец подмѣтил, что Начальни[к] Школы задумчив немного болѣе, чѣм то нужно. Иногд[а] Полк. Рубцу казалось, что Полк. Плѣшков что-то от него скрывает. Тут слѣдует отмѣтить, что сам Пол[к.] Рубец в это время переживал тяжелое семейное горе, н[о] все-же был настроен оптимистически. Много поздн[ѣе], касаясь в своих частных письмах этого времени, По[лк.] Рубец писал: ,,и до сих пор думаю, что если-бы тог[да] вошли-бы в связь с Семеновым и на мѣстѣ Ген. Ро[за]нова был-бы порядочный, энергичный начальник, [то] может быть все сложилось иначе''.

* * *

Все двигалось к бездне, а Начальник Школы [и] его семья продолжали жить какой-то обособленн[ой] жизнью...

Утром, примѣрно, января 22-го, к Полк. Рубц[у] опять явился Поручик Кузнецов и передал, что [по] разсказу его брата в городѣ что-то подготовляется [и] что контр-развѣдка Штаба Округа приготовилась [к] бѣгству. Получив такія свѣдѣнія Полк. Рубец вмѣст[ѣ] с Поруч. Кузнецовым пошел к Плѣшкову на е[го] новую квартиру.

Придя к Начальнику Школы они застали та[м] гостей (один кажется был г-н Доброхотов, фамил[ія] другого Полк. Рубец забыл), а сам Полк. Плѣшков [и] вся его семья были заняты елкой*). Полк. Рубе[ц] попросил Начальника Школы уединиться с ним[и] Кузнецов сообщил ему то, что говорил Рубц[у]. Плѣшков измѣнился в лицѣ и глубоко задумался.

---

*) Елку поддерживали так долго из-за их годовалаго ребенка, которому елка нравилась.

Полк. Рубец опять обратился к своему начальнику с просьбой съѣздить в Штаб и повидать Ген. Розанова, дабы выяснить обстановку, так-как Школа, да и другія части, никаких оріентировок из Штаба давным давно не получали. Полк. Рубец говорил: „Если Розанов хочет бѣжать, то Вас, Г-н Полковник, можно считать за единственную власть. Соединившись с гардемаринами Китицына, с 1-м Артиллерійским Училищем Герцо-Виноградскаго, Драгунским полком, отрядом Враштеля и небольшим численно отрядом Патейшвилли, можно будет все-же постепенно выкурить большевицкій угар по-крайней мѣрѣ из Владивостока и его окрестностей. Были-бы лишь — едина власть и рѣшительныя мѣры“.

На это, послѣ долгаго раздумья Полк. Плѣшков отвѣтил, что слухи всѣ преувеличены и ничего особенно тревожнаго нѣт: Атаман Семенов присылает сюда два полка. Как-бы там-бы ни было, Полк. Плѣшков обѣщал Полк. Рубцу сегодня-же проѣхать к Ген. Розанову и с ним выяснить обстановку. С этим оба офицера и удалились от Начальника Школы.

Полк. Рубец ушел от Начальника Школы на сей раз со спокойным чувством, а между тѣм в эти дни все болѣе и болѣе наростало чувство безпокойства во всѣх трех батальонах Школы. И это было не только безпокойство, тут были и тревога и недовѣріе к своим начальникам...

Полк. Плѣшков тогда, послѣ разговора с Рубцом и Кузнецовым, в Штаб не поѣхал..

СХЕМА №4 — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ГОР. ВЛАДИВОСТОКА.

№1—Штаб Округа, №2—Морской Штаб, №3—Правительственный телеграф. №4—Коммерческое Училище, №5—Пожарная каланча, №6—Вокзал. №7—Памятник Адмиралу Невельскому, №8—Коммерческая пристань, №9—Клубная пристань.

X. БУНТ ЕГЕРСКАГО БАТАЛЬОНА.

1. Выдвиженіе 1-го батальона Школы в город. 2. Обстановка. 3. План атаки цитадели бунтовщиков. 4. Созданіе батареи. 5. Полк. Рубец и Нач. Артиллерійск. Училища. 6. Бытовыя картинки владивостокских переворотов. 7. Ликвидація возстанія. 8. На обратном пути домой.

В воскресенье, 25-го января 1920 года, Начальник Штаба Округа, Подполковник Смирнов, передал по телефону нам, что в городѣ настроеніе тревожное и Генерал Розанов приказывает 1-й батальон Школы выслать в город.

За послѣднее время Полковник Рубец часто прихварывал и я за него командовал 1-м батальоном. Так было и теперь. Я уже отдал кое-какіе распоряженія в связи с предстоящим походом в город, жалѣя в душѣ, что во главѣ батальона не пойдет наш любимый и уважаемый Полковник, как вдруг увидѣл его перед собою. Старый „царскій" Полковник узнав, что его батальон вызывается в город, забыл о своей болѣзни, явился в свою часть и стал отдавать распоряженія к предстоящему передвиженію батальона.

Здѣсь нелишне указать, что Борис Иванович Рубец настолько ушел в дѣло организаціи борьбы с крас-

ными, что для личной жизни у него совершенно не оставалось времени, послѣдствіем чего явилось то, что его жена — вѣрная подруга жизни в теченіе десятка лѣт — ушла от него. Борис Иванович эту драму переживал очень тяжело, но и это не ослабило его энергіи по поддержанію порядка в вѣренной ему части и по веденію борьбы с красными, а наоборот усилило. Сам по себѣ храбрый, он послѣ этой драмы совершенно не боялся смерти — искал ее и потому появлялся перед противником даже и там, гдѣ это собственно и не нужно было.

* * *

Полковник Рубец рѣшил, что к городу мы должны подойти незамѣтно — с наступленіем темноты.

Вот мы спустились на лед бухты „Новик" и по ней, имѣя впереди походную заставу с Поручиком Масляниковым во главѣ, направились к городу. Невольно вспоминался осенній поход на усмиреніе Гайды, только тогда Поручик Масленников шел со своим взводом впереди на моторном катерѣ „Русский Остров".

Было уже темно, когда мы проходили по каналу мимо радіо-станціи. Здѣсь, недавно прошедшій ледокол нагромоздил льдины одна на другую, но крѣпкий мороз уже успѣл покрыть льдом всѣ полыньи и мы благополучно вышли в „Босфор Восточный".

Свѣдѣнія о том, что дѣлается в городѣ, мы получали от юнкеров, возвращающихся из городского отпуска. Свѣдѣнія эти были разнорѣчивы, но в общем составлялась такая картина:

Личный конвой Генерала Розанова, так называемый Егерскій батальон, отказался повиноваться вла-

тем, выбрал комитет, во главѣ котораго стал Прапорщик Пономарев (родной брат Командира батальона — Капитана Пономарева, игравшаго в дни Гайдовскаго возстанія какую-то странную роль). Возставшій батальон занял Коммерческое училище и не проявляет каких-либо дѣйствій, видимо выжидая, когда к нему присоединятся другія воинскія части. Что дѣлалось в это время в рабочих кварталах, — двигающемуся в город 1-му батальону Школы совершенно не было извѣстно. Все-же, повидимому, там было спокойно, так-как отпускные юнкера проходили как-раз мимо Эгершельда — мѣстожительства владивостокских грузчиков, не замѣчая там ничего подозрительнаго.

* * *

В город 1-й батальон проник через Эгершельд. Там все было спокойно. К 8-ми часам вечера батальон выстроился на, так памятной всѣм нам, вокзальной площади и, в ожиданіи полученія распоряженій из Штаба, составил винтовки. Ночь была звѣздная, морозная. Изрѣдка со стороны „Гнилого угла" доносились одиночные ружейные выстрѣлы. Наконец пришло распоряженіе из Штаба о проходѣ батальона в зданіе Окружного Суда, гдѣ люди должны были отдохнуть, проведя там часть ночи.

Батальон прошел в отведенное ему помѣщеніе. На случай экстреннаго вызова была назначена 2-ая рота. Я со своей ротой занял одну из комнат Окружнаго Суда, разрѣшил всѣм снять амуницію и, сѣв на диван, совершенно неожиданно так крѣпко заснул, что меня еле-еле разбудили около полуночи, когда Полковник Рубец потребовал к себѣ всѣх офицеров батальона для освѣщенія положенія.

* * *

Обстановка была такова:

Розановскіе егеря уже вторые сутки управляются выборным комитетом, не признают власти Генерала Розанова. Батальон этот главным образом укомплектован татарами, безразлично относящимися ко всему происходящему. Поэтому при подавленіи возстанія нѣт никакой необходимости проявлять суровость к мятежникам, являющимся по существу не столько бунтовщиками, сколь послушным орудіем в руках группы проходимцев-провокаторов. Полковник Плѣшков, коему было поручено подавить возстаніе, поэтому требовал, чтоб Правительственныя части при усмиреніи возстанія проявили-бы возможно большую гуманность и не проливали-бы напрасно крови.

В его распоряженіе для этого поступали:

1) 1-й батальон Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ,

2) гардемарины,

3) морская учебная рота,

4) эскадрон пластунов Полковника Патейшвилли

Кромѣ того к утру слѣдующаго дня ожидалось прибытіе по желѣзной дорогѣ Конно-Егерскаго полка Полковника Враштеля, квартировавшаго в Никольск-Уссурійском, но полной увѣренности в прибытіи полка не было, так-как в Никольск-Уссурійском округѣ не все было спокойно. 1-ое Артиллерійское Училище, квартировавшее в Раздольном, прибыть не должно было, так-как и в Раздольнинском округѣ также не все было спокойно.

Полковник Рубец не задерживал долго офицеров, сказав напослѣдок, что под утро всѣ ротные командиры получат от него заданія в зависимости от

обстановки. Послѣ этого всѣ офицеры разошлись по ротам.

Таким образом Полковник Плѣшков должен был надѣяться только на тѣ части, что, находясь во Владивостокѣ, сразу поступили под его команду. Ввиду вызова военно-учебных частей в праздничный день, состав батальона Школы и гардемарин был крайне незначителен, так-как часть юнкеров и гардемарин находилась в отпуску. Лично я выступил в поход с ротой в 32 портупей-юнкера. Из них 6 человѣк были назначены для связи и при мнѣ, таким образом, осталось всего 26 бойцов. Еще хуже было с младшими офицерами; прежніе мои младшіе офицеры — Штабс-Капитаны Агапитов и Нельсон-Гирст получили в командованіе роты; первый во 2-м батальонѣ, а второй — в формируемом на Русском Островѣ „Русском легіонѣ во Франціи“. Вмѣсто этих двух опытных офицеров, за два дня до похода, в мою роту перевели двух, на-днях произведенных из портупей-юнкеров в Подпоручики Богговута*) и Х......... (фамилію забыл) — оба мнѣ совершенно неизвѣстные.

Приблизительно такое-же положеніе с личным составом было и в других ротах.

* *

26-го января в 3 часа утра в зданіе Окружного Суда прибыл Полковник Плѣшков. Он еще раз просил Полковника Рубца настоять на том, чтобы мы по

*) За день до нашего выступленія на усмиреніе Розановских Егерей, Подпоручик Богговут был переведен в мою роту с наказомъ от Полковника Рубца „держать этого молодца в ежовых рукавицахъ“. Причиной перевода был случай описанный на стр. 93.

указанным выше причинам не расправлялись-бы жестоко с возставшими.

При этом свиданіи Полковник Плѣшков разрѣшил с Полковником Рубцом подробности дѣйствій в предстоящем на утро столкновеніи. Предполагалось, что:

1) батальон Школы атакует Коммерческое училище со стороны Суйфунской площади,

2) правѣе батальона Школы будут дѣйствовать пластуны Полковника Патейшвилли,

3) Морская учебная рота должна была наступать по Нагорной улицѣ, а

4) гардемарины — с улицы Петра Великаго.

Полковник Плѣшков надѣялся получить два орудія от только-что прибывшаго во Владивосток Амурскаго артиллерійскаго дивизіона, но оказалось, что Атаман Калмыков, не довѣряя этой части, отобрал от орудій замки.

В это время на путях Владивостокской жел. дор. станціи находилось только-что прибывшее с Запада Сибири 2-ое Артиллерійское Техническое Училище. В эшелонѣ этой части нашлось всего на всего одно исправная пушка, но ни снарядов, ни лошадей не имѣлось.

Полковник Плѣшков рѣшил использовать это орудіе. Но для этого надо было получить лошадей от Амурскаго артил. дивизіона и передать их в Училище. Кромѣ того Училище должно было получить снаряды из одного из Владивостокских военных складов. На все это требовалось, конечно, время.

Моя рота была назначена в прикрытіе к таким способом сформированной одно-орудійной батареѣ.

* * *

В 4 ч. 45 минут я поднял свою роту и поспѣшил с нею на вокзал к артиллеристам. По пути мою роту задержали японцы, категорически отказавшіеся пропустить меня дальше. Я пошел объясняться с японским комендантом станціи „Владивосток".

Здѣсь, окружившіе меня японскіе офицеры не понимали меня. Не зная ни слова по японски, я старался им объяснить, что я командир роты, вѣрной Правительству Адмирала Колчака, но моих объясненій никто не понимал... Наконец, один японец, ткнув меня в грудь рукой, спросил: „Семенов? Калмыков?" Я отвѣтил: „Да, да, Семенов, Калмыков". Японцы были очень рады, что, наконец, мы договорились, похлопали меня по плечу и пропустили меня с ротой.

Было еще темно.

Артиллеристы-юнкера, при ограниченном количествѣ фонарей, занимались пригонкой постромок. С трудом розыскал я Начальника Артиллерійскаго Техническаго Училища. Это оказался старичек-Полковник (фамилію его я забыл теперь).

Нам до разсвѣта нужно было пройти на Суйфунскую гору мимо бунтовщиков и потому я стал торопить Начальника Училища; но артиллеристы дѣлали все так медленно, что я принужден был пригрозить Полковнику, что брошу их на произвол судьбы и с ротой присоединюсь к нашему батальону: „Обойдемся и без Вашей пушки!" — заявил я.

Такое мое заявленіе, кажется, подѣйствовало на артиллеристов и они вскорѣ были готовы.

Так-как начинало уже свѣтать, то я предложил измѣнить маршрут и взобраться на Суйфунскую гору по Камаровской улицѣ. Старичек-Полковник на это

сказал: „Вы мѣстный офицер, мы-же только вчера пріѣхали сюда из Омска, не разбираемся ни в здѣшней политической обстановкѣ, ни в мѣстности. Ведите нас куда хотите!".

Только мы двинулись с вокзала, ко мнѣ подошел артиллерійскій Подполковник и спросил: „А гдѣ-же рота, которую нам обѣщали в прикрытіе?" Я отвѣтил ему, что я с ротой и являюсь их прикрытіем. — „Послушайте", продолжал Подполковник, „вѣдь это безуміе, у Вас и взвода не наберется, а Вы это называете ротой! Развѣ Вы можете нас предохранить от всяких случайностей?" Я возразил, что мои 2. человѣк равняются двухстам повстанцам так-как мы сплоченная часть, что мы и показали во время Гайд..скаго возстанія, когда 160 человѣк нашей Школы атаковали вокзал, занятый не менѣе как 2,000 повстанцев..

Подполковник, видимо, был из сварливых: все ворчал и все критиковал. Возмущало его, что теперь всѣ возстанія ликвидируются только одними военно-учебными заведеніями, что так долго продолжаться не может, что надо идти на какія-то уступки. Я спросил его, не считает-ли он возможным войти в соглашеніе с большевиками, но затѣм добавил, что в настоящій момент не время и не мѣсто вести такие разговоры и что нам теперь надо постараться возможно успѣшнѣе выполнить возложенную на нас задачу.

* * *

Комаровская улица оказалась слишком крутой. Лошади выбились из сил. Их распрягли и юнкера-артиллеристы и мои общими силами потащили орудіе в гору...

Я прошел вперед. В нѣскольких шагах за мною шел старичек-Полковник. На вершинѣ по Камаровской улицѣ показался Полковник Рубец. Он сердито окрикнул меня: „Гдѣ Ваша пушка? Кто тут старшій из артиллеристов? Почему до сего времени артиллерія не на позиціи?“

Старичек-Полковник выдвинулся вперед. Полковник Рубец набросился на него: „Вѣдь Вам приказано было к 6 час. 30 мин. быть на позиціи, а теперь уже без десяти 7. А гдѣ-же Ваша пушка?“

Начальник Техническаго Артиллерійскаго Училища указал вдоль улицы, гдѣ юнкера с трудом тащили орудіе.

—„Через четверть часа пушка должна быть готова к выстрѣлу. Если это мое требованіе не будет исполнено, я прикажу Вас, Полковник, разстрѣлять, как старшаго артиллериста, за неисполненіе моего боевого приказанія. Поняли?“

—„Так точно, Господин Полковник“. Бѣдный старик совсѣм растерялся и, когда Полковник Рубец отошел от нас, старичек подошел ко мнѣ и спросил: „Неужели он мог-бы выполнить свою угрозу?“

Мнѣ хотѣлось загладить происшедшую непріятную сцену и я сказал, что Полковник Рубец всѣми нами уважаем, как безстрашный начальник, но вмѣстѣ с тѣм он требует от всѣх безприкословнаго повиновенія и для проведенія своих требованій он не остановится ни перед чѣм. — „Не даром-же я с 5 часов все тороплю Вас, Господин Полковник“, — закончил я.

Через четверть часа орудіе было готово к открытію огня.

—„Пушка-то русская, а снаряды французскіе!"
сказал мнѣ старик-Полковник: — „боюсь, как-бы пр
выстрѣлѣ не разорвало-бы орудія".

* * *

По заранѣе условленному сигналу раздалось тр
или четыре (теперь уж не помню точно) орудійны
выстрѣла.

С высоты Суйфунской горы я видѣл как п
Суйфунской площади пошла в наступленіе наша
рота. Бойцы этой роты не стрѣляли. Не было пр
изведено ни одного выстрѣла и со стороны Комме
ческаго училища.

За Коммерческим училищем возвышалась горк
пожарной каланчей. Мнѣ было хорошо видно,
небольшая группа людей, одѣтых в солдатскія шине
быстро взбиралась по склону этой горки. Тол
подумал я: „А вѣдь это революціонный коми
утекает из Коммерческаго училища, хорошо-бы по н
дать нѣсколько залпов", как моя мысль уже прово
лась в жизнь Капитаном Волковичем. Наша 2-ая ро
начала залпами стрѣлять по вышеозначенной груп
Разстояніе было слишком велико и, повидимо
революціонерам удалось утекнуть без потерь.

* * *

Прервав здѣсь повѣствованіе о боевых дѣйстві
я хочу привести нѣсколько бытовых картинок, пер
житаго тогда нами времени.

Шла кровавая борьба между бѣлыми и красным
Но большая часть населенія не понимала сущност
этой борьбы, так-как не уясняла чего-же окончатель
добиваются каждая из враждующих сторон. Больше
вики обѣщали неимущим и сельскому населенію пол

жительно „все“, но на дорогѣ этой стояли здравомыслящie и благородные элементы, к которым примазалось, конечно, немало вредных субъектов, прикрывающихся, для вида, своею преданностью законности. Всѣ эти элементы по терминологiи большевиков именовались „бѣлыми офицерами“ — сторонниками павшаго режима. Малоимущie и полутемныя массы легко шли на удочку большевиков, отдавая свои симпатiи красным. Имущie-же знали, что большевики нацiонализируют имущество, а потому они скорѣе симпатизировали „колчаковцам“. К сожалѣнiю Правительственные служащie Владивостока получали свое жалованье Сибирскими деньгами, цѣнность послѣдних, ввиду неудачь на фронтѣ, катастрофически падала. Поэтому положенie всѣх служащих с каждым днем становилось все болѣе и болѣе тяжелым. Часто со стороны этих служащих можно было услышать фразы, подобныя такой: „А, чтоб сдох Ваш Колчак!“.

В общем обыватель не присоединялся ни к красным, ни к бѣлым, а выжидал „чѣм-то все это кончится!“.

* * *

Как только орудie было втянуто на Комаровскую улицу, я приказал портупей-юнкеру Михаилу Балышеву встать на перекресткѣ Суйфунской и Комаровской улиц и никого из прохожих не пропускать вниз по Суйфунской, так-как через нѣсколько минут над этой улицей должны были пролетать снаряды и она могла оказаться под пулеметным огнем со стороны Розановских Егерей.

Балышев остановил двух старушек, заявив, что сейчас начнется стрѣлба. Старушек это как-то совсѣм

не удивило и одна только спросила: „Как, опять „переворачиваетесь"?" А другая добавила: „Ну, не переворачивайтесь!" и обѣ своротили на Комаровскую улицу.

Подобное безразлично-безпечное отношенiе к переворотам жителей Владивостока объясняется тѣм, что из-за присутствiя интервентов, Владивосток не знал особенно кровавых переворотов, а обыватель привык к тому, что время от времени нужно было „переворачиваться".

Грянул первый орудiйный выстрѣл. Ко мнѣ подошел какой-то американец, одѣтый в шубу. Из под нея торчали пиджамные штаны. Видно было, что он только-что соскочил с постели. На скверном русском языкѣ он заявил мнѣ, что он американскiй гражданин, живет в ближайшем от орудiя домѣ, и желает знать не угрожает-ли ему и его семьѣ опасность, если они будут находится в этом домѣ?

Мой отвѣт, что я не могу ручаться за безопасность его жизни в дни боевых дѣйствiй в самом городѣ, американца как будто-бы удивил и он еще раз подтвердил, что он американскiй гражданин и хотѣл-бы знать к кому он должен обратиться, что-бы дом, им занятый, не подвергался обстрѣлу.

На Суйфунской улицѣ стоял дом моего тестя. Его семья и мои дѣти были в это время в загородном домѣ. Я был знаком почти со всѣми жильцами дома. Всѣ они послѣ первых-же выстрѣлов орудiя выбѣжали на улицу. Среди них был банковскiй служащiй г-н Королев, который обратился ко мнѣ с вопросом: „А гдѣ-же мой сын?" Его сын был юнкером 4-й роты. Я указал г-ну Королеву на наступавшую по Суйфунской

XI. — В ПОИСКАХ ВЫХОДА.

[illegible]

Дня два или три после свидания Полк. [illegible] с Полк. Рубцом и [illegible] Кузнецовым, описанного *) в конце главы IX, на квартиру к Полк. Рубцу явились вечером, часов в 8, Полковники [illegible] и [illegible]. Последний в это время командовал 2-м батальоном, так как Командир батальона, — [illegible], выехал в отпуску в гор. Харбин. [illegible] Полк. Рубцу, как [illegible] [illegible]

---

*) [illegible]

площади 4-ую роты и сказал, что его сын находится в рядах этой роты. Бѣдный старик стал креститься и молиться о сохраненіи жизни своего сына, идущему в бой на глазах отца. — ,,А Вася Меркулов тоже там?'' — спросил меня снова Королев. — ,,Оба они, и Вася и Ваш сын, там. Бог даст вернутся невредимыми''.

* * *

Между тѣм 4-ая рота Школы, наступая на Коммерческое училище, скрылась за складкой мѣстности и с горы, гдѣ я находился, не видно было, как она добралась до подъѣзда училища. Слышно было лишь ,,ура'', когда наши бойцы бросились в атаку.

Мнѣ разсказывали потом, что первыми в подъѣзд вскочили Полковния Рубец и Капитан Питалев. По другой версіи картина получается иная. В то время, когда 4-ая рота закричала ,,ура'', к подъѣзду училища подкатил автомобиль и из него выскочил с бомой в руках Полковник Патейшвилли и он первым ворвался в подъѣзд.

В подъѣздѣ училища стояли два пулемета и при них нѣсколько егерей. Всѣ егеря, без единаго выстрѣла, подымая руки кверху, стали сдаваться 4-ой ротѣ; туда-же, к подъѣзду, подоспѣла наша 2-ая рота.

Когда до меня дошли свѣдѣнія о мирной сдачѣ егерей, я не знал, что дѣлать: двинуться-ли с ротой к Коммерческому училищу или оставаться на мѣстѣ, охраняя пушку? Эта охрана меня связывала и я рѣшил пока-что забѣжать к священнику, который звал меня отпить чайку со свѣжей булочкой.

Не успѣл я выпить и одного стакана, как появился юнкер и доложил, что Полковник Рубец требует меня с полуротой в зданіе Коммерческаго училища, а

другую полуроту приказывает оставить на прикрытіе „артиллеріи“.

Дѣлать нечего: подѣлил я своих 26 бойцов: 12 оставил при орудіи, а 14 взял с собой.

По прибытіи в Коммерческое училище узнал, что революціонный комитет исчез безслѣдно, егеря все же в дѣлѣ потеряли 4 человѣка убитыми, у нас же потерь не было вовсе. Сдавшіеся егеря, в большинствѣ своем татары, строились на улицѣ. Их было рѣшено отвести на Русскій Остров и сдать в „Русскій легіон во Франціи“ на его укомплектованіе.

Так закончилось усмиреніе Розановских егерей.

* * *

Отобѣдав в ресторанѣ Кокина, гдѣ был приготовлен обѣд для моей роты, мы отправились, согласно полученнаго приказа, к себѣ домой на Русскій Остров.

Моя рота конвоировала повозки с оружіем и патронами. Мы шли домой в полном порядкѣ. Перед спуском на лед, близ Эгершельда, нас обогнала кавалькада — нѣсколько наших офицеров на верховых и обозных лошадях Егерскаго батальона. Они скакали, спускаясь на лед бухты. Шум и гам этой группы произвел на меня непріятное впечатлѣніе. Мелькнула мысль: „наша Школа стала терять дисциплину“.

XI. В ПОИСКАХ ВЫХОДА.

1. Посѣщеніе Полк. Рубца Командирами батальнов Школы. 2. Старшіе Штаб-офицеры Школы у Начальника ея. 3. Полк. Рубец во главѣ Школы.

Дня два или три послѣ разговора Полк. Плѣшкова с Полк. Рубцом и Поруч. Кузнецовым, описаннаго *) в концѣ главы IX, на квартиру к Полк. Рубцу явились вечером, часов в 6, Полковники Боровиков и Охлопков. Послѣдній в это время командовал 2-м батальоном, так-как Командир батальона, — Полковник Добровольскій, находился в отпуску в гор. Харбинѣ. Отношенія у Полк. Рубца с обоими Штаб-офицерами были чисто офиціальными и с их стороны по отношенію к Полк. Рубцу, как полагал послѣдній, наблюдалась нѣкоторая предвзятость. На этот раз оба прибывшіе Штаб-офицеры просто обратились к Полк. Рубцу, указали ему на тревожное положеніе в Школѣ, нервность состянія в котором находятся люди, на все больше и больше распространяющееся смятеніе умов, на возможность, наконец, переворота в городѣ. Они,

---

*) Полк. Хартлинг полагает, что это было вѣроятно в день подавленія бунта Розановских Егерей т. е. 26-го января 1920 г.

говорили, что Ген. Розанов со своим Штабом, по слухам, чуть-ли уже не погрузился на какой-то японскій параход, порицали Начальника Школы и высказывали мысль, что и он так-же готов к бѣгству. Оказывается семья Полк. Плѣшкова уже перебралась в город и туда-же спѣшно на автомобилѣ перевозят весь его домашній скарб. Штаб-офицеры просили Полк. Рубца выяснить у Полк. Плѣшкова правдивость всѣх этих свѣдѣній, а затѣм предлагали предпринять мѣры к устройству тайнаго склада оружія на островѣ, созданію офицерской самообороны и т. п. мѣр. Разговор этот не был еще закончен, когда зазвонил телефон. Оказалось, что Полк. Плѣшков просит Полк. Рубца зайти к нему на квартиру. Отвѣчал по телефону, Полк. Рубец сообщил начальнику Школы, что у него сейчас сидят с докладами Полковники Боровиков и Охлопков и что Боровиков так-же просит разрѣшенія притти к Начальнику Школы. — „А вот и лично", — заявил Полк. Плѣшков, — "приходите вмѣстѣ", — но по голосу Плѣшкова было замѣтно, что это ему не было пріятно.

* * *

Когда Штаб-офицеры прибыли на квартиру к Начальнику Школы, то застали его дѣлающим указанія прислугѣ, укладывавшей вещи. Не дав прибывшим раскрыть рта, Начальник Школы провел их в кабинет и, усадив их, первым начал держать рѣчь.

С первых-же слов Полк. Рубец был поражен перемѣной настроенія своего прямого начальника. По его словам все сводилось теперь к слѣдующему: „Положеніе безнадежное. Расчитывать на что-либо благопріят-

мое не приходится*), поэтому он, Полк. Плѣшков, рѣшил ѣхать в Харбин, дабы доложить о положеніи Ген. Хрвату и просить его помочь каким-либо образом вывезти Школу с Русскаго Острова в Харбин. Относительно юнкеров", — говорил Начальник Школы, — "нам нечего безпокоиться. Со стороны большевиков им ничего не угрожает. Они разойдутся по домам. Главная моя цѣль — это спасти офицеров, так-как ни меня, ни офицеров большевики не помилуют. Конечно, можно прихватить с собою и желающих юнкеров, но это вырѣшится не здѣсь, а в Харбинѣ, куда я ѣду. За себя оставляю Полк. Рубца, который и вступит в командованіе Школой с завтрашняго числа. Об этом адъютант Холин уже поставлен мною в извѣстность."

Все сказанное Начальником Школы поразило Штаб-офицеров до крайности. Оно огорошило даже Полк. Боровикова, который, видимо, был подготовлен к подобному рѣшенію Начальника Школы. Плѣшков-же до извѣстной степени был, видимо, все-же смущен.

Кто начал первым отвѣчать Начальнику Школы сейчас сказать, трудно, да это и не важно. Во всяком случаѣ смысл отвѣта Штаб-офицеров был таков: "Отъѣзд Начальника Школы в такой момент повлечет за собой усиленіе тревоги в средѣ чинов Школы, находившихся в полном невѣдѣніи о происходящем проявлявших так же сильную нервность. Оставленіе-же юнкеров на произвол судьбы — мѣра, или выход из положенія, крайне жестокая. Для выполненія плана Начальника Школы достаточно, чтоб в Харбин, с обшир-

*) Небезынтересно отмѣтить, что Полк. Рубец считает, что опасности тогда, собственно говоря, никакой еще не было, а только высшіе чины создавали себѣ кажущуюся паническую обстановку.

нымъ докладомъ к Ген. Хорвату, отправился кто-либо из офицеров, вродѣ энергичнаго Кузнецова. Не должно забывать, что в Харбинѣ в это время находится Полк. Добровольскій, отлично извѣстный Ген. Хорвату еще, как по мирному времени*), так и за время Великой войны.

Свое сужденіе полк. Боровиков высказал довольно рѣзко, сказав, что отъѣзд Полк. Плѣшкова „в настоящее время прямо недопустим". Плѣшков рѣзко отвѣтил, что „в роль батальонаго командира не входит подача совѣтов прямому начальнику". Затѣм, помолчав, он с горечью добавил: "Всю жизнь я старался дѣлать добро людям, а за это мнѣ платят лишь неблагодарностью. Так и теперь: я хочу сдѣлать все возможное, чтоб спасти Школу, а меня чуть-ли не заподозрѣвают в бѣгствѣ! Но все равно, все это меня не огорчает и я приму мѣры, какія найду нужными". С этими словами он встал и, попрощавшись с Рубцом и Боровиковым, занялся разговором с прислугой относительно еще не переотправленных вещей, в чем большое участіе принимал Поручик Масленников.

С подавленным чувством вышли Рубец и Боровиков от своего Начальника. Разговаривая друг с другом, они пришли к заключенію, что это — настоящее бѣгство.

Итак положеніе создавалось крайне неблагопріятное: преступное положеніе Розанова, теперь еще почти бѣгство Начальника Школы...

---

*) Добровольскій — кадровый офицер Заамурской пограничной стражи находился в подчиненіи у Ген.-лейт. Хорвата, тогда Начальника Кит. Вост. жел. дороги.

Все-же Полк. Рубец считал, что можно еще создать такой оплот, что-бы большевики не посмѣли даже попытаться произвести переворот. Своими мыслями он подѣлился с Полк. Боровиковым и сказал тому, что завтра он, Полк. Рубец, соберет Штаб-офицеров и, ввиду отсутствія высшаго надежнаго начальства, обсудит со Штаб-офицерами положеніе и тѣ дальнѣйшія мѣры, которыя слѣдует предпринять.

* * *

На слѣдующій день, т. е. утром 27-го января по Школѣ распространился слух, что Полк. Плѣшков, получив отпуск на шесть дней, рѣшил сейчас-же уѣхать в Харбин......

Полковник Рубец об этом разсказывает так: „Едва я поднялся с кровати, как ко мнѣ явился Капитан Горно-Богоявленскій (Командир 1-й роты) и взволнованно сообщил, что Плѣшков уѣхал и увез и свою семью и всѣ свои вещи. Адъютант Школы — Холин, Подполк. Алексѣев и другіе офицеры свои семьи и вещи перевезли в город еще раньше. Теперь-же и он, Горно-Богоявленскій, отправляет свою семью в город и совѣтует Полк. Рубцу послѣдовать его примѣру, переотправив его семью к знакомым Горно-Богоявленскаго".

На вопрос Полк. Рубца о причинах столь спѣшной отправки, Горный отвѣтил, что в Школѣ создалось крайне тревожное настроеніе и в любую минуту можно ожидать каких-либо „случайностей".

Полк. Рубец на это возразил: "Мы сами создаем тревожное настроеніе и вносим панику. Поэтому моя семья никуда не поѣдет. Против паники я приму мѣры".

* * *

Прибыв в канцелярію Школы, Полк. Рубец узнал здѣсь, что весь вчерашній день и цѣлую ночь автомобиль Школы курсировал по льду между островом и городом, перевозя вещи Начальника Школы. Само собою разумѣется, что вѣсть об этом уже успѣла облетѣть всѣ роты Школы и естественно усилила броженіе и недовѣріе чинов Школы к начальству......

Полковник Рубец вступил во исполненіе обязанностей Начальника Школы. В командованіе 1-м баталіоном он приказал вступить мнѣ.

В 11 часов утра, по приказанію Полк. Рубца, всѣ Штаб-офицеры Школы собрались в кабинетѣ Начальника Школы.

Собравшимся Полк. Рубец заявил, что все, о чем здѣсь будет говориться, является величайшим секретом. Далѣе он изложил создавшуюся политическую обстановку. Его доклад сводился к слѣдующему:

,,Всюду вспыхивают возстанія. Из всѣх войск, расквартированных в крѣпости Владивосток надежными можно считать только нашу школу и гардемарин. Остальныя части, исполняют приказанія "по-стольку — по-скольку". В такой тяжелый момент нас покидает на шесть дней Полковник Плѣшков, чтобы отправить свою семью в Харбин; это я считаю несвоевременным".

,,Капитан Горно-Богоявленскій, обладающій хорошим политическим чутьем, получил мѣсячный отпуск. Мнѣ кажется, что Ген. Розанов быстро перекрасится. Это уже явствует из его приказа об освобожденіи красноармейцев из концентраціонных лагерей. Ходят слухи, что Полк. Враштель ведет переговоры с красными".

„Мы остаемся с гардемаринами одни. Поэтому мы должны немедленно разрѣшить — считаем-ли мы Ген. Розанова способным и достойным оставаться у власти или-же его нужно немедленно устранить!"

„Если мы остановимся на послѣднем рѣшеніи, то мы должны одновременно с отказом признавать здѣсь власть Розанова, довести об этом до свѣдѣнія Атамана Семенова, которому Верховный Правитель передал всю полноту власти на Дальнем Востокѣ.

„Повторяю, что все, что здѣсь сейчас говорится должно оставаться в полной тайнѣ так-как, если переворот будет произведен высшими чинами, то мы избѣжим излишняго кровопролитія".

Штаб-офицеры совѣщались недолго: было вынесено единогласное рѣшеніе об устраненіи Ген. Розанова от власти, и передачи ея Коменданту Крѣпости— Генералу Вериго („семеновец"). При этом Коменданта Крѣпости хотѣли просить, чтоб он о происшедшем довел до свѣдѣнія Атамана Семенова. Таков был единственный выход, какой еще имѣлся у Бѣлаго Приморья, доведеннаго Ген. Розановым и иже с ним до края пропасти.

В цѣлях проведенія принятаго рѣшенія в жизнь, было рѣшено на слѣдующій день командировать в город трех старших Полковников — Полк. Рубца, Полк. Боровикова и Подполк. Охлопкова. Эти три лица должны были предупредить о предстоящих событіях Ген. Вериго и высших чинов гражданскаго управленія Краем.

* * *

Днем 27-го января в Школу пріѣхал Военный Инженер Полковник Унтербергер, прибывшій в формѣ Полковника Французской арміи.

Так-как предполагалось, что по возвращеніи Полк. Плѣшкова из Харбина, Полк. Рубец займет должность Помощника Начальника Школы, а Полк. Унтербергер примет 1-й батальон, то Полк. Рубец приказал мнѣ теперь-же сдать 1-й батальон Полк. Унтербергеру.

Нѣсколько слов нелишне сказать о Полк. Унтербергерѣ: Петр Павлович среднее образованіе получил в Нижегородской классической гимназіи, которую он окончил первым с золотой медалью. Николаевское инженерное училище он окончил фельдфебелем с занесеніем на мраморную доску. Так же блестяще он окончил и Николаевскую Инженерную Академію. В Никол. инж. училищу он был одного со мною выпуска (1902 г.), поэтому мнѣ было пріятно встрѣтиться с товарищем по училищу, а так-же передать батальон такому талантливому человѣку. Передачу батальона мы порѣшили произвести утром 28-го января.

XII. ЗАГОВОРЩИКИ ДѢЙСТВУЮТ.

1. Представители Школы у Ген. Вериго. 2. Визит к Начальнику Морского Училища. 3. Встрѣча и разговор с Полк. Плѣшковым. 4. Днем 28-го янв. в Школѣ 5. Возвращеніе Начальника Школы и Штаб-Офицеров в „36-й полк". 6. Сообщеніе Поручика Масляникова на собраніи офицеров Школы. 7. Поручик Степанов и тревожныя вѣсти из 1-й роты. 8 Появленіе Полк. Плѣшкова и его спутников. 9. Арест офицеров. 10. Обыск, прибытіе новых арестованных, их разсказы. 11. Новое революціонное начальство в Школѣ.

28-го января, около 10 часов утра на школьном автомобилѣ с Русскаго Острова в город выѣхали три старших Штаб-офицера. С ними за адъютанта поѣхал Поручик Кузнецов.

Штаб-офицеры предполагали ѣхать сначала к Коменданту Крѣпости, семеновскому Генералу Вериго, дабы узнать об обстановкѣ, а затѣм предложить ему устранить от дѣл Генерала Розанова. Далѣе они намѣчали поѣздку к Капитану 1-го ранга Китицину (Начальнику Морского Училища). С ним они хотѣли условиться о совмѣстных дѣйствіях и, наконец, вернувшись в Школу, собрать офицеров и юнкеров (по два или четыре от роты) и сообщить им о положеніи дѣл.

Однако судьба поставила на пути Полковника Рубца и его спутников ряд препятствій. Началось с того, что пріѣхав к Генералу Вериго на его квартиру,

они его не застали дома. Правда адъютант Генерала, сообщив Штаб-офицерам, что Генерал Вериго находится в Штабѣ Крѣпости, просил их обждать, пока он сообщит Коменданту об их прибытіи. Через нѣкоторое время Генерал Вериго вернулся домой и, на вопросы Штаб-офицеров о тревожности положенія и о дѣятельности Генерала Розанова, сообщил, что ,,ничего особеннаго не случилось и ничего угрожающаго нѣт. Только вот в Никольскѣ неблагополучно: партизаны заняли город, а Полковник Враштель, пытавшійся с партизанами договориться, ими арестован *), его-же отряд частично разбѣжался, частично-же перешел к партизанам. Вокзал в Никольсокѣ охраняется японцами. Относительно Розанова, Вериго сообщил, что он теперь не у дѣл и свою власть уже передал ему — Коменданту Крѣпости. По всей вѣроятности, Атаманом Семеновым будет прислано лицо с большими полномочіями так-что устранять Розанова нѣт необходимости. Вот, еще, только, находящаяся на ,,Печенгѣ'' часть 35-го Сиб. стр. полка объявила себя ,,самостійной'', но'' — продолжал Генерал, — ,,они изолированы и вреда не принесут. Кромѣ того у нас есть надежныя части — это Ваша Школа, затѣм Гардемарины и Пластуны Патейшвилли. Сюда-же идет походным порядком Атаман Калмыков и ожидается прибытіе одного полка из Забайкалья от Атамана Семенова''.

*) В дѣйствительности Полк. Враштель с частью своего отряда, при вступленіи партизан в город, оставил Н.-Ус. и походным порядком направился по тракту к ст. Полтавкѣ,—к границѣ. Он почти достиг своей цѣли — до границы осталось всего 3—5 верст, когда его отряд был неожиданно окружен в глубоком ущельѣ, по которому протекает рѣка Патохэза. Возможность благополучнаго выхода из положенія, как результат боя, в виду условій мѣстности и сил противника, исключался. Не желая понапрасну проливать кровь своих подчиненных, Полк. Враштель сдался на милость побѣдителей.

Затѣм обратившись к Полковнику Рубцу, Генерал Вериго спросил: „Вы твердо увѣрены в вѣрность Ваших юнкеров?“ На это Полковник Рубец отвѣтил: „за первый батальон я ручаюсь“. — „Ну, вот и отлично! Мы можем быть спокойными. Об обстановкѣ я буду Вас ежедневно освѣдомлять через офицера для связи, котораго Вы назначайте ко мнѣ“. На этом Штаб-офицеры Инструкторской Школы разстались с Генералом Вериго. Своею бодростью, энергіей и рѣшительностью, на Полковника Рубца, Генерал произвел благопріятное впечатлѣніе.

* * *

Штаб-офицеры поѣхали дальше: — к Капитану 1-го ранга Китицыну. Но здѣсь, в Морском Училищѣ, они застали другую картину. По всему было видно, что шла спѣшная подготовка к погрузкѣ. При офицерах Школы к Начальнику Училища входили и уходили офицеры с докладами о предстоящей погрузкѣ. Полковник Рубец был прямо поражен: „Что сей сон значит? Что это за всеобщее стремленіе к бѣгству! Опасности никакой нѣт. Даже признаков на вооруженное выступленіе не имѣется, а перед нами раскрываются тайны подготовки к бѣгству!“ Из доклада Полковник Рубец слышал мельком, как говорилось о дамских вещах и вообще о дамах. Пораженные всѣм видѣнным, Штаб-офицеры Школы спросили, что означает эта погрузка? На это Китицын отвѣтил, что все дѣлается на всякій случай, так-как положеніе тревожное. Весь необходимый груз и запас предварительно грузят на „Орла“. — „Но“, сказал Китицин: „занятія у нас ведутся обыкновенным порядком и обычная жизнь ничѣм не нарушается. Да вообще, относительно дальнѣйших планов я говорил с Мих. Мих. Плѣшковым.

Но, вот, я его не вижу среди Вас?" На это Штаб-офицеры отвѣтили, что Плѣшков себя скомпрометировал своим отъѣздом, вѣрнѣе бѣгством. Он бросил Школу и мы прiѣхали к Вам и к Коменданту Крѣпости, чтобы, выработать план совмѣстных дѣйствiй, так как Командующiй войсками, Генерал Розанов, собственно, фактически, как власть не существует". Далѣе Штаб-офицеры говорили, что Школа может перейти в Морскiя казармы, соединиться с гардемаринами и пластунами. Предлагали вызвать из Раздольнаго 1-ое Артиллерiйское Училище, пока оно еще может проѣхать и т. д. Китицын, услышав отзыв Штаб-офицеров Школы о Плѣшковѣ, сразу как-то подозрительно стал относиться к их словам. Очевидно он сочувствовал Плѣшкову и, видимо, между ними раньше были разговоры. Китицын, как-то нехотя, стал отдѣлываться неопредѣленными фразами. С тяжелым чувством вышли от него представители Школы и вновь поѣхали к Коменданту Крѣпости. Штаб-офицерам было ясно, что Китицын тоже, как говорится, „сматывался" и сматывался так, за компанiю с Розановым...

* * *

Раздумывая и обсуждая свой послѣднiй визит, Штаб-офицеры не замѣтили, как их машину остановил Капитан Горно-Богоявленскiй. Он сообщил им, что Начальник Школы еще не уѣхал, а находится здѣсь, в гостиницѣ „Версаль". Горно-Богоявленскiй сообщил, что Плѣшков знает о прiѣздѣ в город Штаб-офицеров и просит их прiѣхать к нему. Штаб-офицеры не могли игнорировать своего Начальника, хотя-бы тот и находился сейчас в отпуску и направились к нему в гостиницу „Версаль".

Как потом оказалось, Плѣшков не рѣшился ѣхать ввиду событій в Никольск-Уссурійском. Желѣзно-дорожное сообщеніе прервалось. Плѣшков тогда стал подумывать о том, как-бы, переодѣвшись сербским офицером, проскользнуть с семьей мимо Никольск-Уссурійскаго в Харбин.

Выйдя из „Версаля" Плѣшков поздоровался со Штаб-офицерами, сѣл в автомобиль и приказал шофферу ѣхать в гостиницу, гдѣ был школьный номер.

Прибыв в номер, Плѣшков с разстроенным лицом, обратился к Штаб-офицерам. Он говорил в том духѣ, что ему мол извѣстно, как приняли его отъѣзд офицеры, считая это бѣгством. Дальше он говорил, как все это ему непріятно, обидно и опять повторил, что он старался дѣлать всегда добро, а ему платили злом. Штаб-офицеры отвѣтили ему, что, дѣйствительно, его отъѣзд произвел очень неблагопріятное впечатлѣніе на всѣх. Подполковник Охлопков довольно рѣзко высказал свой взгляд. Плѣшков перебил его, сказав, чтобы покончить всякіе слухи о его, яко-бы, бѣгствѣ, он поѣдет со Штаб-офицерами на Русскій Остров и, собрав офицеров, ознакомит их с создавшимся положеніем и объяснит им причину и цѣль своего отъѣзда. Что-же касается объединенія с гардемаринами и т. п., то завтра можно будет выслать квартирьеров в город и размѣстить Егерскій (первый) батальон в Морских казармах, а второй и третій батальоны — в Коммерческом Училищѣ, оставив на Русском Островѣ бывшій мятежный батальон. Плѣшков сообщил Штаб-офицерам, что с Китицыным он, якобы, раньше говорил и что завтра он, Плѣшков, будет у него и окончательно рѣшит вопрос с переселеніем Школы.

* * *

В то время, как Полк. Рубец с батальонными командирами объѣзжал начальствующих лиц в городѣ у меня весь день 28-го января прошел в передачѣ батальона Полковнику Унтербергеру.

Около полудня 28-го января я надѣялся получить от Полковника Рубца приказаніе идти с ротой во Владивосток для ареста Генерала Розанова. Я был увѣрен, что эта миссія выпадет на меня, так-как из ротных командиров я единственный был посвящен в наш вчерашній заговор. Вмѣсто ожидаемаго приказанія, днем мы получили из города от Полковника Рубца телефонограмму информаціоннаго характера, в которой сообщалось, что Полк. Плѣшков в Харбин не выѣхал. Полковник Рубец приказывал к 5 часам вечера собраться всѣм офицерам Штаба Школы и 1-го батальона в офицерском собраніи. На это собраніе ротам командировать по два портупей-юнкера от каждой. Мнѣ, на всякій случай, приказано было имѣть связь с радіостанціей, что на Каналѣ и туда-же выслать двух портупей-юнкеров.

В четыре часа дня Унтербергер и я пошли ко мнѣ на квартиру дабы выпить чаю перед общим собраніем. В это-же время к моей квартирѣ подъѣхал Начальник радіо-станціи, Капитан Дм. А. Плюцинскій. Пріятна была встрѣча трех сослуживцев по Владивостокской крѣпостной саперной бригадѣ!

В 5 часов вечера Плюцинскій уѣхал к себѣ на станцію, а Унтербергер и я пошли в собраніе, причем я, на всякій случай, сунул в карман себѣ бомбу Мильса.

С чувством неудовлетворенія вышли „делегаты" Школы из номера и всѣ с Полковником Плѣшковым поѣхали вмѣстѣ обратно на Русскій Остров.

* * *

Уже смеркалось. Было холодно и Полковника Рубца безпокоила мысль об их слишком долгом отсутствіи. Поэтому Полк. Рубец обратился с просьбой к Полковнику Плѣшкову сейчас-же объѣхать батальоны, что-бы, появившись, тѣм самым, разсѣять сомнѣнія у юнкеров и ободрить офицеров. Плѣшков согласился, но когда автомобиль подъѣхал уже к Собранію, Плѣшков перемѣнил рѣшеніе, сказав, что он сначала переговорит с офицерами, а затѣм на лошадях с Полковником Рубцом и Командирами батальонов он объѣдет расположеніе Школы, так-как в автомобилѣ какая-то порча. „Все это было ложью!", восклицает Полковник Рубец, касаясь сего предмета через нѣсколько лѣт в одном из своих частных писем.

Полковник Рубец пытался уговорить своего Начальника ѣхать сразу, придавая этому объѣзду большое значеніе, но Плѣшков пренебрег совѣтом своего помощника и направился в Офицерское Собраніе.

* * *

Всѣ офицеры Штаба и 1-го батальона были в сборѣ и томительно тянулось время в ожиданіи возвращенія трех Штаб-офицеров из города.

Был уже седьмой час. В собраніе вошел взволнованный Поручик Масленников и сообщил, что на первый батальон идут второй и третій батальоны.

Офицеры заволновались. Одни требовали провѣрки сообщенных Масленниковым свѣдѣній; другіе настаивали взяться немедленно за оружіе. Среди общаго шума возник вопрос: кто-же старшій из присутствующих? Раздались голоса: „Полковник Лифанов!"...

Полковник Лифанов—завѣдующій учебной частью, совершенно растерялся и заявил, что он давно ушел из строя (до службы в Учебной Инструкторской Школѣ он был воспитателем 2-го Оренбургскаго кадетского корпуса) и указал на Полковника Карпова, как на старшаго из присутствующих здѣсь строевых начальников.

Начальник Хозяйственной части Школы — Полковник Карпов заявил, что по закону Начальник Хозяйственной части не вступает в командованіе частью и в свою очередь указал на Полковника Унтербергера или на Подполковника Аристова — начальника связи.

Оба вышеуказанные Штаб-офицеры обратились ко мнѣ, причем Полк. Унтербергер сказал мнѣ: ,,Я вѣдь человѣк совсѣм новый, только вчера пріѣхал. Бери, брат, бразды правленія''. Молодые офицеры тоже просили меня вступить в командованіе.

Чтобы пересилить шум и гам, стоявшіе в залѣ, мнѣ пришлось полным голосом крикнуть: ,,Господа офицеры, пожалуйте ко мнѣ!''. Я взобрался на кафедру и с нея сдѣлал слѣдующія распоряженія:

1. Капитану Волковичу (Командир 2-ой роты) немедленно выставить сторожевую заставу для наблюденія за дорогой в ,,36-й полк''*) и за бухтой ,,Новик''

2. Всѣм строевым офицерам сейчас-же разойтись по своим ротам. Роты имѣть готовыми к немедленному

---

*) Второй и третій батальоны Школы были расквартированы в мѣстности называвшейся ,,36-й полк''. Разстояніе от ,,36-го полка'' до нас было около двух верст. Эти пункты соединяла всего одна дорога, шедшая вдоль берега бухты Новик. С другой стороны дороги были скалы.

вступленію в бой и держать со мной связь по телефону и людьми.

3. Начальнику пулеметной команды, Капитану Щедринскому, прибыть с пулеметной командой к собранію.

4. Я и офицеры Штаба будут находится в собраніи.

* * *

Только я это закончил, как преподаватель исторіи, Поручик Степанов, с блѣдным, как полотно лицом, истерично выкрикнул: „Господин Полковник, Вы желаете кровопролитія! Надо как-нибудь предотвратить кровопролитіе! Может это недоразумѣніе? А, если правда, разрѣшите мнѣ взять автомобиль и поѣхать в „36-й полк"? Может нам удастся предотвратить безуміе второго и третьяго батальонов?"

Я отвѣтил Поручику Степанову, что всѣ мои распоряженія должны быть выполнены. Насиліе должно быть подавлено силою. Но, если он надѣется образумить 2-й и 3-й батальоны и остановить их поход против нас, то я разрѣшаю ему на автомобилѣ проѣхать в „36-й полк".

Сколько раз впослѣдствіе я проклинал свою излишнюю довѣрчивость к людям! Да развѣ я мог предполагать, что Поручик Степанов состял в это время чуть-ли не во главѣ заговора, цѣлью котораго было сверженіе власти Верховнаго Правителя или точнѣе власти Атамана Семенова?

Когда всѣ строевые офицеры разошлись по своим ротам, я подошел к телефону и вызвал Командира 9-й роты, Капитана Зайченко. Капитан Зайченко говорил со мною со своей квартиры и сообщил, что в

раіонѣ 2-го и 3-го батальонов никаких волненій не замѣчается — все тихо и спокойно.

Этим извѣстіем я нѣсколько успокоил, офицеров Штаба, оставшихся в собраніи.

Вскорѣ меня вызвал к телефону Штабс-Капитан Скороходов, временно командовавшій моей ротой, и спросил меня — не отдавал-ли я приказанія всѣм ротам перваго батальона собраться в помѣщеніи 1-й роты? Скороходов добавил, что 2-ая рота уже ушла, а 3-ая построена и готова идти. На это я отвѣтил: ,,Прикажите от моего имени 2-ую роту вернуть, 3-ую роту распустить, но всѣм быть готовыми по моему требованію идти к офицерскому собранію''.

* * *

Сейчас-же послѣ этого моего разговора по телефону, в собраніе вошли Полковники Плѣшков и Рубец. Полковник Карпов и я доложили им обо всем случившимся.

,,Это какое-то недоразумѣніе'', сказал Полк Плѣшков: ,,так-как, когда мы проѣзжали 36-й полк, там все было тихо и спокойно''. Далѣе он выразил неудовольствіе, что я разослал из собранія всѣх офицеров по ротам и приказал адъютанту Школы — Капитану Холину, вызвать вновь в собраніе всѣх офицеров перваго батальона.

Через нѣсколько минут всѣ офицеры были в сборѣ в Собраніи. Капитан Холин, только-что говорившій с кѣм-то по телефону сообщил мнѣ, что из 1-й роты ему передали, что там собрались всѣ четыре роты. Это извѣстіе меня возмутило, но Полковник Плѣшков,

услыхав наш разговор, сказал: ,,Ну вот и прекрасно! передайте, Капитан Холин, в 1-ую роту, что через 10 — 15 минут я буду там. По-крайней мѣрѣ сразу увижу всѣ роты батальона!"

Затѣм он обратился к окружившим его офицерам: ,,Господа, завтра в 8 часов утра вся Школа, в полном составѣ выступить в го..."

Полк. Плѣшков не успѣл договорить. Дверь из прихожей пріоткрылась и в ней показался фельдфебель 1-й роты, Витчик. Громким голосом он произнес: ,,Господа офицеры, Вы арестованы"... Дверь захлопнулась, щелкнул замок...

Нащупав рукой бомбу в карманѣ, я бросился к двери. Она была уже на замкѣ и слышно было, что в прихожую входят люди, стуча прикладами об пол. Нѣсколько офицеров бросились по коридору, идущему в кухню. Там дверь была так-же заперта на-замок. Когда я подбѣжал к этой двери, кто-то сказал мнѣ, что с той стороны стоит моей роты портупей-юнкер Трухин (фамилію точно не помню). Я не повѣрил, так-как знал, что Трухин опредѣленно правых убѣжденій. Я окликнул его. Он отозвался и сказал мнѣ, что-бы я предупредил всѣх офицеров, что всѣ двери и окна собранія взяты под обстрѣл пулеметов и, если мы сдѣлаем попытку выбраться из Собранія, то попадем под пулеметный обстрѣл юнкеров 1-й роты, которые и затѣяли все это.

* * *

Я пошел в малый зал. Передо мною мелькнул Полковник Рубец. Увидя меня, он воскликнул: ,,Карлуша, прощайте!" и, вытащив из кармана револьвер, хотѣл его взвести. Не успѣл он это сдѣлать, как на него

набросились Капитан Щедринскій, я и еще нѣсколько близстоявших офицеров. Мы отобрали у него револьвер. Щедринскій и я стали убѣждать Бориса Ивановича, что положеніе еще не столь критическое, чтобы начать стрѣляться. Полковник Рубец был крайне разстроен и убѣждал нас дать ему возможность покончить с собой, так-как он не желает принять смерть от мерзавцев-большевиков, не хочет принять от них страданій в пытках, не может и служить у них ,,Лучше самому застрѣлиться, чѣм терпѣть издѣвательства и мученія от хамов''..

Эта тяжелая сцена была прервана возгласом: ,,Господа, идут с обыском''. У меня мелькнула мысль: ,,куда-же я дѣну ручную гранату?'' В большом залѣ на буфетѣ лежала чья-то папаха. Незамѣтно от других я сунул бомбу в папаху. Во время обыска моя бомба была найдена. Обыск производился нѣсколькими юнкерами и солдатами второго и третьяго батальонов.

* * *

Портупей-юнкера бывшіе во время общаго собранія были отпущены по ротам. В числѣ их был так-же и портупей-юнкер Кардаков, который у меня в ротѣ числился ротным писарем. Я обратился к одному из производивших обыск с просьбой вызвать ко мнѣ портупей-юнкера Кардакова для передачи ему находящагося при мнѣ жалованія для чинов моей роты в размѣрѣ 333,000.оо сибирских рублей.

Между тѣм в Собраніе стали прибывать арестованные офицеры второго и третьяго батальонов. Большинство из них было арестовано на своих квартирах. От них мы узнали, что Капитан Капусткин (Командир 5-й

роты) долго не сдавался и, когда стали взламывать двери его квартиры, он произвел два выстрѣла: первый в свою жену, а второй себѣ в висок. Стрѣляя в жену, он промахнулся, сам-же он скончался в тот-же вечер.

В группѣ офицеров, окружавших Полковника Боровикова, послѣдній разсказывал, как он, услыхав о волненіях в его батальонѣ, рѣшил обойти роты. В одной из рот на него напало нѣсколько стрѣлков. При своем выском ростѣ Полковник Боровиков отличался и крѣпким тѣлосложеніем. Произошла свалка. Сопровождавшій его дежурный офицер (кажется Подпоручик Куминг) выстрѣлил из револьвера в группу барахтавшихся. Тогда толпа солдат бросилась на Подпоручика Куминга и послѣдній, отстрѣливаясь, бѣжал в горы, а затѣм (как то выяснилось впослѣдствіе) спустился на лед бухты „Новик" и, пройдя до радіо-станціи, нашел пріют у Капитана Плюцинскаго у котораго и скрывался от преслѣдованій „товарищей" нѣсколько дней. Дѣло в том, что радіо-станція находилась под охраной японцев и чины Школы послѣ переворота не рисковали появиться в раіонѣ ея.

* * *

Кардаков явился вскорѣ и я ему сказал, что на квартирѣ у меня между двух тюфяков находится толстая пачка из двухсот-рублевых билетов, а на столѣ лежит раздаточная вѣдомость. Через полчаса Кардаков принес мнѣ деньги полностью, хотя, по его словам, моя квартира, а так-же квартиры многих других офицеров подверглись ограблнію. В тот момент, когда Кардаков подходил к моей квартирѣ, из нея вышел наш школьный закройщик и в руках у него была моя сабля. Моих ружей уже не оказалось над

моей кроватью. В послѣдующіе дни Кардаков заходил ко мнѣ за деньгами и, при дачѣ отчета, он разсказывал, что творилось в ротах и городѣ.

* * *

В вечер-же ареста каждый из арестованных офицеров получил по тоненькому японскому тюфяку, подушку и одѣяло. Ложиться-же спать предстояло прямо на полу, в повалку.

Послѣ 12 часов когда многіе офицеры уже улеглись в повалку на полу, а кухонная дверь по-прежнему охранялась портупей-юнкерами моей роты, я рѣшил побесѣдовать с часовым, который так-же, как и прежній часовой был далеко не лѣвых убѣжденій. Из бесѣды с ним я узнал, что всей Школой заправляет небольшая, но сплоченная компанія. Остальным-же юнкерам и портупей-юнкерам, захваченным в расплох событіями, ничего не оставалось дѣлать, как безпрекословно подчиниться этой небольщой группѣ. Я узнал так-же, что в настоящее время в помѣщеніи 1-й роты происходит общее собраніе: выбирают начальствующих лиц. Штабс-Капитан Нельсон-Гирст уже выбран на должность Начальника Школы. Портупей юнкер Михаил Балышев выбран на должность Командира 1-го батальона. Фельдфебель моей роты, портупей-юнкер Андрей Слѣпухин, за строгость не пользовался любовью юнкеров и он оказался арестованным вмѣстѣ с нами. Это был единственный из портупей-юнкеров не оставшихся на свободѣ.

Так закончился послѣдній день существованія Учебной Инструкторской Школы на Русском Островѣ, ибо под командой Нальсон-Гирста была уже не Школа, а вооруженная революціонная толпа.

XIII. ПАДЕНІЕ ВЛАСТИ РОЗАНОВА.

1. Послѣднія надежды. 2. Развал Раздольнскаго гарнизона. 3. Развязка во Владивостокѣ. 4. Приказ Капитана 1-го ранга Китицына.

В предыдущей главѣ событія были изложены так, как они наблюдались и воспринимались нами, строевыми офицерами Учебной Инструкторской Школы. Сейчас считаю нужным дополнить картину, приведя нѣсколько выдержек из записок современников.

В день своего самовольнаго возвращенія в Россію, В. Г. Болдырев видѣлся с Генералом Розановым и довольно долго бесѣдовал с ним. „Розанов значительно обрюзг. Тон воеводы добраго, стараго времени. Дом— полная чаша. Любезен; остроумной шуткой с примѣсью солдатской грубости, маскирует назрѣвающую тревогу перед наростающими событіями".

Под 25-м января Болдырев заносит в свой дневник: „В городѣ тревожное настроеніе. Ночью слышалась орудійная пальба. Это Розанов громил возставших егерей, засѣвших в Коммерческом училищѣ*). Побѣда опять на его сторонѣ. Тѣм не менѣе, боевыя силы Розанова тают. Обнаружена сильная пропаганда среди

---

*) Здѣсь, между записями Подполк. Хартлинга и В. Г. Болдырева, неувязка в один день.

юнкеров Инструкторской Школы. Безусловно вѣрны только гардемарины. Мѣстное земство непрерывно получает постановленія войсковых частей и даже партизанских отрядов с заявленіем, что „только власть Правительства Областной Земской Управы является их властью". К земской группѣ, руководимой предсѣдателем Управы, Медвѣдевым, примыкают значительно болѣе лѣвые элементы. Генерал Оой, кажется, тревожится этими петиціями. В бесѣдѣ со мной у него мелькала мысль о разоруженіи русских войск. Розанов настроен воинственно — надѣется на активное содѣйствіе Японіи. Расчет недостаточно вѣрный, если принять во вниманіе противодѣйствіе американцев и чехов, симпатіи которых, или во всяком случаѣ симпатіи их представителей, всецѣло на сторонѣ Земства".

27-го января положеніе стало еще тревожнѣе. Розанов собирал в Морском Штабѣ всѣх офицеров, врачей и чиновников для информаціи о положеніи дѣл в связи с событіями в Никольск-Уссурійскѣ, который по бюллетеню занят большевиками. В сильном Раздолинском гарнизонѣ Ген. Розанову вѣрны: 1-ое Артиллерійское Училище, Мортирная батарея и большая часть Приморскаго Драгунскаго полка, но начальство растерялось. Оно ничего не предпринимает, чего-то ожидает, но чего?

27-го на засѣданіи Городской Думы была вынесена резолюція против интервенціи. На этом засѣданіи правое крыло отсутствовало.

28-го января крѣпость Владивосток была объявлена на осадном положеніи. Вся жизнь поставлена в зависимость от распоряженій Коменданта Крѣпости. Опять было собраніе офицеров, врачей и чиновников, теперь

уже в Коммерческом Училищѣ. Всего там собралось до трехсот человѣк, но исключительно тылового элемента далекаго от всякой воинственности.

* * *

28-го января положеніе в Раздольном остается без перемѣн. Занятія в частях не ведутся. Юнкера и солдаты шатаются и слоняются гдѣ то им вздумается. Полоса между Раздольным и Никольск-Уссурійском считается „прифронтовой". Туда ходил бронепоѣзд и кого-то обстрѣливал. Среди юнкеров 1-го Артиллерійскаго Училища ходит слух, что „вот, подойдут из Владивостока части и тогда всѣ мы пойдем в наступленіе на красных, находящихся в Никольск-Уссурійскѣ".

29-го января появившіеся в Раздольном гардемарины произвели впечатлѣніе на чинов гарнизона. Ожидается скорое наступленіе на Никольск: „будем вышибать товарищей!".

30-го января утром выяснилось, что гардемарины ночью „смотались" во Владивосток. Настроеніе в гарнизонѣ падает. Начальство ничѣм себя не проявляет. В гарнизонѣ распространился слух, что Командир Приморскаго Драгунскаго полка, перед фронтом своей части якобы объявил, что „с партизанами произойдет замиреніе. Всѣ русскіе соединятся и вмѣстѣ пойдут бить нашего общаго врага — японцев".

Около 22 часов 30-го января в 1-м Артиллерійском Училище выяснилось, что часа два тому назад 22 юнкера этого Училища ушли в сопки. В их числѣ было два старших портупей-юнкера и нѣсколько младших. Ни одна из батарей Училища не была „обижена", так-как от каждой ушло по равному числу портупей-

юнкеров и юнкерев. Вѣсть эта произвела гнетущее впечатлѣніе на оставшихся.

31-го января. Связи с Владивостоком нѣт. Разложеніе частей идет быстро. Приморскій полк теперь уж ничѣм не отличается от стрѣлковаго. Мортирная батарея, состоящая почти сплошь из добровольцев, уходит походным порядком куда-то в сторону китайской границы. 1-ое Артиллерійское Училище продолжает оставиться на мѣстѣ чего-то выжидая.

К вечеру положеніе в Раздольном стало окончательно безнадежным. Стрѣлковый полк и драгуны (часть) готовятся к встрѣчѣ „товарищей", кои должны прибыть из Никольска сегодня вечером.

С наступленіем сумерек 1-ое Артиллерійское Училище, взяв с собою два французских 3-х дюймовых орудія, выступило из Раздольнаго походным порядком на село Нѣжино. Когда переходили Суйфун началась пурга. Порывы вѣтра доносят со станціи звуки музыки, там играют марсельезу — значит „товарищи" прибыли.........

* * *

29-го января Ген. Розанов отмѣнил приказ об амнистіи*), сохранив его силу только для тѣх, кто сдаст оружіе к 1-му февраля. Другим приказом он объявил, что признает только власть Атамана Семенова и будет ее поддерживать всѣми своими силами.

Обезпечив себя от „всяких случайностей" заложниками, из Никольск-Уссурійскаго прибыла делегація большевиков для переговоров с Бѣлыми Властями.

---

*) За нѣсколько дней до этого Ген. Розанов своим приказом амнистировал всѣх красных, которые положат оружіе и прекратят борьбу.

Наблюдается огромное число желающих немедленно выбраться заграницу. За билет в Цуругу (Японія) дают полторы тысячи отступного.

30-го января Генарал Оой заявил, что в городѣ он не допустит никаких вооруженных столкновеній и гарантирует порядок. Поэтому в городѣ стало нѣсколько спокойнѣе. На Русском Островѣ в Учебной Инструкторской Школѣ „без перемѣн". Невозможность для Розанова удержать за собой хотя-бы один Владивосток стала очевидной послѣдним чинам, остающимся вѣрными ему. Начальник Морского Училища, Капитан 1-го ранга Китицин, ввиду безисходности положенія, отдал приказ такого содержанія:

„Во Владивостокѣ назрѣл очередной переворот. Нѣкоторым военным частям приходилось принимать участіе в борьбѣ с группами, к которым сейчас переходит власть.

„Честно и вѣрно исполняя свой долг и сохраняя воинскую дисциплину, они вызвали против себя озлобленіе этих групп. Примѣры, бывшіе до сих пор, показали, что таким частям в первое острое время грозит разрушеніе, истребленіе, политическая месть. Поэтому для их спокойствія сформирован отряд особаго назначенія, который готов в послѣднюю минуту принять боевыя части и выйти в море, чтобы за предѣлами крѣпости предоставить всѣм принятым в отряд полную свободу дальнѣйших дѣйствій. Считаю долгом высказать свой взгляд и думаю, что его раздѣлит большинство на отрядѣ.

„Я не мыслю существованія своего ни в составѣ части, ни как отдѣльной личности внѣ Россіи, под властью каких - бы партій она не находилась. Если будет Божья воля и историческая судьба на то, чтобы это были тѣ партіи, против которых мы до сих пор честно боролись, борьба кончена и безполезна, наш долг повелѣвает нам все-таки и с ними продолжать нашу работу по возсозданію русскаго флота.

„Поэтому я разсматриваю наш уход, как временное удаленіе для обезпеченія права на существованіе нашим частям или хотя-бы личностям, входящим в их состав".

Таково было настроеніе Начальника послѣдней вѣрной Генералу Розанову части!

30-го января батальоны Учебной Инструкторской Школы под командой Нельсон-Гирста пошли во Владивосток.

В ночь с 30-го на 31-ое января вспомогательный крейсер „Орел" и посыльное судно „Якут", имѣя на себѣ Морское Училище и ряд отдѣльных военнослужащих и их семейства, покинули Владивосток и вышли в море. Генерал Розанов бѣжал на своей яхтѣ. Во Владивостокѣ образовался „оперативно-революціонный штаб".

XIV. ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ ОБЛАСТНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

1. Новая власть во Владивостокѣ. 2. Под арестом в У. И. Ш. на Р. О. 3. Первое Артиллерiйское Училище. 4. Углубленiе революцiи. 5. Доклад общаго собранiя чинов 3-й роты У.И.Ш. 6. Отправка «козлищъ» в тюрьму и выпуск «овецъ» на свободу.

31-го января все было уже кончено. Переворот совершен безкровно; об этом позаботились интервенты—международная полицiя. Отряды ея сопровождали вступавшiя в город отряды войск и партизан и все время поддерживали порядок. Замѣтю, что всѣм дирижируют американцы, а японцы как-то тушуются.

Новая власть—„демократическое правительство"—офицiально именуется : „Временное Правительство — Приморская Областная Земская Управа". Во главѣ этого Правительства стал Предсѣдатель Управы — А. С. Медвѣдев, члены Правительства — Афанасьев, Меньщиков, Попов и Русанов.

Новая власть опредѣленно пользуется симпатiями американцев и чехов и установила дружескiя сношенiя с дипломатическими представителями Японiи. Японское-же военное командованiе относится замѣтно

сдержаннѣе. Многіе-же японскіе офицеры искренне негодуют по поводу установленія власти красных.

На слѣдующій день, т. е. 1-го февраля город был полн красных флагов, повсюду видны красные банты. Предсѣдатель Правительства между прочим заявил, что „когда одна власть замѣняет другую революціонным порядком, то краснаго флага бояться нечего". Но тѣм не менѣе в средѣ эс-еров и болѣе правых элементов уже чувствуется смутная тревога, ибо скрывавшійся до сего времени большевизм теперь открыто вышел на улицу.

В Народном Домѣ огромный митинг. Мысль эс-эра Гуревича об Учредительном Собраніи была встрѣчена без сочувствія. Комунист-же Никифоров встрѣчен был тепло и его рѣчь имѣла большой успѣх. Кстати не лишне отмѣтить, что финансово - экономическое бюро уже перешло в руки Никифорова, а люди, в руках которых находятся деньги, всегда сильнѣе людей безденежных.

Комендантом Крѣпости назначен быв. Подполковник, тепер уже „товарищ" Краковецкій — извѣстный эс-эр. Небезинтересно отмѣтить, что параллельно с комендатурой уже образовалась и иная — большевитскаго толка — организація: „военно-революціонный штаб", созданный молодыми дѣятелями.

В артиллерійском дивизіонѣ (Амурском?) один из фельдфебелей весьма недвусмысленно добивается мѣста командира, а в другой батареѣ уже образовался комитет.

* * *

На Русском Островѣ, в Учебной Инструкторской Школѣ, дѣла, между тѣм, шли таким порядком:

29-го января в помѣщеніи Офицерскаго Собранія Школы, гдѣ сидѣли арестованные, втиснули еще нѣскольких офицеров, проживавших в разных мѣстах Русскаго Острова, как напр.: Коменданта Русскаго Острова—Полковника Сосье, артиллерійскаго Подполковника Милютина и друг. Таким образом в трех комнатах набралось всего 73 чел. арестованных. Полковник-же Плѣшков помѣщался отдѣльно, в маленькой каморкѣ.

Юнкера Школы избрали себѣ начальников. Кое-кто из молодых офицеров, находящихся под арестом, оказался в чилѣ удостоившихся избранія. Так напр. Командиром 3-й роты был выбран Штабс-Капитан Скороходов. Когда юнкера пришли за ним, Скороходов ужасно возмутился и категорически отказался выйти из-под ареста. Полковник Плѣшков отозвал его в коридор и сказал: „чѣм больше Вас, молодежи, будет среди команднаго состава, тѣм больше вѣроятности, что многіе из нас, арестованных, уцѣлѣют. Штабс-Капитан Скороходов, я приказываю Вам не отказываться от предложеннаго назначенія, ради благополучія арестованных здѣсь офицеров". С тяжелым чувством Скороходов простился с нами и ушел от нас. Он не долго командовал ротой: Балышев оказался никуда негодным командиром батальона и Скороходову пришлось его замѣнить. При первой-же к тому возможности Скороходов совсѣм покинул военную службу.

* * *

В один из послѣдующих дней, на общем собраніи, портупей-юнкер моей роты Гущин заступился за Полковника Рубца. За это его засадили в карцер, гдѣ

он и просидѣл четыре дня. При этом ему забывали приносить пищу, а так-же не отопляли и карцер.

Первые два дня арестованным было очень тѣсно, но по мѣрѣ того, как молодежь, выбираемая на разныя строевыя должности, уходила, стало немного просторнѣе, конечно, относительно. Например, на ночлег арестованные располагались так: Щедринскій и я ложились на полу под обѣденным столом, а над нами, на столѣ, располагался Штабс-Капитан Агапитов. Вообще на всѣх обѣденных столах спали, под столами спали, сцена сплошь была занята спящими и в комнатах оставалось так мало свободнаго мѣста, что трудно было пробраться среди лежащей на полу публики.

Кормили арестованных хорошо — по прежнему кухней завѣдывал Подполковник Алексѣев. Перед обѣдом и ужином каждый становился у своего прибора и выжидал выхода из своей коморки Полковника Плѣшкова. Раздвалась команда: „Господа офицеры", Полковник Плѣшков дѣлал общій поклон и мы разсаживались по мѣстам.

В распоряженіи арестованных оказалась и библіотека. Обреченные на бездѣлье, мы приналегли на чтеніе книг.

Первые дни караул, охранявшій арестованных, состоял из солдат татар — бывших розановских егерей, прибывших на Русскій Остров для укомплектованія Русскаго легіона во Франціи. Когда-же легіонеров смѣнили „сопочники", то настроеніе арестованных сразу пало. Но хорошо было и то, что при караулѣ постоянно находился дежурный портупей-юнкер, который не допускал „сопочников" обижать арестованных офицеров.

Родным и знакомым арестованных было разрѣшено навѣщать нас и были установлены часы посѣщенiй.

Полковник Охлопков, прекрасно рисовавшiй портреты, усиленно занялся рисованiем. Вскорѣ стѣны украсились портретами его работы. Особенно удачно вышел портрет Полковника Рубца.

По вечерам устраивали хоровое пѣнiе, а иногда и французскую борьбу. На этом поприщѣ особено отличался портупей-юнкер Слѣпухин, ложившiй почти всѣх, вступавших с ним в единоборство.

Неизвѣстность ближайшаго будущаго все-же на всѣх сказывалась. Особенно за будущее волновался Капитан Васильев. Он был талантливым преподавателем исторiи военнаго искусства. Его аудиторiя всегда была полна народу, так-как он был прекрасным оратором. На своих лекцiях он упорно проводил монархическiя идеи. Теперь он боялся, что ему припомнят его монархизм. Обыкновенно в сумерки он приходил, садился на мой тюфяк и жаловался, что у него нѣт никакого выхода: всѣ знают, что он убѣжденный монархист. Он мечтал бѣжать при первой возможности заграницу и потому был наразлучен с Нуроком — зубрил ангiйскiе слова. Васильев убѣждал и меня заняться изученiем этого языка.

* * *

Всю ночь с 31-го января на 1-ое февраля колонна 1-го Артиллерiйскаго Училища потратила на движенiе от Раздольнаго до Нѣжина. Шли по едва намѣченному проселку, утопая в глубоком и рыхлом снѣгу. На пути встрѣтилось два препятствiя: глубокiй ров с очень крутыми берегами и потом, уже перед самым Нѣжи-

нымъ, небольшой, но крутой и, что самое главное, совершенно обледенѣлый подъем на пригорок. Взять этот пригорок истомленные кони никак не могли: орудія скатывались назад. Только на разсвѣтѣ удалось, наконец, их втянуть на пригорок.

Передохнув в Нѣжинѣ нѣсколько часов, колонна продолжала свое движеніе по глади Суйфуна. На ночь остановились в Рѣчном, совсѣм маленьком корейском рыбацком поселкѣ, расположенном на берегу Амурскаго залива (против буквы „ь" слова „Кленовая Падь"). С наступленіем утра предполагали двигаться дальше — на Владивосток, дабы соединиться там с вѣрными Ген. Розанову войсковыми частями.

Ночью, в 1 или 2 часа, 2-го февраля, по части пронеслась смутная вѣсть о том, что во Владивостокѣ еще вчера произошел переворот, что там теперь новая власть —красные. Это извѣстіе доставили какіе-то корейцы, только-что прибывшіе в Рѣчное из города. Вѣсть эта вызвала разговоры и толки в средѣ, как офицеров, так и юнкеров. К утру на лицо было нѣкоторое замѣшательство и смятеніе умов. Слѣдует отмѣтить, что Начальник Училища, находившійся в Раздольном 26-го января и объявившій тогда, ночью выстроенным по тревогѣ юнкерам, о началѣ событій в Никольск Уссурійскѣ, в один из послѣдующих дней уѣхал во Владивосток за полученіем информаціи из Штаба Округа и от Генерала Розанова. И теперь, находясь в Рѣчном, Училище возглавлялось Помощником Начальника Училища по строевой части, Полковником Сполатбогом. Один из числа наиболѣе прямых, энергичных и непримиримых по отношенію к „розовым" и „красным", Поручик Глазко предлагал дви-

гаться на Посьет, уйти заграницу, но не сдаваться врагу. Это предложеніе, по тѣм или иным причинам, остальные офицеры отклонили. Были, затѣм, разговоры, что Поручик Глазко пойдет на Посьет только с небольшой группой „непримиримых" юнкеров, но...... в концѣ концов Поручик оставил свою мысль и......, когда солнце поднялось над горизонтом, колонна полностью двигалась по льду Амурскаго залива к Владивостоку.

Напротив Седанки, на льду залива, произошла встрѣча Начальника Училища с его частью. Полковник Герцо-Виноградскій встрѣтил Училище, выѣхав ему навстрѣчу в автомобилѣ под красным флагом...... Недолго, под порывами вѣтра, топтались юнкера в своих тяжелых англійских ботинках, разговоры пріѣхавших со старшими чинами колонны были коротки. Раздалась команда: „по коням" и колонна медленно поползла дальше к Владивостоку; в который и вступила около 16 часов того-же 2-го февраля. Позднѣе выяснилось, что „товарищи", не будучи вполнѣ увѣренными в покорности Училища и опасаясь атаки им города, при подходѣ его к городу выкатили батареи Амурскаго дивизіона на позиціи и приготовились к открытію огня. Однако, никаких осложненій не произошло. По Свѣтланкѣ, через весь город, прошло Училище. Толпы сочувствующих новой власти и ротозѣи, принимая юнкеров, одѣтых в полушубки и большія папахи, за „сопочников" привѣтствовали их радостными кликами......

* * *

Прошло нѣсколько дней. Вліяніе коммунистов на молодое эс-эровское Правительство росло с каждым днем, с каждым часом. И хотя Предсѣдателем Правительства состоял эс-эр Медвѣдев, и хотя эс-эр Краковецкій и был назначен „Главнокомандующим", и хотя Начальником Штаба у него и оказался старый опытный офицер Генеральнаго Штаба, Генерал Доманевскій, но ...... главныя нити управленія всѣм „движимым и недвижимым" крѣпко держались товарищами из коммунистов. Никифоров, Боголюбов, Линдберг, Брагин и прочіе и прочіе и прочіе, имя-же им легіон, не оставляли по себѣ яркаго впечатлѣнія. Такіе люди сильны только скопом, но воля партіи их дѣлает дѣйственными. Они много работают. Они не боятся переутомленія.. ...

7-го февраля вышли двѣ коммунистических газеты: „Красное Знамя" и "Коммунист". Тон обѣих газет был, на первое время, сдержанный.

Митинги, выборное начало, коммунистическія газеты — все это ступени одной и той-же лѣстницы, ведущей к торжеству „диктатуры пролетаріата". И в этой обстановкѣ, конечно, были недопустимы чины и погоны. Сначала, без офиціальнаго приказа, один за другим, в угоду „товарищам из сопок", стали снимать погоны, а затѣм, через нѣсколько дней послѣдовал приказ и об уничтоженіи чинов. На нас, арестованных и находящихся в помѣщеніи Офицерскаго Собранія Инструкторской Школы, эта вѣсть произвела угнетающее впечатлѣніе. Капитан Зайченко предложил всѣм арестованным спороть погоны и сжечь их, дабы не допустить снятіе погон товарищами. С его предложеніем всѣ согласились. Капитан Зайченко собрал всѣ

срѣзанные погоны в корзину, растопил печь и постепенно стал бросать погоны в огонь. Мы всѣ толпились тут-же, смотря, как огонь уничтожает наши погоны. Полковник Плѣшков, чтобы не появляться в безпогонном мундирѣ перед нами, с этого дня стал ходить в толстой канадской фуфайкѣ без кителя.

В эти тягостные дни нѣкоторое развлеченіе доставила нам пурга: послѣдней всѣ дороги были сильно занесены снѣгом. „Начальство" тогда распорядилось выгнать всѣх арестованных на расчистку снѣга. Послѣ нѣскольких дней бездѣлья и сидѣнія в тѣснотѣ чрезвычайно пріятно было разгребать снѣг и работа показалась настоящим праздником.

Зашел как-то к нам и „Начальник Школы" — Нельсон-Гирст. Он говорил о создавшемся во Владивостокѣ политическом положеніи и на запрос одного из офицеров — обязаны-ли выпущенные на свободу офицеры служить в Народно-Революціонной Арміи? — отвѣтил: „Большевики сумѣли использовать кадровых офицеров и, если Народно-Революціонной Арміи потребуются кадровые офицеры, то мы сумѣем тоже заставить их служить нашим интересам". Я не выдержал и возразил: „Не всякаго съумѣете заставить!". Наши взгляды встрѣтились. Нельсон-Гирст прищурился, собирался было что-то сказать, но воздержался.

* * *

10-го февраля ко мнѣ явился портупей-юнкер Кортаков. Думая обрадовать меня, он передал копію „Доклада", такого содержанія:

Русскій Островъ 9/11-20 г.
3-я рота У. И. Шк.

ДОКЛАД.

Общее собраніе Портупей-юнкеров и Егерей 3-ей роты У. И. Шк. обсудив вопросы, касающіеся личностей нижепоименованных офицеров, дѣлает слѣдующую о них характеристику:

Подполковник К. Н. Хартлинг, как человѣк в высшей степени гуманный и заслужившій любовь всѣх своих подчиненных. Во время гражданскаго столкновенія 18 ноября 1919 года был только исполнителем долга офицера. Личной иниціативы, которую проявляли многіе офицеры, как ярые противники широких слоев общества и как мстители за старое прошлое, подполк. Хартлинг не проявлял. Находясь на должности ротнаго командира к своим подчиненным был справедлив. В бесѣдах с ротой подп. Хартлинг говорил, что он долгое время служил офицером в Инженерной части (минерная рота).

На основаніи вышеизложеннаго 3-я рота просит подп. Хартлинга из под ареста освободить и предложить ему, как спеціалисту поступить в какую либо из воинских частей Инженернаго Вѣдомства. В случаѣ же его отказа предложить выѣхать из предѣлов Россійской Республики.

Подпоручик Цейтлин*), занимая должность взводнаго офицера о политическом моментѣ не высказывался, почему политическія его убѣжденія нам неизвѣстны. 18 ноября 1919 г. участія в подавленіи возстанія не принимал. Как офицер и начальник стоял вполнѣ на высотѣ своего призванія. Был аккуратен, добросовѣстно относился к службѣ, заботился о том, чтобы его подчиненные имѣли всегда вполнѣ исправное об-

*) Подпоручик Цейтлин был очень дѣльным и опытным офицером. Он был офицером до-военнаго времени, но не продвинулся в чинах, так как в первых-же боях 1914 года попал к нѣмцам в плѣн и назад в Россію (Владивосток) прибыл незадолго перед Гайдовским возстаніем.

мундированіе и отопляемое помѣщеніе. Как человѣк был в высшей степени корректен и вѣжлив, внѣ строя держался просто, избѣгая всевозможных строгостей и наказаній. В виду вышеизложеннаго просим освободить подпоручика Цейтлина из под ареста и предложить вступить в ряды Рев. Ар.

Портупей-юнкер Слѣпухин*), находясь в ротѣ с самаго начала курса и занимая различныя командныя должности, был придирчив и несправедлив. Среди своих сослуживцев зарекомендовал себя с дурной стороны. Для искупленія всего прошлаго предложить ему вступить в ряды дѣйствующих частей РНА в качествѣ рядового бойца. В случаѣ-же его отказа привлечь к отвѣтственности за уклоненіе от военной службы.

Вервин
Кортаков
Ищенко
Шляховскій
и т. д.

К удивленію Кортакова я заявил ему, что "оба предложенія для меня не пріемлемы. Под властью большевиков я не служил ни минуты и надѣюсь и в дальнѣйшем мнѣ удастся не идти против моей Родины. Службу в Народно-Революціонной Арміи я считаю все равно, что в Красной. Между ними отличіе невелико. Что-же касается до выѣзда за-границу, то для этого надо и капитал и знаніе иностранных языков, в частности англійскаго. Я-же никогда уроков англійскаго языка не брал. Отпустят на свободу, так, авось, и на частной службѣ не помру с голоду".

* * *

*) Послѣ производства портупей-юнкеров в подпоручики фельдфебелем мною был назначен Андрей Слѣпухин — образцовый унтер-офицер, окончившій унтер - офицерскіе курсы во 2-м батальонѣ. За выдающіяся способности он был переведен в юнкерскій (1-й) батальон. Слѣпухин происходил из простых сибирских крестьян. Это-то и обижало «интеллигентов»: «поставили над нами мужичка».

Вечером того-же дня среди арестованных распространился слух, что на-днях будут освобождены 14 офицеров, а остальные переведены во Владивостокскую тюрьму. Настроенiе среди арестованных сразу пало. Моей роты Поручик Цейтлин под большим секретом сообщил мнѣ, что в числѣ подлежащих освобожденiю намѣчены я, он и Штабс-Капитан Агапитов и таким образом всѣ офицеры 3-й роты будут на свободѣ (Агапитов хотя и командовал ротой во 2-м батальонѣ, но мои портупей-юнкера считали его своим и, настояв на освобожденiи всѣх офицеров роты, причислили и его к таковым).

Послѣ обѣда 12-го февраля всѣ мы, арестованные, были выведены на мороз и долго ждали прибытiя „Начальника Школы". Наконец появился Нельсон-Гирст со списком в руках. Дѣйствительно, четырнадцать человѣк подлежало освобожденiю, остальные — в тюрьму. Я был в числѣ подлежащих освобожденiю. В послѣднiй раз крѣпко пожал я руку Борису Ивановичу Рубцу. (Послѣ этого мнѣ не суждено было с ним встрѣтиться).

Нас, четырнадцать человѣк, подлежащих освобожденiю, вернули в помѣщенiе собранiя и мы из окна долго смотрѣли на уводимых в тюрьму. Их вели по серединѣ бухты Новик. Два ряда конвойных сопровождали их, идя по сторонам.

* * *

Приблизительно часа через два нас тоже вывели и под конвоем повели в город. Нас сопровождал портупей-юнкер Балышев, который сказал мнѣ, что прежде чѣм нас выпустят на свободу, мы должны быть представлены чинам В. Ч. К. „на опознанiе".

В. Ч. К. помѣщалась в „Московском Подворьѣ" на Полтавской улицѣ.

Не помню уж сколько времени нам пришлось там ждать, но время тянулось безконечно. Наконец, по-одному стали нас выводить. Дошла очередь и до меня. Ввели в какую-то комнату. За столом сидѣли: одна дама и четыре мужчины. Балышев назвал меня. Дама, с соболем на плечѣ, долго всматривалась в меня и сказала: „не он". Остальные члены коллегіи тоже отрицательно покачивали головой, произнося: „нѣт" или "не он".

Мнѣ приказали выйти в другую камеру. Михаил Балышев крѣпко пожал мнѣ руку и поздравил с освобожденіем из-под ареста. Я одѣл шубу и вышел на Полтавскую улицу......

Так закончилась моя военная служба!

Куда было идти? Был десятый час вечера. Поѣзд на Седанку, гдѣ жила моя семья отходил в полночь. Я рѣшил зайти к знакомым — к Навским. Там был полный дом гостей — обыватели жили своей жизнью...

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

1. Мысли относительно происхожденія событія 28-го января в У. И. Ш. на Р. О. 2. Переворот 31-го января и Золотой запас Владивостокскаго отд. Государственнаго Банка.

При внимательном разсмотрѣніи, событія 28 го января в Учебной Инструкторской Школѣ на Русском Островѣ невольно вызывают недоумѣніе; чувствуется какая-то „неувязка". Дѣйствительно, переворот в пользу красных производит та именно часть, которая в теченіе весьма продолжительнаго времени являлась одним из главных оплотов Всероссійскаго Правительства Адмирала А. В. Колчака во Владивосткѣ. В теченіе многих мѣсяцев чины Школы (многіе-полных два года), боролись с большевиками. Как-же они вдруг могли измѣнить своим идеалам? Что их толкнуло на арест своих прямых начальников?

Много лѣт спустя, когда уже в эмиграціи у меня началась интенсивная переписка с Полковником Рубцом, послѣдній подѣлился со мною своими мыслями и впечатлѣніями того времени. Ниже привожу дословныя выдержки из писем Б. И. Рубца ко мнѣ:

„...... Наша поѣздка оказалась безцѣльной и завершилась неожиданным инцидентом. Если-бы я знал,

насколько обострилось положеніе, то я ни за что-бы не поѣхал в город, так-как наш отъѣзд и дал толчек к нашему аресту".

„Главной моей цѣлью было: ознакомившись с обстановкой в городѣ освѣдомить не только офицеров, но и юнкеров Школы, чтобы этим внести успокоеніе, как мнѣ казалось, нарушенное отъѣздом Плѣшкова и паническими свѣдѣніями распространяемыми Масленниковым, Волковичем и многими офицерами второго и третьяго батальонов".

„Повторяю, это была ошибка. Я до сих пор виню себя за это. Останься я и, объѣзжая всѣ роты, назначь смотр батальонам, я бы отвлек юнкеров от мысли, что их бросают на произвол судьбы. До сих пор я остаюсь при мнѣніи, что весь наш крах, т. е. арест, произошел от перепуга юнкеров, которые считали, что мы всѣх их бросим. Вспоминая теперь все происшедшее, прихожу к выводу, что „у страха глаза велики"......

Это письмо Полковника Рубца подтвердило мое мнѣніе, что не так уж виноваты перед нами юнкера — они были убѣждены, что мы, офицеры, бросим их так-же на произвол судьбы, как хотѣл это сдѣлать наш Начальник Школы. Но мы, в большинствѣ своем, этого сдѣлать не предполагали, а надѣялись общими усиліями всѣх военно-учебных заведеній отстоять от захвата большевиками Владивостока и его окрестностей.

* * *

Без боя сдано было красным Приморье в 1920 году. Сдано в значительной степени из-за того, что „у страха глаза велики". Красная власть утвердилась во Владивостокѣ, но не долго властвовали там большевики: 3-го - 4-го апрѣля того-же 1920 года разразились новыя событія, послѣ которых, красное знамя хотя и не было спущено, но вліяніе коммунистической партіи в Приморьѣ оказалось сведеным почти-что на нѣт. А потом—пришли каппелевцы и семеновцы. Трехцвѣтный стяг вновь был поднят в Южно-Уссурійском краѣ. Наступила зима 1921-22 г. и бѣлоповстанцы пошли в свой послѣдній наступательный поход. Хабаровск был взят. Части Генерала Молчанова уже у ст. Ин... Однако, из Хабаровскаго похода ничего не вышло: у бѣлых—Временнаго Приамурскаго Правительстваденег не было, займа под успѣхи бѣлоповстанцев не удалось получить и еще через полгода, в октябрѣ 1922 года, во Владивосток вступали уже стройные ряды регулярных полков Красной Арміи...

„Всѣ загражденія, воздвигаемыя Старой Россіей на путях новых сил*) оказались недѣйствительными"; — восклицает В. Г. Болдырев в своей книгѣ. Да, это так оказалось в дѣйствительности, но отчего? — Тому много причин и нѣт возможности всѣх их здѣсь перечислить.

Здѣсь позволю себѣ отмѣтить факт: С ПАДЕНІЕМ ВЛАСТИ ГЕНЕРАЛА РОЗАНОВА ВО ВЛАДИВОСТОКѢ В РУКИ КРАСНЫХ ПЕРЕШЛО 100,000,000 рублей ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА, хранившагося во Владивостокском отдѣленіи Государственнаго банка. Из этих ста милліонов —

*) Красной Москвы (Ред.).

СЕМЬДЕСЯТ МИЛЛІОНОВ было в ВАЛЮТѢ (чистым золотом). Кратковременное властвованіе во Владивостокѣ большевитствующих с 31-го января по 3-е апрѣля ОЧИСТИЛО Владивостокское отдѣленіе Госуд. банка: — золото было вывезено в Благовѣщенск, являвшійся в том году центром коммунизма на Дальнем Востокѣ.....

Останься же золото во Владивостокѣ до начала апрѣльских событій, оно неизбѣжно-бы попало в руки каппелевцев и семеновцев, т. е. тѣх, кто зимой 1921-22 г. пошел в поход на освобожденіе Россіи. Как сложилась-бы тогда обстановка, что вышло-бы тогда из так называемаго Хабаровскаго похода — гадать теперь безполезно, но случай сей весьма поучителен. Вдумавшись, мы во всяком случаѣ не можем не согласится с мыслью, выраженной стихом:

......борись до послѣдней минуты,
Мужайся и крѣпни в, борьбѣ",

ибо они основаны на великой Евангельской истинѣ: „Претерпѣвый до конца — спасен будет".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НА „ЛЕЙТЕНАНТѢ МАЛѢЕВѢ"

1. В дни Гайдовскаго возстанія. 2. Послѣдній поход в залив св. Ольги.

Сибирская флотилія, имѣвшая своей базой Владивосток, в 1919 году состояла из отряда больших судов („Орел", „Якут", „Магнит", „Свирь" и еще нѣсколько других судов) и дивизіона миноносцев („Лейтенант Малѣев", „Твердый", „Бойкій", „Быстрый" и „Инж. Механ. Анастасов"). Самое крупное из судов — „Орел" именовался крейсером. В дѣйствительности-же это был военный транспорт, превращенный в дни Великой войны во вспомогательный крейсер.

В серединѣ ноября 1919 г. миноносец „Инж. Механ. Анастасов" находился в починкѣ, и в строю, таким образом, оставалось только четыре миноносца. Ноября, примѣрно, 15-го из Морского Штаба пришло приказаніе: взять воду, уголь, команду на берег не спускать и быть в боевой готовности.

17-го ноября утром, примѣрно, часов в 9-10, из Морского Штаба был подан сигнал: „стать на бочки". Миноносцы отшвартовались и вышли на середину „Золотого Рога", гдѣ и стали согласно приказа.

Слегка покачиваясь, стояли миноносцы на бочках. Время шло. Около двух часов дня со стороны Эгершельда донеслись звуки начавшейся пальбы. Выступленіе началось! На миноносцах ждали приказаній, но их пока не поступало из Штаба. Пальба в районѣ вокзала продолжалась...

Около 5 часов из Штаба семафором был передан сигнал: „выйти на траверз вокзала". „Лейтенант Малѣев"*) снялся с бочки, и направился к вокзалу. Но тут оказалось, что в створѣ миноносца и вокзала находится махина американскаго крейсера „Албани". Когда миноносец подошел на сравнительно небольшую дистанцію к американцу, с него был передан в рупор совѣт командиру русскаго миноносца „по добру, по здорову отойти в сторону" **). Одновременно с сим на „Албани" заиграли боевую тревогу.

Дѣлать было нечего: не тягаться-же миноносцу с союзным крейсером-великаном: „Лейтенант Малѣев" отошел, и подался нѣсколько далѣе к выходу из „Золотого Рога". Здѣсь он занял наблюдательную позицію, но очень скоро по нему с берега был открыт огонь. Миноносец отвѣтил. Загорѣлся бой....

---

*) „Лейтенант Малѣев" — 350 тонн, ход 23-24 узла.

**) Позднѣе американцы оправдывались тѣм, что боялись попасть под перекрестный огонь.

Время шло. Бой миноносца с повстанцами, находящимися на берегу, продолжался. Обшивка и трубы миноносца были уже порядочно изрѣшетены пулями повстанцев. То немного утихая, то возгораясь с новой силой, бой продолжался до 11 часов вечера, когда огонь сошел почти-что на нѣт.

Со времени снятія своего с бочки, „Лейтенант Малѣев" никаких новых распоряженій из Штаба не получал до 2 часов ночи (18-го ноября), когда из Штаба на миноносец прибыл Старшій Лейтенант Королев с приказаніем. Оно говорило о том, что с разсвѣтом Правительственныя войска пойдут в атаку на мятежников. „Лейтенанту Малѣеву" предписывалось взять под огонь своих 75-ти миллиметровых орудій вокзал и нѣкоторые другіе квадраты, дабы тѣм самым поддержать атакующих и подавить врага.

Начало сѣрѣть. „Лейтенант Малѣев" открыл огонь и вел его до тѣх пор, пока не пришло извѣстіе о захватѣ Правительственными частями вокзала и капитуляціи мятежников. Послѣ этого миноносец отбыл на свою обычную стоянку.

Днем 18-го ноября во Владивосток с Ольги прибыл транспорт с батальоном 36-го Сиб. стр. полка, под командой Капитана Доставалова.

* * *

В концѣ ноября 1919 г. „Лейтенант Малѣев" был отправлен в залив св. Ольги для связи с Правительственным отрядом, занимавшим Ольгинскій раіон и ведшій борьбу с красными партизанами. Во главѣ этого Правительственнаго отряда стоял Командир 36-го Сиб. стр. полка.

Прибыв в бухту св. Ольги, Командир „Лейтенанта Малѣева" увидѣл, что его судно является единственным в гавани. Командир стрѣлковаго полка посѣтил миноносец, высказав при этом свое удовлетвореніе по поводу прибытія судна и надежду на то, что с прибытіем „Лейтенанта Малѣева" положеніе в раіонѣ примет болѣе устойчивый характер. Дѣло в том, что чины полка и приданной к нему артиллеріи, не видя за собой каких-либо судов, проявляли извѣстную нервность. Агенты красных сим пользовались и в полку стали наблюдаться случаи дезертирства рядовых бойцов.

Прошло нѣсколько дней. Командир стрѣлковаго полка вновь посѣтил миноносец. На сей раз он был встревожен: дезертирство не только не прекратилось с приходом миноносца, но в послѣднюю ночь к красным ушла значительная партія распропогандированных стрѣлков. Красные также смѣлѣли. Начальник гарнизона спросил Командира миноносца: „Возможно-ли, в случаѣ крайней надобности, принять на миноносец всѣх офицеров, вѣрных стрѣлков и пушки?" На это, увы, Командир миноносца мог дать только отрицательный отвѣт: маленькій миноносец, имѣвшій и без того команду в 76 чел., мог принять в самом крайнем случаѣ еще человѣк 30 — 40, не больше. Никакого разговора о пушках и не могло быть. Взять их — это значило-бы перевернуть миноносец...... Приходилось ждать пока Владивосток соблаговолит прислать транспорты за Правительственным отрядом.

Дни бѣжали. Положеніе в районѣ принимало с каждыми сутками все болѣе и болѣе тревожный характер. Правительственный отряд поджался к самому городку (Ольга). Уход к красным стрѣлков стал теперь почти-что обычным дѣлом. А по водѣ залива уж запиавало сало...

Пришла холодная ночь и... на утро миноносец оказался скованным льдом. А что такое миноносец затертый во льду? Это уже не миноносец, а только батарея на открытой и гладкой мѣстности. Непріятное было положеніе, но Командир рѣшил постараться как-нибудь выйти из положенія. Своими средствами команда стала подрубать лед вокруг миноносца. Подрубили, миноносец заработал винтами и своим тонким носом стал подламывать лед... Полынья увеличивалась и, постепенно прорубая дорогу, „Лейтенант Малѣев“ благополучно выбрался на середину бухты. Тут командир и команда вздохнули свободнѣе.

Прошли еще одни тревожные сутки, но вот на горизонтѣ появились транспорты. Они шли с стрѣлковым полком. Свободно вздохнул Начальник Правительственного гарнизона. Не один десяток людей мысленно возблагодарил Бога...

Погрузившись на транспорты, Правительственный отряд покинул Ольгу, направившись во Владивосток. Одновременно с ним ушел из Ольги и „Лейтенант Малѣев“.

Это был послѣдній поход. Вскорѣ пришли событія 30-31-го января 1920 г., а вмѣстѣ с ними и оставленіе Родины на пос. суднѣ „Якут“.

3-Я РОТА УЧЕБНОЙ ИНСТРУКТОРСКОЙ ШКОЛЫ НА РУССКОМ ОСТРОВѢ В БОЮ 18-ГО НОЯБРЯ 1919 ГОДА

К 50 чинам роты (1 портупей-юнкер, 1 рядовой офицер и 48 егерей) по собственному желанію присоединились, находившіеся в городском отпуску, 3 егеря 4-й роты.

Из общаго числа 53 бойцов, рота понесла потери в бою: два убитых (егеря Дымченко Александр и Дьяченко Иван), два тяжело раненых (рядовой офицер Мальберг Иван и егерь Яковлев Георгій; у обоих отняты лѣвыя ноги), один легко ранен (егерь Шнейдер Владимир) и два легко раненых, оставшихся в строю (егеря Радецкій-Микулич Георгій и Ломакин Алексѣй), итого рота потеряла пятерых чинов.

Из 53 бойцов, участвовавших в бою один егерь (Владимир Шнейдер) был награжден Георгіевским крестом 3-й степени, 22 егеря — Георгіевским крестом 4-й степени и остальные 30 человѣк получили Георгіевскія медали.

ИСТОЧНИКИ

При составленіи данной книги были использованы свѣдѣнія, полученныя от лиц, поименованных ниже.

Полковник РУБЕЦ-МОСАЛЬСКІЙ (Пом. по строевой части Нач-ка Уч. Инст. Шк. на Р. Ос. и Командир 1-го батальона этой-же Школы) — записки и письма.

Полковник БОРОВИКОВ (Командир 3-го батальона той-же Школы) — словесныя показанія.

Подполковник ХАРТЛИНГ (Командир 3-й роты этой-же Школы) — записки, документы, личныя воспоминанія, переписка с различным лицами. (Гайдовское возстаніе в частности было записано через 3-5 мѣсяцев послѣ событій.)

Поручик СУРАЖКЕВИЧ (Адъютант Командира 1-го батальона и Начальник развѣдки Школы) — письма.

Лейтенант ПИКЕЛЬ (Командир миноносца „Лейтенант Малѣев") — Записки и словесныя показанія.

Юнкер БѢЛОВ (Перваго Артиллерійскаго Училища) — воспоминанія.

Юнкер ФИЛИМОНОВ (того-же училища) — личныя воспоминанія, записная книжка.

Кромѣ того были использованы книги:

Ген.-лейт. К. В. САХАРОВ — „БѢЛАЯ СИБИРЬ".

В. Г. БОЛДЫРЕВ — „ДИРЕКТОРІЯ, КОЛЧАК, ИНТЕРВЕНТЫ".

Фотографіи для книги были любезно предоставлены:

Княгиней Вѣрой Ром. ГАНТИМУРОВОЙ — 1 штука, Ант. Як. ЗАРИНОЙ—3 шт., Ек. Як. СТИХИНОЙ—3 шт., Капитаном ЩЕДРИНСКИМ — 1 штука.

Б. Б. Филимонов.

„Бѣлоповстанцы"—Книга 1-ая и Кн. 2-ая „На путях к Уралу".

В концѣ книги „На путях к Уралу" нами были приведены четыре отзыва о книгах Б. Б. Филимонова. Сейчас мы дает еще нѣсколько отзывов о работах даннаго автора.

„ВОЗРОЖДЕНІЕ" ПАРИЖ. № 2576 от 21-го іюня 1932 г.

„Недавно мнѣ прислан из Шанхая автором книги „БѢЛОПОВСТАНЦЫ" Б. Филимоновым его труд, посвященный дѣятельности мало кому вѣдомых русских воинов, которые зимою 1921 г. в лютый сибирскій мороз, двинулись из Южно-Уссурійскаго края на сѣвер к Хабаровску. Об этом походѣ мало кто из русских людей на западѣ имѣет ясное представленіе, вслѣдствіе отдаленности точки приложенія сибирских бѣлых сил. Теперь-же, благодаря безстрастному и крайне добросовѣстному изложенію названнаго автора, ознакомленіе с этой славной страницей борьбы бѣлых армій дѣлается, вполнѣ возможным"...

Юрій Данилов.

* * *

„ЗАРЯ", ХАРБИН, № 61 от 5-го марта 1933 г.

„Так мало и так рѣдко выходят русскія книги. И русскій читатель должен привѣтствовать всякую хорошую книгу, которая в условіях эмигрантскаго существованія, выходит на русском языкѣ. К числу таких книг, заслуживающих всяческаго одобренія и широкой читательской поддержки мы должны отнести книгу Б. Б. Филимонова „БѢЛОПОВСТАНЦЫ".

„ЧАСОВОЙ" ПАРИЖ. № 93 от 1-го декабря 1932 г.

„Книга Филимонова сохранит навсегда имена бѣлых сибирских героев и названія славных бѣлых частей. Филимонов ведет своего читателя шаг за шагом, от селенія к селенію, от города к городу, от сопки к сопкѣ. Вмѣстѣ с автором, вы как-бы сами участвуете во всѣх этих безчисленных переходах при лютых сибирских морозах, в жесточайших боях, смѣлых рейдах, атаках, развѣдках. Вы свыкаетесь с этими странными героическими частями, ведущими партизанскую, порой совершенно первобытную войну, зачастую без пушек и пулеметов. К концу чтенія вы чувствуете прямо физическую усталость, так живо вы переживаете все нечеловѣческое напряженіе бѣлых частей. Ижевцы и Воткинцы, Уфимцы и Камцы, Волжане, Омцы, Егеря Глудкина, Красноуфимцы, Добровольцы, Маньчжурцы (всѣх нѣт возможности и перечислить) — послѣдніе героическіе бойцы за честь и свободу Россіи:

„Вы заслужили родные
Славу и вѣчный покой:

Под сибирскими сугробами вѣчен их покой, а слава, а память о них, благодаря книгѣ Филимонова навсегда останется в назиданіе потомству".......

Е. Т.

• • •

„ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ", ШАНХАЙ, № 222 от 18-го марта 1932 г.

„Послѣдній взлет подбитаго бѣлаго орла не дал ему воспарить. Во много раз превосходившіе бѣлоповстанцев силы красных хорошо снабженные и вооруженные рѣшили судьбу послѣдняго бѣлаго похода. И вот о нем, об его подвигах, об его жертвах, об его вождях и рядовых бойцах разсказывает интересная книга Б. Филимонова. Разсказывает очень обстоятельно, с приведеніем многих документальных данных, с широким освѣщеніем каждаго сколько-нибудь значительнаго эпизода. Автор строг и требователен к себѣ, автор заражен искренним стремленіем быть объективным и это подкупает, это располагает, ибо так рѣдка среди нас спокойная объективность, освобожденная от личных, групповых, себялюбивых настроеній. С добросовѣстностью точнаго хирурга Б. Филимонов старается вскрыть и освѣтить обстоятельства, обстановку и ход Хабаровскаго похода. Много горькаго в этой книгѣ, много грустнаго, но и много такого, что заставляет лишній раз сладко и томительно замереть русское сердце и испытать чувство горделивой отрады.

Мы рекомендуем прочесть книгу „БѢЛОПОВСТАНЦЫ" и дальневосточной эмиграціи и, в особенности нашей молодежи. Ей слѣдует не только „знать свойства своего народа и выгоды земли своей", но и эпопею борьбы этого народа, его героических дѣл и подвигов. И еще эта книга цѣнна тѣм, что напоминает нам о нашем гражданском долгѣ, о котором так часто, увы, забывают в эмигрантских рядах среди сутолки обывательских интересов и злоб".

А. Петров.

• • •

„ИЗВѢСТІЯ РУССКАГО ОБЩЕ-ВОИНСКАГО СОЮЗА", ХАРБИН, № 94 от......1934 г.

„Вышла в Шанхаѣ и недавно появилась в продажѣ в Харбинѣ 2-АЯ КНИГА Б. Филимонова „БѢЛОПОВСТАНЦЫ". Тот, кто читал первую часть книги, в которой автор описывает начало приморской бѣлой эпопеи, несомнѣнно, с еще большим интересом прочтет только-что вышедшую часть вторую книги. Если бѣлое Приморье вообще было послѣдней отчаянной попыткой горсти русских патріотов отстоять, сохранить от набѣжавшаго краснаго шквала, хотя-бы крошечную пядь родной земли, то Хабаровскій поход является наиболѣе трогательной и прекрасной страницей его, тѣм „безумством храбрых", которому нельзя отказать в славѣ.

Спокойно, безпристрастно, с учетом всѣх промахов и ошибок, повѣствует автор о всѣх перипитіях борьбы за удержание Хабаровска бѣлыми............... Тѣх-кто был в бѣлом Приморьѣ и участвовал в Хабаровском походѣ, книга Филимонова заставит вновь пережить незабываемыя минуты, а каждому русскому человѣку еще раз напомнит о том, как доблестно, молча, безропотно, на далекой окраинѣ, умирали за Россію ея послѣдніе вѣрные офицеры и солдаты. Усиленно рекомендуем книгу читающей публикѣ".

В. К-ч.

* * *

„АРМІЯ И ФЛОТ", ШАНХАЙ. № 2-1193 за март 1935 г.

...„До сих пор мы все поем только о героизмѣ и хвастаемся, что все было хорошо. А почему мы здѣсь? Почему лучшіе генералы, с государственным золотым запасом, с тысячами офицеров, юнкеров и всей интеллигенціей и помощью союзников, выброшены за границу? Почему мы разбиты? Кѣм разбиты: вахмистрами, унтерами, матросней, каторгой, чернью? Почему?

Разбитые вожди пишут свои мемуары, но не всегда пишут правду... а мы, которые еще не кончили сражаться, которые готовимся к новому бою, мы должны знать правду, потому что мы хотим исправить ошибки, научиться и побѣдить......

.... книга Филимонова отличная книга для историка и цѣнность ея огромна.

Книга Филимонова нужна для будущих столкновеній, она должна раскрыть глаза на то, что одной молодости без знаній, боевого опыта, служебнаго ценза, воспитанія, уваженія и любви к военной наукѣ слишком мало.

На войнѣ учиться поздно — надо творить и каждый промах оплачивается головами.

Этим мы не хотим сказать, что только старики могут руководить и вести к побѣдѣ. Конечно нѣт и старики проиграли „Міровую" и „Гражданскую" войны и они оказались достаточно: бездарны, безвольны, пассивны и наивны с противником.

Мы говорим, что старики без молодежи, как и молодежь без стариков никогда не создадут арміи и не выиграют кампаніи. Надо продвигать вперед „таланты внѣ возраста, но не внѣ науки".

Своей книгой Филимонов освѣтил потемки восточных операцій и сказал правду...

Н. В. Колесников *).

• • •

Из письма И. И. СЕРЕБРЕННИКОВА **), ТЯНЬЦЗИНЬ.

„Прочел внимательно Вашу книгу „На путях к Уралу". Скажу откровенно и без намѣренія сдѣлать Вам непремѣнно пріятное, что общее впечатлѣніе от книги очень хорошее. Дух времени уловлен Вами правильно, и событія изображены довольно ярко. Хорошо, что Вы отмѣчаете участіе в первых противобольшевитских добровольческих отрядах гимназистов, реалистов и т. д. По моему мнѣнію, основной характерной чертой бѣлаго движенія было как раз то обстоятельство, что „младенец связался с чертом". Я хочу сказать этим, что главной дѣйствующей силой бѣлаго движенія была немногочисленная молодая интеллигенція, т. е. гимназисты, реалисты, кадеты, студенты, юнкера, а так-же и молодые офицеры, Штабс-капитаны, Подполковники, Полковники — часто тоже вчерашніе гимназисты и реалисты. Мнѣ кажется, это обстоятельство слѣдовало-бы оттѣнять во всѣх трудах военно-исторических, подобных Вашему"...

• • •

„СЛОВО", ШАНХАЙ, № 2029 от 18-го ноября 1934 г.

„Б. Б. Филимонов правильно взял тон для своих записей. Спокойное изложеніе факта, без превращенія малых тѣл в большія, без славословій одним, порицанія другим. Безпристрастіе в этой третьей книгѣ Б. Б. Филимонова выражено очень четко.

Перед нами проходят эпизоды, когда полки в... 150 бойцов, дивизіи в... 350, шли почти без оружія, очищая город за городом от многочисленных красных банд. Это описаніе и сейчас через 16 лѣт увлекает. Жаль этого порыва русскаго офицерства и рядовых бойцов, который пропал даром. Книга издана прекрасно. К ея достоинствам нужно отнести и превосходную корректуру автора.

Амурец.

*) Полковник Генеральнаго Штаба.
**) Быв. Министра Сибирскаго Временнаго Правительства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

В заставкѣ, равно как и на обложкѣ книги изображен герб ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО времени Всероссійскаго Правительства Адмирала А. В. Колчака. При этом средняя часть заставки изображает полную и точную копію офиціально принятаго герба, в рисункѣ-жѣ обложки видоизмѣнен только крест—он облегчен: из тяжелаго, вещественнаго креста, он превращен в легкій, нерукотворный крест сіянія славы. Герб Государства Россійскаго принятый Правительством Верховнаго Правительства был составлен и нарисован Казанским художником Ильиным, нынѣ проживающим в С. А. С. Ш.